

АЙЯ СУББОТИНА

ДУМАТЬ

НЕ БУДЕМ

ПОКА НИ О ЧЕМ

Каждая романтическая история начинается знакомством и заканчивается свадьбой: жили они долго и счастливо, и умерли в один день. Все «настоящее» всегда остается за кадром, потому что у счастливой пары нет никаких проблем. Мы с Антоном познакомились на свадьбе... наших бывших. Мы поженились через пару недель, без признаний и искр в глазах. Все было просто: он хотел домашний уют, я хотела сильную спину, чтобы чувствовать себя в безопасности. Мы нашли друг в друге комфорт и удобство. Так нам тогда казалось. И наша непростая история началась после финальных титров.

- [Глава первая: Йен](#)
- [Глава вторая: Антон](#)
- [Глава третья: Йен](#)
- [Глава четвертая: Антон](#)
- [Глава пятая: Антон](#)
- [Глава шестая: Йен](#)
- [Глава седьмая: Антон](#)
- [Глава восьмая: Йен](#)
- [Глава десятая: Антон](#)
- [Глава одиннадцатая: Йен](#)
- [Глава двенадцатая: Антон](#)
- [Глава тринадцатая: Йен](#)
- [Глава четырнадцатая: Антон](#)
- [Глава пятнадцатая: Йен](#)
- [Глава шестнадцатая: Йен](#)
- [Глава семнадцатая: Йен](#)
- [Глава восемнадцатая: Антон](#)
- [Глава девятнадцатая: Антон](#)
- [Глава двадцатая: Антон](#)
- [Глава двадцать первая: Йен](#)
- [Глава двадцать вторая: Йен](#)
- [Глава двадцать третья: Йен](#)
- [Глава двадцать четвертая: Йен](#)
- [Глава двадцать пятая: Антон](#)
- [Глава двадцать шестая: Антон](#)
- [Глава двадцать седьмая: Йен](#)
- [Глава двадцать восьмая: Йен](#)
- [Глава двадцать девятая: Йен](#)
- [Глава тридцатая: Антон](#)
- [Глава тридцать первая: Антон](#)
- [Глава тридцать вторая: Йен](#)
- [Глава тридцать третья: Йен](#)
- [Глава тридцать четвертая: Антон](#)
- [Глава тридцать пятая: Антон](#)

- [Глава тридцать шестая: Йен](#)
 - [Глава тридцать седьмая: Антон](#)
 - [Глава тридцать восьмая: Антон](#)
 - [Глава тридцать девятая: Антон](#)
 - [Глава сороковая: Йен](#)
 - [Глава сорок первая: Антон](#)
 - [Глава сорок вторая: Йен](#)
 - [Глава сорок третья: Антон](#)
 - [Глава сорок четвертая: Йен](#)
 - [Глава сорок пятая: Антон](#)
 - [Глава сорок шестая: Антон](#)
 - [Глава сорок седьмая: Йен](#)
 - [Глава сорок восьмая: Йен](#)
 - [Глава сорок девятая: Антон](#)
 - [Глава пятидесятая: Йен](#)
 - [Глава пятьдесят первая: Йен](#)
 - [Глава пятьдесят вторая: Йен](#)
 - [Глава пятьдесят третья: Антон](#)
 - [Глава пятьдесят четвертая: Антон](#)
 - [Глава пятьдесят пятая: Йен](#)
 - [Глава пятьдесят шестая: Йен](#)
 - [Глава пятьдесят седьмая: Антон](#)
 - [Глава пятьдесят восьмая: Антон](#)
 - [Глава пятьдесят девятая: Йен](#)
 - [Глава шестидесятая: Антон](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Глава первая: Йен

Всех гостей на свадьбе можно разделить на три категории.

Самая большая — это родственники. Их много, они разные, громкие и обычно именно они начинают травить старые анекдоты, выдавая их за семейные байки.

Вторая — это друзья. Много говорят, много веселятся, громче всех кричат «Горько!»

И третья — это такие, как я. Кого приглашать не хочется, но нужно. Потому что это будет слишком заметно и странно.

— А как вас зовут? — пододвигается ко мне сидящий справа мужчина лет сорока. У него неопрятные усы и некрасивые, как будто выцветшие на солнце мутные глаза. — Я вот Алексей.

— Йен, — говорю я и пригубливаю, но не пью, кислое до оскомины красное сухое вино.

У Саши всегда был дурной вкус на алкогольные напитки. Намного хуже, чем на женщин.

— Как? — икает мой незадачливый ухажер.

Стандартная реакция. Тяжело объяснять людям, что меня назвали в честь героини известной фэнтези-саги. Почему-то, например, имя Николь или Феодора звучит намного понятнее, чем что-то, что начинается на почти самую непопулярную букву алфавита.

— Йен, — терпеливо повторяю я и чуть-чуть приподнимаю бокал, когда кто-то из родственников заканчивает скучный тост предложением выпить за счастье молодых.

Саша смотрит на меня через весь зал, натянуто улыбается, как будто этот жест — не один из многих, а огромный восклицательный знак над моей головой: «Эй, народ, у нас тут бывшая!»

— А чем вы занимаетесь, Й... Йан? — опрокинув в себя стопку, продолжает клеится сосед.

— Пишу книги.

— О!

Еще один мой «любимый» звук. Быть работником банка или менеджером — это всегда «ничего себе!» или «ух-ты!». Учительница, врач, работник сферы обслуживания — «как интересно!». А писатель — это стопроцентное «О!» Как будто я заодно признаюсь в том, что к способности складно собирать слова в предложения у меня есть еще десяток щупалец, вторая голова на затылке и философский камень в правом кармане.

Хорошо, что неумемная тамада снова не дает гостям нормально закусить и отправляет всех участвовать в дурацких конкурсах. Плохо, что на этот раз она явно нацелена выгащить из-за стола даже самых больших молчунов. Вот как я.

— Так, нам нужны молодые девочки! — У тамады профессиональная деформация — даже стоя рядом кричит так, что закладывает уши.

Она берет меня за предплечье.

Ничего такого, кроме того, что это вроде как слишком личный жест.

Но я быстро, как от горячего, одергиваю руку и отступаю на шаг, потирая место, где ко мне только что прикасалась чужая рука. Даже через одежду чувствую неприятный до зубной боли контакт кожи с кожей. Тамада смотрит на меня с непониманием, но быстро переключается на другую жертву.

Я не люблю, когда ко мне прикасаются. Это старая и грустная история, если не сказать

грязная и болезненная. Сломанный стержень моей пирамидки, который я склеила лишь бы как, чтобы не рассыпаться, и теперь, стоит случиться шторму, надеюсь, что он выдержит еще немного. До следующего ремонта.

Нас — пятерых женщин и пятерых мужчин — выводят в центр огромного зала.

У Саши всегда было специфическое представление о том, что значит «дорого и богато». Модный ресторан, красная и черная икра на столе. И вишенка на торте — явно очень дорогое платье невесты и бриллиант у нее на пальце. Если я хоть что-то и знаю о человеке, с которым была вместе полтора года, на весь этот пафос он потратил больше, чем может себе позволить. Все ради пыли в глаза, показать своим друзьям, что он вскарабкался на одну ступеньку выше.

Мне кажется, что наряд невесты чересчур пафосный для, пусть и богатой, но «земной свадьбы». Такое впору надевать, чтобы пройти целую процессию по ступенькам какой-то виллы в теплых странах. Но разве бывшая может быть объективной?

— Так, а теперь — паруемся! — Тамада громко смеется и аплодирует своей же шутке. Как будто по ее щелчку мы должны срочно пережениться с первым, кого удастся схватить за галстук.

Я нарочно держусь в стороне, даже не глядя на богатый выбор мужчин.

Они все — не моя возрастная категория.

Мне двадцать шесть, Саше уже тридцать семь и, насколько я знаю, у него нет друзей младше сорока. Он всегда в окружении старших и опытных, говорит, что привлекает положительную энергетику денег и успеха, перенимает жизненный опыт и правильную мотивацию. На самом деле — просто пытается влезть в мир, где простым смертным нет места. Если только они не обладают выдающимися талантами.

— Кажется, я достался вам, — слышу рядом обычный мужской голос и даже не сразу понимаю, что он обращается ко мне. — Так и знал, что нужно было надевать костюм.

Я не знаю почему, но первым делом обращаю внимание на руки. Они вот тут, рядом: обычные руки, обычные ладони, аккуратные ногти без заусениц. У него выразительная костяшка большого пальца, какая-то острая, угловатая. Возможно потому что торчит из рукава с прорезью для пальца. Вот уж точно слишком «молодежный» вид.

Поднимаю взгляд выше. Темно-серая толстовка сидит как влитая на животе и груди, выше — на плечах, перетекая в высокий ворот, «скомканный» шнуровкой.

Лицо — это всегда самое интересное, поэтому, превозмогая желание, оставляю его на «сладкое», снова возвращаясь взглядом к груди. Ниже, до темно-синих джинсов с потертыми боками и коленями. Не в облик, но по бедрам, достаточно выразительно, чтобы оценить ровность и длину ног. Ступни у него тоже небольшие, в странных черных кроссовках без шнурков.

Он точно собирался на свадьбу?

— Не люблю костюмы, — как будто угадав мои мысли, продолжает мой пока что безликий собеседник. — Переехал недавно, рубашки не успел перевезти. Понятия не имел, что бывшая пригласит на свадьбу накануне вечером.

А вот это уже интересно.

Ну что ж, еще один бывший на этом торжестве чужого счастья, давай знакомиться.

Даже не пытаюсь угадать, что увижу, когда, наконец, притрагиваюсь взглядом к его лицу. Кого-то особенного? Уникального? Человека, который был с женщиной, к которой ушел мой мужчина?

У него обычное лицо, без перегибов в тяжелую челюсть или брутальный изгиб губ. Обычный подбородок, немного приподнятые «яблоки щек», ровный нос, совершенно простые губы в обрамлении простой же щетины. Глаза карие, как будто с врожденным прищуром. Широкие, но аккуратные брови. Пара родинок над той, что справа. Коротко стриженные волосы с приличной сединой, хоть на вид ему около... Даже не знаю. От тридцати, но точно меньше сорока?

И последний штрих.

Даже не знаю, почему не сразу обращаю на это внимание, потому что обычно именно запах для меня — своего рода сигнал к знакомству.

— Афганец?^[1] — на своей волне спрашиваю я, безоговорочно угадывая знакомый тяжелый и очень специфический запах самой что ни на есть настоящей конопли, которой посыпали спил хорошо продымленной маслянистой древесины. — Тяжеловато для выхода в свет днем.

Но ему идет.

Запах сидит как дорогой аксессуар, а такие ароматы нужно уметь «носить». И дано это, увы, далеко не всем.

— Только переехал, — повторяет мужчина. — Что бросил в машину — с тем и живу. Антон, — представляется он и к моему большому облегчению не протягивает ладонь для рукопожатия. Просто улыбается.

— Йен, — называюсь я.

— В честь колдуньи из Венгерберга? — Он как будто даже приятно удивлен. Никакого «О!» или «Как-как вы сказали?».

Читает фэнтези?

Можно сказать, что Йен — это старо-шотландское имя и означает «милость богов». Я часто так делаю. Это проще, чем объяснить далеким от чтения взрослых сказок людям, что иногда родители называют своих детей не только в честь героинь затяжных турецких сериалов.

Но ничего из этого не успеваю, потому что тамада вдруг оказывается рядом, сует мне в руки веревку с деревянными прищепками, а Антону ловко завязывает глаза. Он пытается приподнять повязку, но когда на него шикают, послушно прячет руки за спину.

Толстовка немного подтягивается вверх, ровно до того места, где заканчивается пряжка ремня.

Женщины никогда не признаются в этом, но мы оцениваем то, что у мужчины ниже пояса где-то на уровне инстинктов. Просто... мысленно визуализируем, что там может быть по едва уловимым намекам: как натянута ткань, например, как выгибается крупная молния джинсов.

А я, хоть и закомплексованная фригидная ледышка — из-за этого рядом с Сашей за свадебным столом теперь сидит другая женщина — и вегетарианка в сексе, иногда все же люблю подсматривать в «мясное меню».

Вроде там нет ничего такого, что делает мужскую походку нарочито вразвалку.

Почему мне кажется, что даже через повязку моя «пара» видит мой взгляд? Может быть, потому что он немного удивленно приподнимает бровь?

Тамада объясняет правила: женщины вешают друг на друга прищепки в произвольном порядке, а мужчины за минуту должны снять как можно больше с завязанными глазами. Потом мы меняемся ролями и все повторяется. Та пара, у которой будет больше всего

прищепок в корзинке, получит приз.

Я мысленно сжимаюсь до размера молекулы, когда женщина средних лет вдруг подмигивает мне и начинает цеплять в меня прищепки со скоростью степлера. Пару раз больно прихватывает ткань вместе с кожей, но это ерунда по сравнению с паникой, которая заставляет меня нервно сжать пальцы в замок.

— Все, готово, — довольно потирает ладони «помощница» — и я с ужасом замечаю, что она прицепила прищепки так, что моему напарнику придется очень тщательно меня ощупать, чтобы найти хотя бы половину.

Господи.

— Все хорошо? — переспрашивает Антон, чутко реагируя на мой нервный смешок. — Все эти свадебные конкурсы — такое убожество. Чувствую себя бесплатным клоуном. Я ведь не один такой?

— Что? — Я понимаю, что он говорит, но от паники начинают путаться мысли, и, чтобы выиграть время, прикидываюсь непонятливой дурочкой. Беспроигрышный вариант. В компании людей, минимум на десять лет старше, не трудно казаться глупее и неопытнее.

Пока тамада накаляет атмосферу скабрёзными шутками, Антон делает шаг навстречу, приподнимает повязку и за секунду до того, как нас застукают на мухлеже, успевает окинуть меня цепким взглядом.

— Во-первых, не трясись, — неожиданно переходит на «ты». — Во-вторых, я почти все запомнил. Если будешь подсказывать, мы всех сделаем.

— Ээээ... — Получается очень глупо, и даже попытка прокашляться не заглушает бестолковый звук. — Не любишь проигрывать?

— Вообще-то нет. Но на свадьбе бывшей это будет обидно.

— Болезненное расставание? — наугад предполагаю я.

— Скорее — тяжелое и геморройное, — прямо отвечает он.

Я не успеваю придумать достойный ответ, потому что музыка заглушает наш разговор, и Антон оказывается слишком близко, чтобы меня паника все-таки не сожрала меня с потрохами.

Глава вторая: Антон

Когда вчера Наташа позвонила и пригласила меня на свадьбу, я долго ржал.

Как говорится — в голосину и до слез.

Потому что после нашего бурного расставания, когда она бегала за мной, чтобы сказать, какой я хреновый и как ей будет хорошо без меня, был уверен, что больше этой женщине уже ничем не удастся меня удивить.

Ей удалось.

Хотя вряд ли она понимает, что я пришел не для того, чтобы в последний раз увидеть, какой баран и какое счастье прозевал, а, чтобы еще раз убедиться, что бросить ее было самым правильным решением за... да в общем, за до хрена времени.

Одно плохо. Не люблю я эти конкурсы, особенно те, в которых нужно прикидываться лихим и придурковатым.

— Справа... ниже... — Нервно и прерывисто шепчет моя напарница со странным именем, пока пытаюсь по памяти снять с нее прищепки. — Еще ниже...

Я цепляю мизинцем деревянный край, сдергиваю прищепку — и Йен забирает ее из моих рук. Слабо вздрагивает, когда мы на секунду соприкасаемся пальцами. У нее явно какие-то проблемы с физическим контактом, потому что, даже несмотря на мои крайне деликатные прикосновения, она продолжает громко сопеть всякий раз, когда мне приходится до нее дотронуться.

Почему все симпатичные девушки всегда не в ладу с головой?

— Десять! Девять! Восемь! — орет воодушевленная тамада — и я слышу, как парочка справа начинает усердно пыхтеть. Вот где не скучно. Гости уже порядочно выпили, за окном стемнело, так что самое время искать, кого зажать в углу.

— Кто-нибудь закройте ей рот... — жалобно стонет моя напарница, и я абсолютно с ней согласен. — Слева, на краю пиджака.

— Она подсказывает! — орет кто-то из гостей явно в нашу сторону.

Можно подумать, что мы тут играем не на дурацкий бесполезный приз, а на бесценное полотно голландского художника. Люди — такие люди. Обычно таким все всегда нужнее, чем другим, особенно, когда у кого-то из окружающих что-то идет в рассинхрон с надуманными правилами и моралью. А кто придумал эти правила и мораль — не ебет. Все обязаны следовать.

— Не люблю людей, — говорит Йен.

Ну надо же, как у нас много общего.

Когда дурацкий конкурс завершается, и мы с девушкой меняемся местами, я понимаю, что наши проблемы не кончились, потому что даже после старта она просто стоит с завязанными глазами и опущенными руками, даже не пытаюсь что-то делать.

— Мне тяжело притрагиваться к незнакомому человеку, — неожиданно признается она, хоть я и не спрашивал. — Это не имеет к тебе отношения. Это... мои проблемы.

Было бы странно, если бы после пары фраз я вдруг стал настолько противным. Хоть и не красавец, и в целом не качок, не мачо и не «сын маминой подруги» — женщинам нравлюсь, и обычно у меня нет проблем с тем, чтобы им хотелось и моих прикосновений, и моего контакта. Больше, чем на одну ночь.

— Я помогу, хорошо?

Если она и дальше будет так же тормозить, то парочка справа, которую мы в первом раунде обошли на три прищепки, в этом сделает нас всухую. Поэтому беру ситуацию в свои руки, точнее — беру Йен за руки, за запястья поверх пиджака. Она вздрагивает, но после заминки все-таки позволяет вести.

— Это мои плечи. — Укладываю ее ладони и немного прижимаю своими, подавляя порыв одернуть руки. — Слева на рукаве, ниже, на локте. На боку, на джинсах слева, над коленом, на ремне...

Она на удивление хорошо справляется, хоть не подсматривала. Практически с первого раза находит и снимает прищепку за прищепкой, но напряжена настолько, что страшно спугнуть любым неосторожным движением.

Только на мгновение замирает, когда приходится искать прищепку в области ремня.

Ладонями по моему животу, ниже. Замирает. Поджимает губы и втягивает воздух веснушчатым носом. Спускает руки на бока, проводит по карманам. Вздергивает голову, явно выпрашивая подсказку.

— Немного ниже, слева, — сдаюсь я.

Сколько ей лет? Явно не по возрасту сладкой парочки. И она совершенно точно не Наташина подруга: у моей слава_богу_бывшей вообще не тот контингент приятельниц. И я бы точно заметил среди них кого-то в смешных круглых очках.

— Нашла, — с облегчением выдыхает Йен — и тамада, наконец, заканчивает вакханалию.

Если эта крикливая баба хотя бы еще раз посмотрит в мою сторону, я вспомню, что по долгу службы научился самому эффективному способу посылания людей на хер — буквальному.

Я пришел сюда наслаждаться свободой и перекошенным лицом бывшей, которая, кстати, в эту минуту как раз сверлит меня взглядом через весь зал. И смотрит так, будто я заявился на ее белые ковры в грязной обуви.

Не отвожу взгляд, просто смотрю и жду, что будет дальше. Мы уже часа три как в четырех стенах, а до сих пор не обмолвились и словом, так что есть повод ждать как минимум пламенную речь где-то между разрезанием торта и фейерверком.

Наташа, конечно, показательно лезет целоваться к своему теперь уже мужу. Очень в ее стиле. Как всегда, забыла, что я от природы не ревнив. Абсолютно. Не вижу смысла тратить силы на неприятные эмоции. С вечной нервотрепкой на работе расстраиваться из-за женщин просто неразумно, это бесполезная трата сил и нервов. А учитывая, как часто они любят просто позлить, чтобы напроситься на всплеск собственничества, то поддаваться на их игры тем более глупо.

Мы с Наташей были вместе почти три года. И, пожалуй, за эти три года не было месяца, когда бы я не смотрел на нее и не задавался мыслью: почему и зачем я с этой женщиной? Вроде все случилось очень банально — на сайте знакомств. Это только кажется, что мужчине за тридцать ничего не стоит найти женщину на улице. При моей работе, когда ушел в восемь утра и вернулся в десять вечера, и так даже в выходные, верить в сказки о свалившемся на голову счастье уже просто не получается. Пришлось брать ситуацию в свои руки. Только все было как-то вяло. Сначала написала малолетка с банальными ошибками в словах и с которой не о чем было поговорить. Потом дама с претензией на крутость и с фото в профиле на фоне старого ковра на стене. А потом написала Наташа. Я посмотрел на нее и подумал, что она мне не нравится, и что пишет она как-то глупо, и что при таких внешних

данных слишком уж выпендривается. Но на тот момент это был мой рак на безрыбье, и после отношений, в которых у меня просто не было нормального секса, я подумал, что с этой барышней можно неплохо провести время до более интересного варианта.

А потом как-то втянулся, стало уже по фигу. Секс был с выдумкой, Наташа «сделала» губы, перекрасила волосы и в целом поработала над тем, чтобы сделать себе «модную внешность». Правда, к этому всему прилагался еще ребенок от бывшего мужа, но меня им особо не напрягали.

— Мы проиграли, — тушуетсЯ Йен, перебивая мой невольный мысленный прыжок в прошлое, и как-то нерешительно вертит в руках веревку с прищепками, которые тамада оставила всем проигравшим в качестве утешительного приза. — Сожалею, что испортила ваш триумф.

В наше время девушка, которая умеет правильно и грамотно разговаривать — это прямо редкость. Особенно для меня, человека, который кабаку и бане с проститутками предпочитает вечер с книгой. Поэтому переключаюсь с Наташи на Очкарика и улыбаюсь одной из тех улыбок, которые использую, чтобы расположить к себе человека.

— Зато у нас есть прищепки.

Она поправляет очки и тоже улыбается: пугливо, осторожно и всего на мгновение отвечая на мой взгляд в глаза.

Что в ней есть? Светлые, собранные в «хвост» на затылке волосы, темно-зеленые глаза, круглое лицо со щеками, которые наверняка выглядят забавно, когда она дуетсЯ. Обычные «не обколотые» губы, простые брови, почти незаметный макияж, не скрывающий редкие недостатки кожи. Мне чуть выше плеча, маленькая и худощавая. Болезненно бледная — и это бросается в глаза именно сейчас, когда у нее до смешного сильно покраснели щеки. Одета в темно-красный брючный костюм и белую рубашку, застегнутую на самую верхнюю пуговицу. Весь вид говорит: я никого не ищу, я не заинтересована в случайном знакомстве, я вообще не очень хочу здесь находиться.

— Тогда тебе они нужнее. — Йен передает мне приз и снова одергивает руку, когда я притрагиваюсь к ней пальцами, на этот раз абсолютно намеренно. — Все-таки новоселье. Спасибо за игру. И была рада знакомству.

Все это скороговоркой, куда я не могу вставить ни слова.

Разворачивается и уходит на свое место за столом в другом конце зала. Я сажусь на свое и понимаю, что просто не вижу Очкарика с комплексами из-за сидящих между нами тучных мужиков и женщин. А жаль. Посмотреть хочется. Просто из природного любопытства, и чтобы понять, с чьей стороны она здесь гостья. Родственница Наташиного мужа?

Примерно через час, когда тамада «милостиво» разрешает гостям потанцевать, и я с облегчением выдыхаю, потому что сидящие слева и справа мужики перестают жевать и зажимать меня с двух сторон, снова чувствую пристальный взгляд в затылок. Три месяца как расстались, а я до сих пор хорошо помню это неприятное липкое ощущение. Хочется сунуть голову под ледяную воду и отмыться, как будто там остались следы.

Кстати, а ведь правда всего три месяца как разошлись, а вроде только на прошлой неделе со скандалом заставлял ее вывезти вещи.

Улучаю момент, чтобы поискать мою случайную знакомую, но за столом ее уже нет. И среди танцующих как будто тоже. Уже сбежала? После того, как гости торжественно наполнили копилку будущей семьи конвертами, никого на фиг не интересует, остаешься ты до финала или свалишь. Свой долг молодой семье уже отдал.

— Не думала, что тебе хватит смелости прийти, — где-то справа слышу голос Наташи.

Даже поворачиваться не хочется. Что я там не видел? Те же волосы, то же кислое выражение лица и все то же печально пустое декольте. И снова вопрос в голове: зачем я потратил на эту женщину столько сил, времени и нервов?

И снова она говорит что-то в духе «лишь бы сказать», лишь бы слить негатив — и неважно, что ко мне он не имеет никакого отношения.

— Может, хотел проследить, что ты попала в хорошие добрые руки? — по-прежнему затылком «говорю» я. — А то, знаешь, попадетсЯ очередной абьюзер вроде меня, будет жестоко насилловать твою нежную психику. А мы, абьюзеры и любители домашнего насилия, видим друг друга издалека. Вот твой муж сразу видно: настоящий, ответственный и хороший мужик.

«Классический алень», — про себя добавляю я.

Наташа все-таки обходит стол, становится прямо передо мной, как будто собирается расстрелять в упор с трех шагов. Вся такая в богатом и белом, и руки нарочно сложила так, чтобы камень на пальце торчал, словно свидетельство ее правоты. Уже забыла, что это не она ушла из моей жизни, а я вытолкал ее оттуда с матами и скандалами.

— Хорошо выглядишь, — говорю дежурную вежливость. — Счастье тебе идет.

— Рада, что ты заметил разницу, — не может не укусить в ответ.

Почему с женщинами так всегда: пытаешься как-то спокойно, чтобы не нагнетать, а они тут же видят в этом слабинку и начинают лихо отплясывать чечетку на трупе, как им кажется, врага.

— Как я мог не заметить, когда ты так сверкаешь, — киваю на кольцо, даю понять, что ее представление не осталось незамеченным. — Нужно было писать в пригласительных, чтобы гости брали с собой сварочные маски, а то как бы не ослепнуть от такого богатства.

Тема денег настолько болезненная для нее, что до сих пор доводит до стиснутых зубов и перекошенной натянутой улыбки.

— Не все мужчины в этом мире думают, что поделиться своими возможностями с женщиной, которую любишь и которая обеспечивает комфорт, — это величайшее право, которое еще нужно заслужить.

Все-таки хорошо, что эта женщина больше не моя проблема.

— Ну куда уж мне, простому бедному следователю, тягаться с бизнесменом, — продолжаю иронизировать я. — Сразу видно, что тебя холят и лелеют. И все твои таланты, наконец, нашли ценителя.

А самое обидно, что она даже не в состоянии понять тонкий стеб. По лицу видно, что пытается, но как всегда ей очень тяжело долго напрягать мозг. Тем более, что я невольно даю повод переключиться на другую тему, когда замечаю идущую на свое место ту самую девушку с именем колдуньи из моей любимой фэнтези-саги.

— Ты серьезно? — с нотками визливости насаждает Наташа. Когда злится — почти всегда переходит на такой ультразвук, что хочется почистить уши. — Ты знаешь, кто это?

— Точно не твоя подружка, — пожимаю плечами. Хотя действительно интересно.

— Это бывшая моего мужа.

О как!

Не зря она привлекла мое внимание. Все-таки работа накладывает коррективы на поведение и восприятие человека, а чутье на то, что дело не чисто, никогда меня не подводило. С самого начала она была белой вороной среди гостей, и даже странно, что я не

догадался, потому что теперь это очевидно и просто, как дважды два.

— А почему нас не посадили рядом? — Роняю взгляд на Наташу и снова слезу за Очкариком. Она спокойно усаживается на свое место и тут же оказывается объектом флирта, сидящего рядом уже немолодого и порядком выпившего мужичка. — Нам точно есть, о чем поговорить. Столько общих тем.

На самом деле, мне действительно любопытно, потому что вот у этой странной и закомплексованной, но симпатичной девушки, Наташа увела лакомый кусок, Мужика из Высшей лиги. Ладно я повелся на в общем не нужную мне женщину, потому что выбора не было. Но если выбирать между той и этой, то я бы остановился на Очкарике.

— Она малолетка, которая любит морочить мужикам голову. Динамщица.

— Это тебе любимый муж рассказал? — Даже если Наташа выставит мне пятитомник с диагнозом Очкарика, подписанный консилиумом психиатров, я все равно не поверю ни единому слову. — Тогда понятно, почему у вас с ним случилась такая стремительная любовь.

Наташа сжимает кулаки, нарочито медленно и громко выдыхает через нос.

У нее был один плюс, благодаря которому мы и продержались так долго. Она все же темпераментная баба. И отжигать умеет так, что мама не горюй. Только эти вспышки страсти все равно приелись и в конечном итоге стали вызывать изжогу.

Я поднимаюсь.

— Собираешься закрутить с ней мне назло? — в спину шипит Наташа, следуя за мной по залу, как будто это в порядке вещей — приклеится к бывшему на собственной свадьбе. — Думаешь, мне не все равно?

— Наташ. — Поворачиваюсь, взглядом даю понять, что сейчас она снова переступает черту. — Муж уже заскучал. А я не настолько важный гость, чтобы невеста лично сдувала с меня пылинки. Кстати, камень правда отличный.

Плевать я на него хотел, но сказать не сложно. Пусть порадует. Все женщина похожи в одном — всем хочется «умыть» бывшего.

Глава третья: Йен

Мне явно не место на этом празднике жизни.

Жаль, что я понимаю это только сейчас, когда взгляд то и дело тянется к Саше.

Саше тридцать семь, но он выглядит отлично для своих лет. Любитель спорта, высокий, широкоплечий, с идеально выбритым подбородком и ухоженными волосами. Он — педант. Любитель мелочей во всем. В костюме и белой рубашке, даже когда застолье окончательно избавилось от налета торжественности, до сих пор в галстук с красивым зажимом.

Судя по редким взглядам, которые он бросает в мою сторону, пытается понять, почему я до сих пор не ушла. Я и сама не знаю. Наверное, чтобы довести ситуацию до верхней границы боли и абсурда. Может хоть тогда мне не будет так противно от всего этого.

— Красавица, а давай выпьем? — шлепает губами крепко выпивший сосед по столу, и я, стараясь не выглядеть грубой, отодвигаюсь от него.

Выпивший мужчина — это мой личный анти-фетиш. Как и алкоголь в принципе. Но сегодня я пью. И, кажется, уже побила свой личный рекорд почти десятилетней давности: два бокала молодого вина, которые уложили меня в койку накануне вступительных экзаменов.

— Прости, мужик, но девушка со мной, — вклинивается уже знакомый мне голос, и я невольно вздрагиваю, когда между мной и настырным ухажером вдруг появляется преграда. В сером модном свитере и потертых джинсах, в сопровождении громко солирующего дымного аромата смол. — Привет, малыш. Прости, что задержался.

Я поворачиваюсь к Антону и успеваю заметить короткое заговорщицкое подмигивание.

— Привет. — Звучит глупо, но это единственное, что приходит в голову. — Я не прикарманила ни одной прищепки. — Скрещиваю пальцы. — Клянусь.

Он делает вид, что раздумывает, верить ли моим словам.

— Я подумал, что бывшим лучше держаться вместе, — наконец, говорит он, и я чувствую острый прилив стыда, от которого мгновенно вспыхивают щеки. Это слишком очевидно при моей болезненной бледности. — Слишком в лоб? — прищуривается Антон.

— Немного, — осторожно, как всегда, чтобы никого не задеть и не обидеть, отвечаю я. — Уже и сторона невесты в курсе, что на горизонте бывшая?

— За всю сторону не скажу, но меня предупредили на твой счет.

— Даже так? — Попытка издать ироничный смешок провалена с треском. И лучше не пытаться реабилитироваться. — И какими же смертельными вирусами я могу заразить?

— Список был слишком длинный — я не запомнил, — с серьезным видом подыгрывает он. — Но что-то мне подсказывает, что если ты пообщаешься со своим бывшим, то наши паразиты найдут много общего и передружатся.

Умение поддержать разговор — это особенный талант.

Такой же уникальный, как и «носить» тяжелый восточный аромат от экстравагантного парфюмера посреди бела дня к совершенно свободному стилю одежды.

— Любишь фэнтези? — наконец, задаю вопрос, который вертится на языке с первой минуты нашего знакомства.

— Люблю читать. Ну а «Ведьмака» могу на память процитировать хоть сейчас. Весь первый абзац «Последнего желания».

И действительно цитирует: выразительно, с правильной, но не карикатурной

интонацией, сопровождая все это той самой мимикой, которую хочется потрогать пальцами. Прямо сейчас вытянуть руку и провести по выразительному углублению от улыбки на правой щеке.

Но стоит вспомнить, что для этого мне придется притронуться к незнакомому человеку — и желание гаснет так же стремительно, как и разгорелось.

— Почему она тебя бросила? — спрашиваю я, пока Антон наливает себе минералку. — Прости, если я тоже слишком в лоб.

— Меня никто не бросал. — Он пристально следит за моей реакцией и даже не выглядит удивленным. — Вижу, что у тебя другая версия развития событий. Порадуй моего внутреннего злого Антошку — расскажи свою.

Я даже не знаю, что ему сказать.

Все, что произошло за последние месяцы, было таким... странным, что, когда Саша вдруг решил рассказать о злоключениях своей новой женщины, я даже не сразу поняла, что он это всерьез.

Мы расстались спокойно и тихо. Просто в один прекрасный день он пришел с большим букетом цветов, коробкой конфет и в красном галстуке. И вдруг начал о чем-то говорить, говорить, пока я смотрела на узел его галстука и думала, что я никогда не завязывала ему галстук вот так, как будто руки у меня растут не из плеч, а немного ниже и сзади. И что темный волос на его белой рубашке рассказал обо всем до того, как я вдруг стала «бывшей».

Мы были вместе полтора года. И все эти полтора года я пыталась быть хорошей, удобной и комфортной. Чтобы хоть как-то компенсировать другие свои недостатки, которых у меня куда больше, чем у нормальной женщины. Я смотрела этот проклятый длинный черный волос и думала, что лучше бы Саша просто написал мне сообщение: «Ушел к другой, не выдержал тебя». По крайней мере, это было бы честнее, чем откуп в виде мертвых цветов и шоколадных конфет с апельсиновым желе. Потому что у меня всегда была жуткая аллергия на апельсины.

Я сказала, что все понимаю. Правда ведь понимала. С моими «странностями и холодностью» вопрос замены меня на нормальную женщину был вопросом времени. Может быть поэтому я не плакала, не обвиняла и, когда Саша начал неловко топтаться в пороге, предложила сделать ему чай и поговорить, как прошел день. У него на носу висел тяжелый проект, Саша сутками убивался на работе, и если мы не могли быть парой, то по крайней мере я могла и дальше его слушать.

Только говорить о работе он не стал.

Вместо этого как-то восторженно, словно новобранец на присяге, начал рассказывать, что наконец-то нашел «ту самую», что его понимают с полуслова, дают все, о чем он даже боялся мечтать, исполняют каждую прихоть и просто заглядывают в рот. И вот так, слово за слово, почему-то то и дело поглаживая кривой узел галстука, перешел на свою Настоящую.

Почему-то еще тогда я подумала, что его рассказ очень демонизирован.

Ну а сейчас, когда тот самый «избивающий несчастную женщину жлоб и поганый следак» смотрит на меня с милым прищуром, я в который раз убеждаюсь, что стоит больше доверять своему чутью.

— Избивающий? — Антон запрокидывает голову и громко, наплевав на приличия, хохочет. — Жлоб?! Не зря я не люблю женщин.

— Саша очень щедрый, — пытаюсь улыбнуться я, пригубивая вино. Я бы никогда не стала пить такое сухое, если бы не хотела слиться с толпой. Если бывшая букой сидит среди

гостей, не пьет и не ест, то она планирует отравить молодоженов — и лучше погнать ее вон мокрыми тряпками. — Ему всегда нравилось делать подарки, облегчать женщине жизнь.

А про себя добавляю, что он очень часто забывается и делает красивые жесты, которые ему совсем не по карману. Вот как эта свадьба, например.

— Он ее правда любит, — уже совсем на своей волне говорю я.

Ресторан, платье, бриллиант.

Нет, меня он тоже никогда не обижал. Скорее обижался, что я ничего не просила. Думала, что меня за это будут ценить, а моей трудоспособностью и финансовой независимостью будут гордиться. А оказалось, что моя самостоятельность была чечеткой на его мужском достоинстве. А ему, как взрослому мужчине, хотелось заботиться о своей женщине, а не слышать каждый раз: «Я сама, спасибо».

— Уверен, что она его тоже любит, — кивает Антон, но в его голосе столько иронии, что ее, как отдельное блюдо, можно подавать к столу.

Не хочу переспрашивать.

— Девушка с именем колдуньи, может, мы, наконец, уйдем с этого скучного вылизанного праздника? — неожиданно предлагает он. — Честно говоря, у меня от этой показательной идеальности уже гмм... одно место слиплось.

Я тяжело схожусь с людьми. У меня и подруга-то всего одна, и та со школьной скамьи.

Еще тяжелее мне с мужчинами. Наверное, если бы я не была крестницей Сашиной мамы, а мой отец не был крестным его младшей сестры, и наши семьи не проводили вместе каждый праздники, мы с ним не стали бы парой. Я бы просто не смогла быть рядом с мужчиной, на которого смотрела как на что-то слишком идеальное для такой сложной поганки как я.

Я никогда не принимаю приглашения случайных мужчин.

Поэтому открываю рот, чтобы выдать один из парочки заранее подготовленных вежливых отказов, но вместо этого слышу:

— Буду рада, если забереешь меня отсюда.

Антон немного удивленно улыбается — согласие явно обескуражило не только меня.

Протягивает руку, чтобы помочь мне встать, но я делаю вид, что не заметила жеста обычной вежливости. А он, кажется, делает вид, что не заметил моего отказа принять помощь.

Когда мы, следуя рядом, но даже не прикасаясь друг к другу плечами, обходим зал по кругу и оказываемся в дверях, я чувствую взгляд в спину. Даже два взгляда. Очень хочется оглянуться, увидеть лицо Саши, но выдерживаю режим «невидимки».

Антон прав — этот праздник слишком красивый и торжественный. Как поминки.

Хоть так, похоже, думает только парочка бывших, так что нас можно считать лишь статистической погрешностью.

Глава четвертая: Антон

Я — не идеальный классный понимающий благородный мужик.

Я редкая сволочь, засранец и циник.

Поэтому ни на секунду не сомневался в том, что обо мне Наташа будет рассказывать только ту правду, на фоне которой она выглядит мучающейся грешницей. Еще до того, как Йен подтвердила мою догадку, мысленно угорал над тем, как все-таки поворачивается жизнь. Ты классный, любимый и самый лучший, но ровно до тех пор, пока укладываешься в парадигму — мужик должен. А как только перестаешь гробить свою жизнь на чужие прихоти, становишься козлом и абьюзером.

Сука, жадным абьюзером!

В моем телефоне до сих пор висит ее сообщение двухнедельной давности: «Я люблю тебя, прости, давай начнем сначала!» Точнее, это целая автоматная очередь сообщений. И даже мой острый аналитический ум немного теряется от того, как все-таки насрано бывает в некоторых «светлых» женских головах: то я тиран и мудака, то любовь всей жизни. Интересно, на что Наташа рассчитывала, приглашая меня посмотреть, как ей хорошо с Тем самым? Что я нажрусь с горя? Полезу с кулаками к ее мужу? Начну играть в неандертальца и уволуку ее из-под венца?

— Ты точно следователь? — спрашивает Йен, когда я подвожу ее к своей машине.

У меня большой черный внедорожник. Типа, крутая тачка, а по факту — довольно старенький «Гранд Чироки», купленный для наших снежных питерских зим. На самом деле, хорошее, выгребавшее из любого дерьма «ведро», которое, когда я разорусь и сделаю «полный комплект», будет покруче всяких Геликов и Рендж Роверов.

Но когда это еще будет?

— А не похож на следака? — Я забираюсь в салон и открываю вторую дверь. Йен быстро забирается внутрь, и я невольно задерживаю взгляд на том, как она плотно сжимает колени и очень сосредоточенно ищет ремень безопасности.

— Не очень, если честно, — осторожничает она.

Сразу видно, что тут человек, для которого деликатность — это не часть хороших манер, а большая проблема. Почти как трудовая повинность.

— Следователь по особо важным делам ГСУ. Экономический сектор, — разжевываю я.

И наслаждаюсь тем, как округлились ее глаза, как немного приоткрылись губы. Можно подумать, что признался в порочащих связях и развратных наклонностях. Хотя насчет второго мне тоже есть что сказать, но не сегодня, пожалуй.

Хоть я вообще не уверен, будет ли у нас «завтра».

После разрыва с Наташей я настолько разочаровался в женщинах, что последние три месяца вообще не искал женского общества. А для меня — любителя хорошо потрахаться — это очень приличный срок.

— Я тебя боюсь, — признается Очкарик. — Наверное, видишь людей насквозь.

— Вообще-то нет. — «Вообще-то да». — Пристегнулась?

Это была бы вежливость и элемент флирта: наклониться к ней, чтобы проверить, все ли в порядке с ремнем безопасности, но она так шарахается от любой близости, что я держу порыв при себе.

— Да. — Малышка прилежно демонстрирует, что разобралась и без моей помощи.

Что ж, кажется, нам обоим нужно немного оторваться.

— Куда хочешь съездить?

Пока она поджимает губы и сосредоточенно думает, вырulingиваю со стоянки и включаю музыку. Делаю погромче, краем глаза наблюдая за Очкариком. Обычно я люблю слушать музыку громко: после тягомотины и мозгообства на работе громкий речитатив с задорным русским крепким матом — то, что нужно.

Но на этот раз все словно по заказу: мелодичный медленный бит, тот редкий случай, когда мне нравится романтический подтекст пацанского текста.

«В язык тела превращаются ее слова, мне нравится, что я могу быть с ней нагловат...»^[2] — из динамиков куда-то как будто между нами.

Очкарик стремительно краснеет, когда наклоняюсь вперед, задерживаясь ровно там, где на щеки ложится ее рваное горячее дыхание.

Я люблю делать то, от чего меня прет.

И никогда не подавляю эти порывы, потому что почти всегда они заканчиваются чем-то приятным.

Музыка щекочет ушные перепонки, запах духов Очкарика очень необычный — какие-то белые и очень колючие цветы в цитрусовом сиропе. Не помню даже, когда меня в последний раз так «вставляло» от женского запаха. Обычно как-то по фигу, лишь бы не воняло так, что башка в развал.

— На ней обувь от Джими Чу... — подпеваю в унисон парочке рэперов, фиксирую на себе взгляд перепуганных зеленых глаз. — Остального на ней не хочу...

Малышка шумно втягивает воздух ртом, двумя ладонями, как за спасительную соломинку, хватается за ремень безопасности. Такое чувство, что у нее сейчас случится сердечный приступ, и может — точнее, почти наверняка — я перегибаю палку, но не по херу ли?

— На ней не то, чтобы нет белья... — Нарочно шепотом, чтобы мой голос не выпирал громче ребят из моей любимой группы. И уже просто губами, беззвучно: — На ней ни...

— Я бы выпила, — скорее вздрагивает, чем говорит Йен, вжимаясь в сиденье так, словно мы с ней героини известной сказки про Шапочку и Волка. И итог нашей встречи предрешен и известен заранее. — Что-то сладкое и с пузырьками.

Она только заканчивает фразу, а я уже знаю, чем ее удивлю.

Понятно, что она хочет шампанского, но, учитывая наше с ней знакомство и наши статусы бывших, угощать ее классикой как-то совсем не хочется. Банально — аж зубы сводит. И хоть поить Очкарика я буду не сладким, уверен, что ей понравится. Главное, чтобы не увлеклась до того, как скажет свой адрес. Несмотря на то, что наше знакомство как бы намекает на общую ночь, тащить закомплексованную девушку в постель совершенно не хочется. Но уже сейчас я почти уверен, что возьму у нее номер телефона и перезвоню, чтобы попробовать продолжить знакомство уже в «среднестатистических условиях». Хотя в последний раз я ходил на классическое свидание почти три года назад, с Наташей. И, как и с предыдущими женщинами до нее, еще больше укрепился в мнении, что узнать женщину по-настоящему можно только в быту. Поэтому всегда старался как можно быстрее перевести конфетно-букетный период в плоскость «давай жить вместе». И еще потому, что есть проклятая работа, с которой на свидания просто не остается ни времени, ни сил.

Если я когда-нибудь и женюсь, то это произойдет стремительно, как щелчок пальцами. Скорее всего, ни хрена не удачно, но зато хоть избавлюсь от вопросов в духе: «А чего это ты

в тридцать пять — и не женат, и без детей?» Будет железная отговорка: «Был женат, не понравилось, больше не хочу».

Пока Йен задумчиво смотрит в окно, все так же двумя руками удерживая ремень безопасности, я веду машину по залитой дождем и наводненной машинами улице. Лето в наших краях было такое, что впору ждать новой волны шуток о том, что петербуржцы видят его только на открытках и в фотошопе. И сентябрь, как логическое продолжение: с первых дней зарядил дождем, притащил тяжелые серые тучи и молочные густые туманы в духе Сайлент-Хилла^[3].

— Ну а ты чем занимаешься? — чтобы разбавить затянувшееся молчание, спрашиваю я. А то из себя выжал почти всю подноготную, а с кем имею дело даже не поинтересовался.

Она поворачивается ко мне, зачем-то снимает очки и немного шурится.

Есть у меня одна фантазия из разряда «18+» на тему очков, но без них ее лицо немного меняется. Не сильно — и я даже не могу сказать, в чем именно, но передо мной уже как будто другой человек: пристально разглядывающая меня симпатичная девушка без всей этой напускной «роковой красоты». И без стеклянной преграды взгляд становится еще больше настороженным.

Да что я такого спросил? Ну разве что она засланный шпион, и тогда мы с ней будем играть в Штирлица и Мюллера?

— Я пишу книги, — наконец, говорит Йен.

Хорошо, что я как раз притормаживаю на очередном светофоре, потому что действительно удивлен. Как-то так сложилось, что у меня были девушки из сферы косметологии, была медсестра, была даже любительница смотреть ночью в телескоп и составлять гороскопы, а еще гадалка. Но писательницы — ни одной. Для меня, любителя много и запойно читать, эти люди всегда были кем-то вроде отдельной касты: недостижимые и уникальные.

— Ух ты, — не могу сдержать первую реакцию. — Целая живая писательница?

— Я бы не была так уверена насчет живой, — смущенно улыбается она и снова краснеет. — По-моему, осетрина была второй свежести. Давала себе зарок никогда не есть красную рыбу, которую покупала и готовила не я сама, но не удержалась.

— Любишь форель, лосося, горбушу?

— Форель, пожалуй, больше всего.

— Договорились, малыш, приготовлю на завтрак лично для тебя. Даже гриль расчехлю.

Я не говорю ничего такого. Я вот такой и есть: не люблю жевать сопли, сразу озвучиваю вещи, которые могу сделать и сделаю, если мой порыв не прибить какой-то херней в духе: «Мы с вами только пять минут, как перешли на «ты»!»

Йен моментально отводит взгляд. В ожидании ее реакции покрепче сжимаю руль.

— Без лимона, — наконец, негромко и явно подавляя дрожь волнения, говорит она. — Не люблю рыбу под лимоном. У меня сразу начинается изжога.

Мы оба понимаем, что речь идет не о завтрашнем завтраке после сегодняшней ночи.

Это просто... элемент игры, небольшой флирт. Ну а лично для меня еще и своеобразный способ «прощупать» женщину. Абсолютно уверен, если предложу ей потрахаться, то буду послан далеко и мгновенно, но то, что Очкарик не корчит обиженку в ответ на в общем-то безобидную шутку, мне по душе.

Глава пятая: Антон

В прошлом году, на Рождество, я как-то случайно и неожиданно открыл для себя сочетание двух, казалось бы, несочетаемых вещей: безалкогольного шампанского и классического белого мартини. Даже не помню, что именно побудило смешать то и другое, но по факту получилась какая-то забористая фигня, от которой я в итоге не мог оторваться все праздники. Вроде и не крепко, и не сладко, расслабляет, но не бьет в мозги.

Но то ли тогда я все-таки обпился на всю жизнь, то ли просто из головы вылетело, но об этом «коктейле» вспоминаю только сейчас. Благо, магазин, где все это можно купить, как раз по пути.

Пока я беру с прилавка все, что нужно — Очкарик осталась в машине — в кармане вибрирует телефон. Сразу пару сообщений от абонента «Н». Ну а как еще подписать бывшую? Сначала даже смотреть не хочу, но парень на кассе возится с терминалом, и у меня появляется время, чтобы глянуть, что мне прислали на этот раз.

«Она динамщица! Она тебе не даст, не трать время!»

«Она психованная! Лечилась у психиатра в прошлом году!!!»

«Ты просто мудака, если поступишь так со мной!»

Уууу, как много восклицательных знаков.

Есть только одна причина, почему я до сих пор не блокирую Наташкин номер.

Я — не правильный и не хороший. И мне интересно изучать человеческие пороки под микроскопом. Отчасти, это тоже часть моей работы: чем больше я понимаю логику нелогичных человеческих поступков, тем проще мне понимать логику логичных.

Когда возвращаюсь, Йен вздрагивает и с удивление косится на пару бутылок у меня в руке.

— Безалкогольное шампанское? Не знала, что такое существует.

Она послушно держит простые пластиковые стаканчики, пока я смешиваю содержимое бутылок в равных пропорциях. Полный — ей, и на один глоток себе, чтобы поддержать компанию, потому что пить одна эта малышка точно не станет.

У нее очень интересные реакции. Не смеется, не хлопает ресницами, изображая «прелесть какую дурочку», скорее настороженно, как пугливая кошка, принюхивается и присматривается.

— Это не сладко, но вкусно и с пузырьками, — подмигиваю я. — Попробуй. Клянусь, что ничего туда не намешал.

— И в мыслях не было, — совершенно серьезно отвечает она. — Ты же при мне открыл бутылки.

Вот и первый недостаток: она слишком дергается и зажимается, где ненужно. Практически не оставляет пространства для маневра.

Но, надеюсь, алкоголь быстро исправит дело.

— Хочешь в какое-то конкретное место или просто покатаемся? — предлагаю я. Женщин успокаивает, когда они могут контролировать ситуацию. По крайней мере на первых свиданиях.

— Просто покатаемся, — не раздумывая, выбирает она.

Интересно смотреть, как очень осторожно, как будто делает громадное усилие, прижимается губами к краю стаканчика, делает первый маленький глоток. И все это —

глядя перед собой.

Не спеша проводит языком по нижней губе.

В голову лезет кадр из какой-то порнухи.

Черт, три месяца без нормального секса все-таки дают о себе знать.

— Вкусно! — неожиданно сияет Очкарик.

Только что настороженно сопела — и вдруг такой взрыв неподдельного восторга. Следующий глоток уже большой, жадный, до блаженно зажмуренных глаз и девичьего довольного стога. Не сексуального, а как будто я подарил ей куклу, о которой она мечтала еще с яслей.

От перекрестка до перекрестка всего ничего, но она успевает «приговорить» порцию и я, не дожидаясь, делаю еще одну. Кажется, пить она вообще не умеет и не любит. Но ведь не все бывшие на свадьбах — счастливые свободные, как я? Может, для нее тот гусь был важным и особенным? Может у нее трагедия всей жизни? Не хочу спрашивать. Не настолько она мне нравится, чтобы изображать жилетку.

Второй она выпивает так же быстро, как и первый, и я даже не удивляюсь, когда расстегивает ремень, уже порядком «плавающими» движениями роется в сумке и достает оттуда телефон.

— Можно? — сияет расслабленной улыбкой, давая понять, что хочет подключиться к моей магнитоле.

— Без проблем.

Мне уже до зуда в заднице любопытно, что она слушает. Прости господи, Билана или Пьеху?

Не угадал.

В динамиках какой-то довольно сильный женский голос, с надрывом и «понтами». Громко, даже больше, чем мне бы хотелось, но я не спешу делать тише, потому что Очкарик вдруг «оживает»: стаскивает резинку с волос, ерошит их руками и, как только что прикалывался я, вдруг подхватывает мотив.

Только если я отрывался и откровенно провоцировал, то у нее в голосе слезы и надрыв. И когда вдруг тянется ко мне через весь салон, я даже не успеваю как следует отреагировать. Но ей и не нужно. Куда-то мне в плечо, горячим дыханием, с напускным весельем сквозь слезы:

— Ну ты же видишь какая я... — Всхлипывает, снова мотает головой, как будто пытается выкричать что-то из самой души. — Не как они, и может быть даже зря... ^[4]

Мне нужно как-то разорваться, но не потерять этот взгляд и не влететь в первый же столб.

Очкарик тянется ко мне еще ближе, смело заглядывает в глаза, хоть ее лица за волосами почти и не видно. Светлые пряди запутались в ресницах, на губах след от гремучей смеси, которой она выпила достаточно, чтобы ей сорвало тормоза.

Не буду пользоваться этим.

Офицеры маленьких не обижают.

Но это уже просто издевательство, потому что чем больше я играю в «хорошего парня», тем больше она напрашивается на «злого Антошку».

Уже совсем рядом, грудью по моей руке.

Сжимаю зубы.

Нужно спросить куда ее отвезти.

Тяжело дышит мне в шею, до, сука, мурашек по коже.

— По себе сама...

Я поворачиваю голову, потому что иначе она влезет прямо передо мной.

Здоровенные зеленые глазички без слез, но зрачки расширяются прямо «онлайн», когда нас как-то стремительно несет навстречу друг другу.

— По тебе с ума... — шепчет она, когда я уже мысленно провожу языком по ее губам.

И вдруг отодвигается. Резко, как будто за секунду протрезвела.

Снова вжимается в сиденье и больше не смотрит в мою сторону.

Динамщица, да? Ок, Наташка, один ноль в твою пользу.

— Прости, у меня закружилась голова, — как будто искренне извиняется Йен. — Мне...

Стыдно как, ужас.

— Да ладно, — оттаиваю я. Вообще не имею привычки обижаться на женщин. Но очень даже могу на них злиться. Правда, сейчас и близко не тот случай.

Музыка сменяется на что-то почти блюзовое, и когда моя спутница подозрительно долго молчит, я вдруг понимаю, что она просто... уснула. Как младенец, блин, за пару минут.

Не зря хотел заранее спросить у нее адрес. Видимо, жопа чувствовала, что что-то такое может произойти. На всякий случай осторожно притрагиваюсь к ее плечу и, когда в ответ нет никакой реакции, костяшкой пальца отвожу волосы с лица. Правда спит, хоть даже во сне всхлипывает и прикусывает нижнюю губу.

Меня тяжело как-то «растряссти» на эмоции. Когда был моложе, казалось, что чем больше я буду пытаться понять женщину, тем лучше и качественнее будут наши отношения. Оказалось, что это мнение было одно из самых ошибочных в моей жизни. И как-то однажды, после очередного разрыва, я пообещал себе, что больше никто и никогда не вытащит из меня ничего сентиментального. Никакой любви, никаких обещаний об одной на двоих крышке гроба, и с самого начала полная ясность: все, что начинается, даже если начинается пиздатое, все равно закончится. И не на пороге ЗАГСa или парным местом на кладбище.

Но именно сейчас мне не хочется быть черствым мужиком, который растолкает заплаканную девчонку с разбитым сердцем и отвезет ее туда, где она, возможно, останется один на один со своим горем.

Ну а раз мы вроде как договорились на совместный завтрак, то какие еще могут быть варианты?

До дома — я, наконец, перебрался жить загород — ехать примерно минут тридцать.

Делаю музыку тише, выбрасываю наполовину пустые бутылки в ближайшую урну и сбрасываю настырный входящий вызов, когда на звонящем в беззвучном режиме экране появляется буква «Н». У моей бывшей точно протекла крыша, раз творит такое на собственной свадьбе. Хорошо, что это уже не моя проблема.

Дорогу на моей любимой горке, где меня зимой, пока шло строительство и нужно было пинками подгонять рабочих, «поцеловал» в бок пьяный вдрызг сосед на «Мерине», размыло. Хорошо, что мое старое американское ведерко запросто выгребает и из такого дерьмища. Вообще без проблем.

Моя спутница так ни разу и не просыпается. Только однажды что-то бормочет сквозь сон и ерзает, как будто ищет более удобное положение.

И даже когда осторожно беру ее на руки, коленом закрывая дверцу, не издает ни единого звука. Только как-то доверчиво, как маленькая, прижимается щекой к плечу. Только

раз морщит нос, когда на крыльце ей на нос падает тяжелая дождевая капля. Но все равно продолжает спать, как убитая.

Я укладываю ее на диване на первом этаже. Он большой и удобный, я и сам люблю тут поспать, когда вечером туплю в игровую приставку и становится тупо лень просто подняться в спальню. Так что подушка и теплое одеяло здесь тоже есть. Стаскиваю с Очкарика туфли, секунду медлю, сражаясь с чертями в голове, которые нашептывают, что за мое терпение и примерное поведения я заслужил бонус. Тот, вокруг которого весь вечер вертели мои мысли.

Осторожно, чтобы ее не разбудить и не напугать, расстегиваю сначала самую верхнюю пуговицу на ее рубашке, потом следующую. И еще одну. Если бы я был так застегнут, то на хрен бы задохнулся во сне. Для меня вообще неприемлемо спать в одежде. Тем более, что на либидо не жалуясь, и просыпаться со стояком куда приятнее без трусов.

Остается последнее: ставлю на кофейный стол стакан с минералкой и кладу пару таблеток растворимого аспирина. Сам я такое не люблю и в принципе редко мучаюсь похмельем, но мою гостью, кажется, ожидает «очень доброе утро». Вряд ли она на «ты» с алкоголем, раз напилась всего-то парой стаканчиков очень сильно разбавленного мартини.

Дальше все по стандартной схеме: душ, забросить вещи в стиралку, прикинуть, нужно ли бриться и послать все к черту. Устал как собака. Вроде и день был как день, и я вон даже симпатичную девушку притащил в свою берлогу, а чувствую себя выжатым, как лимон. Но чем черт не шутит? Мало ли какое у нас будет утро, так что лучше быть подготовленным. Хорошо, что у меня в холодильнике всегда есть мясо и рыба. И как раз форель в этот раз.

Замариновать ее — дело десяти минут. Утром как раз будет то, что нужно.

Телефон на столе снова вибрирует и медленно ползет к краю.

И снова абонент «Н».

Интересно послушать, по какому поводу ее так жестко клинит в этот раз. Вот же непробиваемый сибирский характер.

Включаю громкую связь, потому что руки перепачканы сделанным на скорую руку маринадом.

— Вы ушли вместе?! — громким шепотом в трубку то ли шипит, то ли хрипит Наташа.

Молчу, но издаю достаточно шума, чтобы она поняла, что я в курсе ее претензии. Просто вот даже хрен знает, как реагировать и что отвечать. И вроде как заблокировать грустно: хочется узнать, чем же закончится этот цирк. Потому что я сволочь, а не правильный мужик, совершающий только правильные поступки. Как там говорится? Я принадлежу к пяти процентам тех, кто наслаждается своими пороками и не скрывает этого. Остальные девяносто пять делают то же самое, но корчат правильных. Сторонюсь таких «праведников». Никогда не знаешь, что у них на уме.

— Антон, ты это мне назло делаешь, я знаю! Я тебе всегда была нужна! У нас было... все по-настоящему! — Бывшая резко меняет гнев на милость, начинает сопеть в трубку, как будто вот-вот заплачет. — Что ты с нами сделал? Счастлив теперь? Наслаждаешься свободой?!

— Ага, — соглашаюсь я. Ну а хули рассусоливать, если и правда наслаждаюсь? — Наташ, хватит названивать. Мне, конечно, тупо интересно наблюдать, как тебя штормит, но терпение уже кончается.

— Где она? — как будто и не слышит бывшая. — Тебе всегда нравилось меня унижать, делать мне больно!

— «Она», наверное, уже дома, — без зазрения совести вру я. Так будет правильно: неизвестно что Наташа может сделать с этой информацией. Обиженные женщины способны на все.

— Ты не врешь?

А вот тут уже стоп, крайняя точка, черта, которую я прочертил однажды жирным штрихом и колючей проволокой, когда вытолкал ее из своей жизни.

— К мужу иди, новобрачная, — уже абсолютно зло посмеиваюсь я. — А то у него там праздничная женилка без дела пропадает.

— Я знаю, что ты ревнуешь.

— Спокойной ночи.

Если бы в моей жизни появилась женщина, которая вытащила бы из меня ревность, я бы точно не дал ей уйти. Но говорить об этом Наташе бесполезно — пустая трата времени.

Мы были вместе больше двух лет, и за все это время она не смогла запомнить обо мне элементарных вещей. Не в состоянии понять, что я просто развлекаюсь, изучая ее в том числе и как некий экспонат. И никакая ревность или попытка сохранить мосты не при чем.

Эта женщина не знает обо мне самого элементарного.

Ну о чем еще говорить?

Когда с чашкой чая прохожу через гостиную, чтобы подняться к себе, на всякий случай оставляю для писательницы включенный ночник. Скорее всего, она проспит до утра, но на всякий случай... Чтобы не испугалась.

Глава шестая: Йен

Я просыпаюсь как-то сразу, как будто меня больно и основательно укололи цыганской иглой. Просто сажусь и осматриваюсь по сторонам, пытаюсь навести резкость.

Голова кружится.

Руки подрагивают, хоть там, где я нахожусь, тепло и совсем немного пахнет лаком для дерева. Или чем-то похожим.

Пробую встать, но меня словно тянет назад невидимый магнит.

Неуклюже плюхаюсь обратно.

Где я?

Пытаюсь восстановить в памяти все, что помню.

Шампанское с мартини. Мой симпатичный и такой раскованный спутник, что на него было больно смотреть через кривое зеркало моих собственных бесконечных комплексов.

А потом то самое острое одиночество, от которого я бегаю уже который месяц. И каждый раз всухую ему проигрываю.

Я не любила Сашу. Никогда не любила — и наши с ним отношения были скорее попыткой взрослого мужчины «взять под свое крыло» очень проблемную молодую женщину. Кроме того, наши семьи дружны — и то, что сын Сергеевых обратит внимание на дочь Воскресенского было, казалось, необратимой реальностью.

Я никогда не ревновала Сашу. Не потому, что верила ему безоговорочно. Мне было все равно. Он обещал, что будет обеспечивать все мои прихоти — стоит только попросить. А я, взамен, буду его статусной девушкой. Ему почему-то очень нравилось хвастаться романом с писательницей.

Но меня подкосила его измена.

Потому что когда он сидел на кухне, пил чай и хвастался тем, какая потрясающая любовница Любовь всей его жизни, это было все равно, что плеткой по всем моим грешкам. И в финале: «Ты ведь не обижаешься? Я же мужчина, мне хочется хорошего секса, а не вот это вот все».

«Вот это все» стало моим личным номером один «комплиментов» в мой адрес.

Я — не женщина. Я — Вот это вот все.

Когда голова немного перестает кружиться, замечаю на столике напротив стакан с минералкой и пару таблеток. Бросаю сразу обе, зажмуриваюсь и выпиваю залпом. Не лучшая идея на голодный желудок, но сейчас я не смогу проглотить даже хлебную крошку.

Мне немного стыдно, что я знала, что так все и будет: чужой дом, незнакомый мужчина.

Потому что в какой-то момент поняла, что не хочу оставаться одна этой ночью. Что все равно не смогу сидеть в четырех стенах, что меня снова потянет бродить по ночному Петербургу, лишь бы не возвращаться туда, где тихо и тошно, как в склепе.

А Антон...

Он показался отличной компанией. Даже с оглядкой на то, что я совсем не умею разбираться в людях. А тем более — в мужчинах.

То, что со мной происходит, имеет вполне реальный диагноз — депрессия. Однажды, пару лет назад, я уже прошла через что-то подобное и хорошо запомнила главное — мне нельзя оставаться одной, когда голова становится тяжелой, а мысли — вязкими. Мне нужен кто-то рядом. Желательно тот, кто не будет пытаться меня трогать или склонить к сексу. Это

потребность быть в тишине и покое, наедине, но не одинокой.

Моя личная маленькая трагедия, которую никто не понимает. Даже родители.

Я не чувствую, что делаю что-то неправильное, когда быстро раздеваюсь, оставляя вещи на диване, и в одних трусиках и блузке — бюстгальтер тоже снимаю — на цыпочках поднимаюсь вверх по ступенькам. Дом небольшой, но уютный и абсолютно комфортный: все интуитивно понятно, как будто я была здесь миллион раз. Настоящий киношный эффект дежавю как в «Матрице» с черной кошкой.

Дверь в спальню открыта, и, пока мои глаза все еще привыкают в темноте, я двигаюсь почти наощупь. Никакого света из окна — там снова монотонный дождь.

Почему-то я знаю, что даже если Антон сейчас проснется, он точно не подумает, что я пришла к нему за сексом.

Он поймет.

Или я снова слишком много выдумываю и додумываю?

Он спит на животе, не на всей кровати — она большая и занимает добрую половину комнаты — но так, что мне приходится буквально бочком пристроиться на краю, чтобы между нами было достаточно пространства. Страховка от случайно касания. И чтобы не тревожить его личные границы. Может быть, как раз у этого мужчины нет фантазий о сексе с незнакомкой, которая сама придет ночью уже голая и на все согласная? Да и вряд ли обо мне — с веснушками и очками — найдется как уж много желающих помечтать в том самом смысле.

Я потихоньку тяну на себя край одеяла. Хотя бы прикрыть голые ноги.

Этого достаточно.

Потому что как только голова касается подушки, я мгновенно засыпаю.

Не одна. Не в гробовой тишине. Рядом с человеком, которого абсолютно не знаю.

Глава седьмая: Антон

Даже сквозь сон, еще толком не закончив досматривать увлекательный, созданный моим мозгом триллер, я чувствую две вещи.

Приятная тяжесть от утреннего стояка, который у меня случается четко каждое утро, как по часам.

И упругие женские ягодицы, в которые им упираюсь.

Черт.

Одергиваю собственную руку, потому что в холостяцкой жизни есть свои прелести. Например — без проблем и в свое удовольствие подрочить утром, особо ни о чем не думая и ничего не представляя, просто чтобы яйца перестали быть тяжелыми, и в теле появилась приятная бодрость.

Но в своей кровати я не один. За три месяца порядком от этого отвык и первые секунды пытаюсь прикинуть возможные варианты развития событий.

Вряд ли шарахающаяся даже от случайного прикосновения девушка будет так уж рада проснуться с ощущением члена между «булочками». Откуда в моей голове дурацкий слэнг? Не использую его, а уж тем более не это слово. И хоть формально это она пришла ко мне в постель, не очень хочется произвести впечатление извращенца, у которого встает на любую женскую задницу.

Правда, меня реально распирает от любопытства приподнять край одеяла и все же оценить ее задницу, но я держусь и снова напоминаю себе, что с этой девушкой лучше быть максимально деликатным. Не потому, что я растаял и пустил слюни, а потому что, по непонятной мне причине, не хочу влезать на ее территорию, пока меня туда официально не пригласят.

Но я не был бы мужчиной, если бы хоть не попытался представить, что под моим одеялом сочная упругая задница: не большой «орех», а что-то такое, что поместится в ладони, что захочется сжать и посмотреть, как на белой коже останутся следы.

Ни хуя это не хорошая идея, потому что бедра непроизвольно толкаются вперед — и чувствительная, налитая кровью головка приятно трется о теплую кожу.

Йен вздрагивает, напрягается. Я вижу, как ее спина едва заметно вытягивается, и плечи поднимаются в напряженном вздохе.

— Прости, что пришла, — говорит виноватым голосом, не рискуя повернуть головы. — Я... сейчас могу уйти.

Не хочу, чтобы уходила. Пусть даже это прозвучит как сентиментальная чушь.

— Тебе идет моя кровать, малыш.

Она снова вздыхает: на этот раз не так натянуто, глубже. Шевелится под одеялом, и мы оба снова замираем, притрагиваясь друг другу ниже пояса.

— Есть хочешь? — чтобы скрасить неловкость, спрашиваю я.

— Ммм... Меньше, чем спать, — мычит Йен.

— Тогда закрывай глаза и не поворачивайся — я встану, закрою жалюзи.

После затяжных дождей, кто бы поверил, что с утра будет целое настоящее солнце?

Но раз мы решили, что еще не готовы просыпаться, то пошло-ка это солнце куда подальше.

Когда в спальне снова приятный полумрак и я поворачиваюсь, чтобы прыгнуть в

постель, малышка уже лежит лицом ко мне, и сильно, как будто боится случайно увидеть страшную сцену из ужастика, жмурит глаза.

Забираюсь под одеяло, от греха подальше — стояк никуда не делся и хрен куда денется, пока я сам не решу эту «маленькую проблему» — поворачиваюсь к ней спиной.

Минуту мы пытаемся делать вид, что спим.

— Расскажешь про свои татуировки? — спрашивает Йен, и теплое дыхание почему-то приятно растекается по лопаткам. — Их... много.

— Расскажу, малыш, без проблем. — Меня потряхивает. — Прости, за три месяца отвык спать с женщиной.

— Мне уйти? — волнуется она.

— Нет. — Обычно, у меня нет таких потребностей, но видимо сегодня сложилась все звезды. — Сопишь забавно.

Писательница смущенно хихикает в ответ: мило и без наигранности. Уверен, у нее снова красные щеки.

И осторожно, как будто ищет границу допустимого, подвигается ко мне.

— Спишу лучше не трогать, — предупреждаю я. — Личный бзик. Мне сразу щекотно.

— Угу, — сонно соглашается малышка.

А потом я чувствую очень трусливое, почти что на грани фола, прикосновение носа мне в затылок, в волосы. Вздох у нас, кажется, синхронный, один на двоих.

— Так хорошо? — осторожничает она.

Я чувствую ее рядом: тепло маленького тела под одеялом, прогиб кровати за спиной, дыхание в моих волосах и едва уловимый запах колючих белых цветов. Но при этом никто не лезет на меня, не дергает, не пытается изображать секс-бомбу.

Она интересуется, как нужно. Не просто так, а чтобы сделать *мне* хорошо и комфортно.

Я думал, так не бывает.

И для этого чувства есть только одно определение.

— Так просто пиздато, — отвечаю я и закрываю глаза. — Спи, малыш.

И хрен мы выберемся из постели раньше трех.

Глава восьмая: Йен

Bones — Low Roar

Пробуждение для меня — самая тяжелая часть дня.

Потому что мне повезло родиться человеком с буйным и сумасшедшим воображением. И мои сны куда ярче, чем реальность, в которой я существую, как в мыльном пузыре, который в любую минуту может лопнуть.

Мне всегда хочется задержать момент пробуждения, оттянуть его подальше, как ребенок, который вопреки запрету тянется к слишком дорогой игрушке на витрине.

Но в этот раз все по-другому.

И я даже знаю в чем дело, хоть это, пожалуй, самое странное, что только случилось со мной за последнее время.

Еще не открывая глаза — нарочно — тянусь куда-то вперед, наощупь пробую пальцами уже остывшую вмятину на соседней подушке. У Антона все очень в мужском стиле: обычные белые наволочки, пододеяльник и простынь. Я немного откидываю одеяло, потому что кажется, что на безупречно белом хлопке обязательно должны были остаться чернильные отпечатки рисунков с него на коже. Пытаюсь восстановить по памяти, но ничего не получается. Там точно была какая-то надпись в несколько строк — на внутренней части предплечья. И на второй руке черно-белый орнамент. Наверное, все это сделано с каким-то смыслом, как и все остальные рисунки, которые густо нанесены на его руки от плеч до почти самых запястий. И немного на спине, и на боку, ниже талии до середины бедра.

Я снова краснею, вспоминая, как проснулась и ощутила, что рядом со мной мужчина.

Роняю голову в подушку, буквально обнимаю ее двумя руками, втягивая запах, от которого кружится голова. Мой любимый аромат, который Саша безуспешно пытался «приручить», но каждый раз богатые и чумовые ноты раскрывались на его коже какой-то кислотой и горечью, и в итоге мне приходилось искать тысячи причин, почему он должен немедленно пойти в душ.

Сейчас — все иначе.

Это именно та наркотическая тягучая нота запаха кожи, которая проникает мне под кожу, обволакивает и без зазрения совести рушит все, что я знала о моем любимом «Афганце». Вот таким он должен быть: на горячей коже со своим собственным уникальным запахом, в тихих аккордах хрустящих от чистоты простыней.

Я сошла с ума, но не все ли равно?

Обнимаю подушку руками и ногами, переворачиваюсь на спину и закрываю глаза, отпуская воображение. Имею я право заглянуть в мясное меню хотя бы в воображении? В конце концов, даже фригидные ледышки мечтают о том, что у них может быть интересный утренний секс с мужчиной, от которого будет приятно ныть между ног?

Как это — когда тебя обнимают крепкие татуированные руки, и пальцы с выразительными острыми костяшками крепко сжимают за бедра, тянут к себе, отводят в сторону трусики, трогают там, где...

До боли знакомая мелодия входящего вызова разрушает иллюзию в тот момент, когда я нахожусь за секунду до оглушительного вылета из реальности.

Господи боже, мама!

Я отчаянно барахтаюсь на кровати, но даже если мои фантазии не успели размягчить

мысли, на мгновение я все же абсолютно теряю контроль над своим телом.

— Гмм... Выпалась? — слышу насмешливый голос хозяина дома.

Лежащая на мне подушка становится неподъемно тяжелой.

Хоть бы все это было еще одним моим слишком реальным сном.

Но не в этот раз. Антон вдруг появляется прямо надо мной, смотрит сверху-вниз, держа одну руку в кармане простых домашних брюк от спортивного костюма, а во второй, экраном ко мне, мой собственный телефон.

— Не уверена, — еле ворочая языком, отвечаю я, пока он вкладывает телефон в мою протянутую ладонь.

— Прости, что разбудил. Но вот так уже второй час. Я подумал, может, что-то случилось.

— Спасибо. — Куда бы глаза спрятать? — Который час?

— Половина четвертого. Я почти закончил с завтрако-обедом, но мне нужна еще пара рук, так что... как поговоришь, спускайся вниз. Ванна там, — кивает направо. — Но полотенце только одно, и я уже им вытерся. Так что...

— Без проблем.

Он еще раз окидывает меня взглядом — и на мгновение мне кажется, что эта немного приподнятая бровь — признак того, что ему нравится увиденное. Но это лишь мгновение, помноженное на мою буйную фантазию.

Я слишком люблю додумывать то, чего нет. И в основном именно оттуда растут ноги всех моих проблем.

Хорошо, что у меня нет времени и дальше упиваться собственным стыдом, потому что если я прямо сейчас не отвечу на звонок, то родители поднимут по тревоге всю полицию Петербурга.

Я мысленно хихикаю, представляя совсем уж нелепое: «Мам, не переживай, я как раз была с мужчиной из «органов».

— Йен?! Алло! — Мама чуть не рыдает в трубку, и этого достаточно, чтобы весь флер романтического настроения вылетел в трубу.

Укор совести проходится по мне тяжелым катком, вынуждает подняться на ноги и избегать смотреть на себя в висящее на противоположной стене зеркало в кованой «под бронзу» раме.

— Где ты?! Что случилось?! Куда ты пропала?! — У матери, судя по надрыву, предистеричное состояние, а с ее гипертонией это просто недопустимо. — Ты... в порядке?

Я знаю, о чем она интересуется так осторожно.

У нее есть повод устраивать истерики, если дочь не выходит на связь продолжительное время, тем более после того, как побывала на свадьбе бывшего. Хоть, конечно, я умею притворяться и могла бы получить «Оскар» за безупречное исполнение роли «Счастлива за бывшего».

— Прости, пожалуйста, — искренне извиняюсь я. — У меня все хорошо, мамочка. Правда. Мне так жаль. Я свинья.

— Почему ты не отвечала на звонки? Куда пропала? Ничего никому не сказала. Саша сказал, что ты просто ушла — и больше тебя никто не видел.

Я прикрываю лицо ладонью, представляя, как прошла Сашина брачная ночь: в бесконечных звонках от моей матери, которая успела накрутить себя и придумать парочку мрачных сценариев. И во всем этом виновата только я.

Что мне ей ответить?

Что я напилась с незнакомым мужчиной и провела ночь в его постели, куда меня в общем-то не приглашали?

— Мам, я... — Прикусываю ноготь большого пальца, пока боль немного не забивает жгучее чувство отвращения к самой себе. — Не хотела говорить раньше. Все получилось так стремительно, ты же знаешь... Ну, как у вас с папой, помнишь, ты рассказывала?

Мои родители познакомились в кино, отец проводил маму домой и сказал, что через месяц она станет его женой. Она любит об этом вспоминать, до сих пор счастливо сияет, как будто это произошло на прошлой неделе.

Я нарочно «переключаю» ее эмоции на что-то более положительное, чем нерадивая дочь.

— Йени, солнышко, ты о чем? — уже чуть спокойнее говорит мама.

— Я кое с кем встречаюсь. — Еще раз прикусываю палец. — Он замечательный и хороший человек, и мы... Ну, ты понимаешь...

Я не воспитывалась в семье ханжей, и если бы мне было о чем рассказывать в плане своей интимной жизни, я бы, наверное, не постыдилась поделиться этим с матерью. Но рассказывать мне не о чем, так что...

— У тебя появился мужчина?

— Ага, — еле-еле проталкиваю ложь в горло.

— Кто он? Йени, почему ты ничего мне не сказала? Ты же знаешь, что у тебя сложный период и сейчас это не вовремя и может... все усложнить?

— Я не хотела спешить. Помнить, бабуля говорила про сглаз? — Я пытаюсь максимально быстро вывести ее из зоны негативных эмоций. Если из-за меня с мамой что-то случится — от чувства вины меня уже не спасет ни один психиатр.

На том конце связи тяжелый вздох, но теперь она по крайней мере не плачет.

— Кто он, солнышко? Почему у тебя появились секреты? Вы давно встречаетесь?

— Мамочка, я сейчас не очень могу говорить. Потом, хорошо?

— Когда ты будешь дома?

— Вечером, — говорю наугад. Скорее всего, через пару часов.

— Позвони мне, как только приедешь, хорошо?

— Обязательно.

— Пообещай, — требует она.

— Обещаю, мамочка. Прости, пожалуйста, я больше так не буду.

Она посылает мне всепрощающий «чмок» и заканчивает вызов.

Мне двадцать шесть, и для большинства сверстниц такое общение с родителями было бы поводом для насмешек. Но со мной все немного сложнее, чем с большинством.

Глава девятая: Йен

Я быстро принимаю душ, с ужасом смотрю на свою помятую рубашку и полное отсутствие любой ей альтернативы и вспоминаю, что другие вещи остались внизу. К счастью, на спинке кресла в спальне лежит свитер Антона, который точно «светится» меньше, чем рубашка, под которой у меня ничего нет. Стыдно брать чужие вещи без спроса, но иначе я просто не спущусь.

Быстро надеваю его, краем глаза смотрю на себя в зеркало. По длине мне как мини-платье, но зад прикрывает — уже хорошо. На моей не любящей солнца коже хорошо проступает пара свежих синяков. Бесполезно пытаться вспомнить, откуда они. Я порой даже

не замечаю, как «приложусь» к углу стола или даже несильно обо что-то стукнусь, а на коже этот «провал в памяти» может цвести почти месяц. Сейчас один как раз над коленом — большой и синий. Прямо хоть делай заметку о проклятой отметине для героини какой-то фэнтезийной истории. Второй сзади, на бедре, там, где его, как ни старайся, не прикрыть.

Босиком и снова на цыпочках воровато выхожу на лестницу.

Спускаюсь до первого пролета и буквально зависаю перед простыми полками на стене вокруг большого окна, за которым какой-то нереальный урбанистический пейзаж: уже по-осеннему низкое вечернее солнце над далекими серыми высотками.

На полу несколько коробок, но я не рискую совать туда свой любопытный нос.

Спускаюсь на первый этаж, осматриваюсь, но музыка доносится откуда-то с улицы.

Я бы не отказалась от пары теплых носков.

Быстро натягиваю мятые брюки от костюма и выхожу на крыльцо.

Чистый и даже как будто какой-то сладкий воздух разбавлен ароматом углей и рыбы на гриле. Наверное, со стороны выгляжу очень смешно, когда иду вслед за собственным носом, чувствуя, что вот-вот грохнусь в обморок от жгучего голода. Я практически ничего не ела на свадьбе, зато успела выпить — и с тех пор прошли почти сутки. Хорошая альтернатива тому, чтобы не беспокоиться о своем совсем не сексуальном виде.

Антон возится возле мангала: спиной ко мне, подпевая музыке из маленькой колонки, которая стоит тут же, на выносном пластиковом столе. Рядом, в миске, свежие овощи, пара стаканов, яблочный сок и какой-то совершенно странной формы нож, явно непредназначенный для использования на кухне.

— Ты босая вообще-то, — поворачивая голову и быстро осматривая меня с ног до головы, говорит Антон.

Сегодня у него как будто немного гуще щетина и настроение не такое «заводное», как полчаса назад, и мне инстинктивно хочется забежать обратно, вызвать такси и уйти «дворами и черными ходами» лишь бы больше не выглядеть посмешищем.

— Не нашла туфли, — оправдываюсь я.

— Последний раз я видел их за диваном. И, малыш. — Карие глаза все с тем же загадочным прищуром изучают меня еще раз: на этот раз неторопливо и уже с очевидным интересом. — Тебе идет мой любимый свитер. Но отжать его я не дам.

— Даже если очень постараюсь? — Мне хочется подыграть. Это ведь просто обмен словами, мы как будто притворяемся, что происходит что-то особенное, держа в уме, что все кончится, как только я сяду в такси.

— Если очень постараешься, то разрешу в нем ходить, когда будешь оставаться у меня на ночь.

Это все очень глупо: мы не знаем друг друга, но он называет меня «малыш» — и мне это так приятно, будто трюсь щекой обо что-то теплое и лично мое.

Как будто это эксклюзив.

Как будто ни один другой мужчина в мире не называл так другую женщину.

Мне приходится вернуться в дом — туфли и правда лежат за диваном. Обычно я не хожу на высоких каблуках, потому что с моим «везением» обязательно если не растяну себе что-нибудь, то обязательно упаду. И вообще предпочитаю простую удобную одежду без фанатичного отношения к брендам. Что нравится и устраивает по цене — то и беру.

Но не могла же я прийти на свадьбу в джинсах и свитере?

У меня даже оправдания в виде переезда не было.

Пока я иду на носочках, стараясь, чтобы каблучки не застревали в мокрой после дождя земле, Антон как раз переворачивает рыбу и умудряется разговаривать по телефону. Когда я жестами спрашиваю, стоит ли мне уйти, машет рукой и продолжает что-то обсуждать. Я не подслушиваю, но, когда между нами всего метр расстояния, невозможно не услышать, что речь идет о ремонте машины.

Я берусь за овощи, быстро и со знанием дела нарезаю из них салат: крупными дольками, чтобы вкусы не перемешались до неузнаваемости. Но взгляд то и дело тянется к Антону. У него такая живая мимика, что ею хочется наслаждаться, как любимыми конфетами: как улыбается, как прищуривает глаза, как немного запрокидывает голову, когда громко смеется. Если бы это не прозвучало как полный бред, я бы попросила его записать мне видео, где он даже ничего не говорит, а просто кривляется.

Когда в очередной раз слишком засматриваюсь, и Антон ловит меня «на горячем», хочется провалиться сквозь землю.

Я всегда старалась быть к себе объективной и не питала иллюзий о том, что вижу в зеркале. Ничего хорошего, в общем. Но, как любой женщине, мне всегда хотелось, чтобы человеку, который мне понравится, и я понравилась тоже. Чтобы в его взгляде был интерес... и, возможно, намек на флирт. Чтобы было видно, что ему хочется смотреть еще, а не отвернуться, перекреститься и поискать более яркую замену.

Сейчас мне до чертиков хочется вот такой взгляд.

Но, кажется, снова не в этот раз?

— Все хорошо? — спрашивает Антон, пряча телефон в карман толстовки.

— Хорошо? — переспрашиваю я, пытаюсь делать вид, что ничего не произошло.

— Звонки твоей мамы, — разжевывает он, аккуратно снимая рыбу с решетки и выкладывая ее на две тарелки.

Мне немного легче от того, что у моей бабушки были точно такие же: с зелеными веточками по краю и штампом серпа и молота. Наверное, в каждой семье есть похожие. И рюмки в форме семейства карасей. И ложки-вилки-ножи из мельхиора «под старину».

— Я не перезвонила и не сказала, что со мной все в порядке, — говорю я, усаживаясь за стол, не без слюнок разглядывая румяную в полосочку — от гриля — форель. — Обычно я не пропадаю, не предупредив.

— Мамина дочка? — смеивается Антон, пододвигая ко мне стакан с соком.

— Пожалуй, — соглашаюсь я. Это проще, чем рассказать всю подноготную неписаного свода правил нашей семьи.

— И чтобы пригласить тебя на свидание — нужно пройти собеседование у папы и получить одобрение у кошки?

— У меня нет кошки, — вздыхаю я.

— Это хорошо, потому что у меня аллергия на шерсть. Любую.

Ему снова звонят, и на этот раз Антон одними губами говорит: «Это отец».

Я устраиваюсь поудобнее и медленно, наслаждаясь тишиной, воздухом и приятным мужским голосом, разделяюсь со всем, что есть в тарелке. Вчерашний день был ужасным, но сегодняшней может надолго занять первое место в моем личном ТОПе.

— Прости, малыш, — извиняется Антон, с легким раздражением бросая телефон на стол.

— Я прямо сейчас вызову такси, — быстро отвечаю я. Почему-то только сейчас дошло, что пока я тут наслаждаюсь покоем, у человека может быть полно неотложных дел. А он

просто слишком хорошо воспитан, чтобы в лоб спросить, не надоел ли гостье хозяин и не хочет ли она откланяться.

— Куда-то спешишь?

— Нет, но, кажется, я засиделась и отвлекаю тебя...

— Все нормально, — не дает закончить Антон. — Мне нужно съездить по делам, так что я сам тебя отвезу. Могу кое о чем спросить?

Я догадываюсь, что он спросит о Саше. Не самая приятная тема для разговора здесь и сейчас, но вряд ли она станет менее болезненной, если мы переместимся на луну, поэтому киваю и немного втягиваю руки в рукава, чтобы торчали только кончики пальцев. Это моя поза «улитки»: я в домике, когда на улице передали плохую погоду.

— Где я могу почитать твои книги?

Удивленно моргаю и даже не обижаюсь, когда Антон начинает заливисто хохотать, наслаждаясь произведенным эффектом.

— У меня есть парочка на полке, — немного заикаясь, бормочу я. Всегда очень боюсь выглядеть нелепой и завидую тем, у кого нет таких комплексов. Вот как у моего собеседника. — Это обычные любовные романы с драконами, принцессами и эльфами. Никаких премий за великий вклад в литературу, никаких рецензий от мэтров. Я просто выдумщица, и когда герои в моей голове начинают говорить слишком громко, мне приходится отвечать им. Прости, звучит как бред сумасшедшего.

— Звучит круто, — искренне отвечает Антон. — Ты должна мне пару своих книг с автографом.

— Так и знала, что все это изобилие не просто так, — отпускаю, как мне кажется, удачную шутку. — Лучше сделаю тебя героем следующего романа. Прекрасным принцем с древним проклятьем и печальным взглядом.

— Какая скучная хуйня, — снова смеется Антон, и мне даже в голову не приходит обидеться, потому что это в самом деле было бы слишком сладко и шаблонно. — Лучше хитрым гоблином.

Nightwish — While Your Lips Are Still Red

На самом деле у меня нет ничего неотложного, из-за чего бы пришлось возвращаться в город из своей тихой деревеньки. Вернее, все это точно могло бы подождать до завтра, но я должен отыграть весь день красиво и отвезти девушку домой. Особенно, если у нее так строго с родителями. Кто бы сказал, что в наше время личную жизнь молодой женщины могут так контролировать. Ну разве что она приврала и на самом деле ей не двадцать шесть, а шестнадцать. Я бы не удивился.

Она, наконец, немного расслабляется и начинает болтать. Не то, чтобы без умолку, но по крайней мере мне уже не нужно тащить клещами каждое слово. Можно расслабиться и присмотреться повнимательнее.

Без косметики, с веснушками и без очков я бы сказал, что она... милая не красавица.

Не роковая красотка, не прелесть, какая симпатяжка, и не тот случай, когда пара сеансов у косметолога превратят гадкого утенка в прекрасного лебедя. Она просто милая, хоть и зажатая, и постоянно контролирует каждую улыбку или каждое движение бровей. Но то и дело проигрывает в этой войне, и ее улыбка чаще немного нелепая, а взгляд украдкой — как у звереныша, которого забрали домой, и он пока не знает, что здесь его не обидят.

Скорее всего, я бы даже не обратил на нее внимание, если бы не обстоятельства нашего знакомства.

И в этом есть свой плюс: малышке меня не прошибить и не зацепить красивыми глазами. Но при этом я хочу продолжить наше знакомство. Потому что, как бы там ни было, мне с ней интересно. Ровно настолько, чтобы подумать о еще одной встрече.

Когда на улице темнеет — и ночная прохлада подгоняет найти место потеплее, мы в две пары рук собираем посуду и возвращаемся в дом. Здесь у меня все, что нужно, чтобы облегчить быт холостяка: посудомоечная машина, кухонные агрегаты, большинством из которых я еще только планирую научиться пользоваться.

Нарочно отхожу в сторону, чтобы посмотреть, как гостья справится с бытом.

Зачем мне это?

Вряд ли готов сформулировать ответ достаточно четко. Пусть будет... любопытство. В моей жизни случались женщины, которые были на «вы» даже с элементарными бытовыми заботами, и из тех отношений я вынес главное: для меня имеет значение, умеет ли женщина позаботиться о доме и обо мне.

Малышка-писательница умеет. С моими подсказками — куда нажать и какой режим выбрать — загружает посуду. Оставшиеся овощи убирает в холодильник. Осмелев, носится у меня перед глазами, как-то со своей женской колокольни организовывая то, что обычно называется порядком.

Даже не вмешиваюсь. Наблюдаю.

Могу ли я представить, что вот так меня будут встречать каждый вечер? Запросто.

Хочу ли — вот в чем вопрос.

И есть только один способ это проверить.

— Кажется, все, — поворачиваясь, улыбается моя гостья.

Выглядит очень довольной, и даже без красных щек в этот раз, хоть я смотрю на нее в упор, и мой взгляд вряд ли можно истолковать множеством способов.

Умница все правильно понимает, потому что вдруг открывает рот и тут же закрывает его кончиками пальцев.

Это... забавно. И необычно. И еще больше щекочет любопытство.

У меня еще не было взрослых маленьких девочек, которые бы прятались от поцелуя за ладошкой.

Если бы она не дергалась от любого прикосновения, я бы уже обнял ее и поцеловал. В этом нет ничего необычного — многие первые свидания заканчиваются поцелуем, а у меня были и те, которые заканчивались сексом, и вполне сносным. Но что делать с этим чудом?

— Я не люблю целоваться, — вдруг говорит Йен. — Не умею и не практикую.

— В жизни не слышал ничего более вдохновляющего на романтические подвиги, — вздыхаю я, но все же рискую сократить расстояние между нами до тонкой прослойки воздуха.

Это черте что, если быть точным. Потому что минуту назад я был человеком, который после такого заявления пожал бы плечами, сказал «пфффффф!» и порадовался, что вовремя избавился от иллюзий насчет перепуганной мыши.

Но ох уж этот вездесущий один процент «а вдруг?»

— Почему не любишь? — Ее нужно немного расслабить, а то, чего доброго, упадет в обморок. — Что не так с поцелуями?

— Не люблю, когда мне запихивают язык в рот, — сознается она, нервно поправляя волосы и, как будто спасаясь от неизбежного, «прячет» нижнюю часть лица в высокий ворот моего же свитера. Наружу торчат только спинка носа и огромные испуганные глазища.

— Совсем не обязательно сразу запихивать язык, — пытаюсь успокоить ее уверенным голосом «знатока».

Подвигаюсь еще ближе, на мгновение закатывая глаза от приятного ощущения прижатой ко мне тугой женской груди. У Наташи с грудью беда. Вернее, беды не было, потому что не было груди. А я, хоть и не бычок из любимой женской поговорки про корову и вымя, люблю, когда есть что сжать в ладони.

Малышка громко сопит в воротник.

Поднимаю руку, потихоньку, чтобы не напугать, тяну его вниз, изучая взглядом появившийся нос, красные щеки и плотно сжатые губы. Обычные губы с неидеальной формой и без соблазнительной припухлости.

— Сначала можно просто губы в губы. — Понижаю голос, провожу костяшкой большого пальца между ее губами и немного надавливаю.

Она не сразу, но поддается: разжимает их, обжигает нервным горячим дыханием мою кожу, пока неторопливо поглаживаю ее губы костяшкой.

— Можно языком по губам, — продолжаю озвучивать варианты, стараясь не упускать ни оттенка реакции на мои слова. Кто бы сказал, что разговоры о поцелуях могут быть такими же приятными, как и сам процесс. — Можно все, что тебе захочется. И так, как тебе захочется.

— Никто не спрашивал, как хочется мне, — шепотом отвечает она. — Никогда.

— Я спрашиваю: скажи, малыш, каких поцелуев тебе хочется сейчас?

Йен кажется еще более напуганной, чем секунду назад, но не отодвигается и даже не пытается снова спрятаться в мой свитер. Пристально изучает мое лицо, как будто у меня есть что-то такое, чего она никогда не видела, несмело подается вперед, и я тоже делаю еще полшага.

Она задирает голову, закрывает глаза и приподнимается на носочки.

Ресницы смешными тенями дрожат на щеках с россыпью веснушек.

— Твоих... — Чувствую ее ответ на своих губах. — Сейчас мне хочется твоих поцелуев.

Приходится как вчера: взять ее руки и уложить себе на плечи, в которые Очкарик тут же цепляется, как в спасательный круг. Обнимаю ее в ответ: одной ладонью накрываю спину, другую опускаю чуть ниже талии. Держу крепко, чтобы сейчас, раз уж мне доверили урок поцелуев, у меня был весь контроль.

Целовать девушку в первый раз — это всегда лотерея.

Понравится ли ей? Понравится ли мне? Какая она на вкус? Захочется ли мне еще? Попросит ли она продолжение?

Прижимаюсь к ее губа своим: это еще не поцелуй, а малышка уже всхлипывает, как будто ей вот-вот сделают больно. Я бы хотел разжать ее губы: немного грубо, напористо протолкнуть внутрь язык, показать ей, что прямо сейчас мы можем трахнуть друг друга ртами — и это будет не «засунуть язык в рот», а охуенно. Сделать так, чтобы из этой явно замороженной головы исчезли страх и предрассудки.

Я бы мог...

У меня снова звонит телефон.

И я жопой чувю, что теперь это точно по работе.

— Малыш, мне нужно ответить, — говорю я, когда, спустя пару секунд, она так и продолжает цепляться в мои плечи, при этом выглядя так, словно теперь от этого действительно зависит ее жизнь.

— Да-да, прости, конечно... — отвечает сбивчиво. Пытается отойти, но натывается бедрами на тумбу сзади, морщится и потирает ушибленную пятую точку. — Я переоденусь и могу вызвать такси, если у тебя поменялись планы.

Я прикладываю телефон к уху, отвечаю и прикрываю динамик рукой, когда на том конце связи меня действительно грузят рабочими вопросами. Осматриваю гостью с ног до головы, прикидываю, что на улице, несмотря на солнце днем, холодный ветер — и хоть ходить ей придется от порога до порога, а в машине тепло, все равно не хочу, чтобы переодевалась.

Даже если не шутил, когда обещал не дать отобрать свитер. Тем более, что он и правда любимый.

Но, но...

— Если хочешь — оставайся в нем, — говорю практически одними губами, стараясь не пропустить ничего важного из телефонного монолога моего подчиненного. — Чтобы не замерзла. И у меня будет повод напроситься на встречу.

Хотелось бы мне знать, чему адресован этот почти ошарашенный взгляд: тому, что я вот так запросто готов отдать незнакомке свою вещь или моему намеку на желание увидеться с ней еще раз.

— Обещаю вернуть его даже лучше, чем был, — шепотом отвечает она и снова зачем-то прячет нос с воротнике.

— С ценником и в магазинной упаковке?

Она явно очень зажата, но пытается поддерживать разговор и делает это достаточно интересно. Ни короны на голове, ни надуманного статуса, ничего такого, за что мне обычно сразу хочется попроситься и порадоваться, что все это не затянулось — и я не потратил время впустую.

Через десять минут мы уже в машине, и малышка вздрагивает на спуске с моей «любимой» горки. У нее тоже что-то случилось, потому что половину пути она молчит и энергично стучит пальцами по экрану телефона. Пишет сообщения? Маме? Или у нее тоже настырный бывший?

Мысленно качаю головой. У Наташи есть масса недостатков, которые, на мой взгляд вкус, делают ее абсолютно не пригодной для семейной жизни, по крайней мере для такого мужика, как я, но парочка фокусов у нее есть. Она, как это можно говорить, еблива. Знает, как себя подать, как преподнести, чтобы у мужика отключалась верхняя голова и включалась нижняя. Ну и наши довольно продолжительные отношения не прошли для Наташи даром — коем-чему она все-таки научилась, например, не нести совсем уж откровенную чушь. Так что вряд ли муж успел так быстро осознать, что за «сокровище» ему досталось, и пожалеть об Очкарике.

Хотя, не плевать ли на эту парочку?

— Удобно живешь, — отмечаю я, притормаживая около нужного дома. Новая высотка, хороший район.

— Я снимаю однушку, свое мне пока не по карману. А здесь все рядом. Если вдруг свалится вдохновение в три часа ночи, можно пойти куда глаза глядят — и обязательно куда-то да попадешь.

— Это почти цитата из «Алисы в Зазеркалье»?

Она с блаженной полуулыбкой роняет голову на спинку сиденья и совершенно открыто, почти восторженно, говорит:

— Читающий мужчина — просто мечта. Можно я потыкаю в тебя пальцем, а то вдруг ты начал становиться нереальным.

Мы обмениваемся понимающими смешками — и малышка как-то стремительно выпрыгивает из машины, на прощанье помахав рукой, словно я какая-то фея-крестная, спасшая ее от позора.

И только отъехав на пару кварталов, вдруг вспоминаю, что так и не попросил у писательницы номер телефона.

Черт.

Глава одиннадцатая: Йен

Это все было бы слишком идеально, если бы имело продолжение.

На ватных ногах я еле-еле плетусь из лифта к своей двери, открываю ее, переступаю порог и трачу последние силы, чтобы закрыться в пустоте и темноте «своей» не своей квартиры.

Хочется забраться под одеяло, накрыться с головой и пролежать так сутки.

Я снова потеряла контроль.

Снова придумала то, чего нет. Размечталась, что могу понравиться мужчине просто так, со всеми своими тараканами, комплексами и заморочками. Эй, дурочка, ты видела его бывшую? По-моему, все очевидно.

Не включая свет, звоню маме: говорю, что у меня все хорошо, я уже дома, планирую приготовить ужин и поваляться в ванной.

— Папа уже приземлился, — говорит она. — Звонил из аэропорта полчаса назад. С этими постоянными авиакатастрофами...

— Мам, по статистике ежегодно от падения кокосов на голову людей умирает больше, чем от падения самолетов. Не волнуйся, тебе же нельзя, помнишь? Я сделаю твои любимые кексы и приеду завтра вечером, хочешь? Будем всю ночь пить чай и смотреть старые фильмы.

— И приклеим фотографии в бабушкин альбом, — уже веселее подхватывает она. — Расскажешь мне, наконец, о своем мужчине, солнышко. Я должна знать, с кем ты встречаешься. И папа захочет с ним познакомиться, ты же знаешь.

Я дергаю себя за кончик «хвоста», проклиная ту минуту, когда в голове созрела «светлая» мысль выдумать мужчину. Разве что завтра я скажу, что мы немного разругались и пока что решили побыть друг от друга на расстоянии?

— Хорошо, ты обо всем узнаешь первой, — обещаю я, с трудом проглатывая отвращение к себе. — Отдыхай сейчас, выпей все лекарства по списку! Завтра приеду и пересчитаю все таблетки, так и знай.

Мама клянется, что не пропустила ни одной, желает мне спокойно ночи и кладет трубку.

И я снова остаюсь наедине с одиночеством, от которого начинает мутить.

Быстро, пока не стало совсем плохо, вскакиваю и включаю все источники света, какие только есть, потом музыкальный канал на телевизоре, ноутбук. Создаю вокруг себя подобие присутствия: пишу что-то в рабочий чат, раскладываю на столе свои блокноты для заметок, пишу письмо художнице с заданием по обложке. Занимаюсь рутинной, из которой в большинстве и состоит моя реальная жизнь.

И сбегая от нее чуть позже, после душа, нарядившись в свитер Антона, лежа под одеялом с ноутбуком на коленях и чашкой капучино в руке.

Уже много лет моя «настоящая» жизнь проходит там — на страницах своих и чужих книг.

Спать ложусь только под утро, когда в голове, наконец, пусто, и я так морально измотана, что могу думать только о том, как обнять подушку, уснуть и проснуться в той реальности, где Антон взял у меня номер телефона.

Видимо, не такой уж и любимый этот свитер.

Я переворачиваюсь набок, ищу носом то место на воротнике, которое совсем немного, едва уловимо пахнет его владельцем. Или я просто придумываю, как всегда? Какая разница? У меня нет красивой внешности, сексуальной привлекательности и сногсшибательной харизмы, поэтому нет и не может быть никакой особенной истории. Но зато есть хорошее и порой слишком буйное воображение, так почему бы им не воспользоваться?

Почему бы не представить, что он догнал меня на полпути, взял за руку, поцеловал так нежно, что закружилась голова и в животе заньло от непонятной потребности быть... заполненной? В моей голове все это настолько живое и настоящее, что, когда с закрытыми глазами провожу ладонью по подушке, пальцы чувствуют приятное покалывание грубой мужской щетины, а на губах вкус того, что могло бы стать лучшим поцелуем в моей жизни. Возможно. Или нет? Теперь я этого уже никогда не узнаю.

Почему бы не представить, что крепкие татуированные руки обняли меня, прижали, толкнули в темноту прохладной квартиры.

Представить, как мы, тяжело дыша, снимаем друг с друга одежду.

На грани сна и яви голова кружится и тяжелеет, тело натягивается, как струна, ноги крепче обхватывают подушку, напряженные соски ноют и болезненно трутся об одежду.

Почему бы не представить, что Антон рядом со мной? И нам даже не нужно разговаривать, чтобы понимать друг друга. Его губы на моей груди. Приятные влажные покусывания сосков, от которых я запрокидываю голову и выгибаю спину. Пальцы на моем животе, ниже и ниже, туда, где я напряжена так сильно, как никогда в жизни. Уверенное касание, мазок по влаге, многозначительная ухмылка мне в лицо.

Я буквально скручиваюсь вокруг подушки, чувствуя, что еще немного — и просто сотру колени, так крепко стискиваю ноги. Если разожму — волшебство исчезнет, и я вспомню, что в моей постели уже давно не было мужчины. Что я — неинтересная фригидная ледышка.

А пока...

Пока со мной мужчина, которого я хочу.

И его руки, обхватывающие мои лодыжки, чтобы забросить ноги на покрытые чернильными рисунками плечи, пока голова опускается ниже, ниже и ниже...

Я просыпаюсь от настойчивого телефонного звонка и монотонного гула дождя за окном.

На часах почти полдень, а на экране имя «Саша».

Сажусь, на всякий случай щипаю себя за локоть и морщусь от болезненных ощущений. Значит, не приснилось. В последний раз Саша звонил мне почти два месяца назад. Когда мы еще пытались делать вид, что останемся друзьями, а он был в своем репертуаре и обещал оберегать меня от суровой реальности, к которой я приспособлена меньше всех на свете.

— Да? — отвечаю треснувшим голосом. Я не любила его, но так и не смогла простить предательство.

— Я случайно прихватил твой эпилятор, — ярким довольным голосом говорит мой бывший. — Представляешь? Сегодня утром начал разбирать коробку, а он там, в самом низу. Решил, что ты меня уже прокляла за него.

Я натянуто улыбаюсь.

Что это? За полтора года он так и не запомнил, что я пользовалась эпилятором всего пару раз, и это было самое ужасное, что я делала в жизни? Повод увидеться? Зачем? Сидеть на моей кухне, пить мой кофе и восторженно рассказывать, какой волшебной была брачная ночь с женщиной *его* мечты?

— Спасибо, что не забыл обо мне в первый день семейной жизни, — стараюсь быть дружелюбной, говорю я. — Завезешь, когда будет время.

— Сейчас есть, и я уже звоню в домофон.

Я выбираюсь из постели, на ходу натягиваю домашние леггинсы и как раз успеваю дойти до двери, когда раздается громкое пиликание. Молча нажимаю кнопку, отпираю замки и ерошу волосы, пытаюсь кое-как привести их в порядок. Потом на кухню: забрасываю капсулу в кофемашину, подставляю чашку под порцию любимого сливочного кофе.

Дверь открывается и закрывается.

В ноздри ударяет запах дождя и острого мужского лосьона после бритья. Саша всегда идеально гладко выбрит, специально ради этого встает пораньше. Он вообще педант и приверженец порядка во всем: в спорте, в правильном питании, в одежде и даже в сексе.

— Что это на тебе? — спрашивает в спину, пока я меняю капсулу на американо и за считанные секунды протягиваю бывшему его порцию. Саша выразительно и хмуро изучает мой внешний вид, пригубливает кофе и кладет на стол коробку с эпилятором. — Не помню, чтобы у меня был такой свитер.

— Потому что он не твой, — отвечаю я.

Не без легкого укола ехидства за то, как удивленно вытягивается Сашино лицо. В его картине мира он был единственным мужчиной в моей жизни, который оказался на орбите только потому что, по мнению наших семей, мы должны были хотя бы попытаться завести роман.

— В смысле — ты купила мужской свитер? — Саша продолжает рассматривать меня с таким лицом, как будто на мне выросла драконья чешуя.

В нашей истории отношений был один эпизод. Мне, как любой женщине, пусть и не влюбленной до головокружения, хотелось чего-то милого. Хотелось придумать настроение, которого мне так не хватало: окружить себя если не реальной любовью, то хотя бы выдуманным ее налетом. Однажды Саша пришел с работы, бросил рубашку на кровать, и я подумала: почему бы не походить в ней, как это часто делают женщины на красивых романтических фото в интернете?

Я даже толком и примерить ее не успела, когда Саша появился в дверях и отчитал меня, словно нашкодившего котенка. Мол, что ты как маленькая? Это одна из его любимых рубашек, дорогая и чуть ли не незаменимая. Если мне так хочется побыть дурой с фото, которая красуется в мужской одежде на пару размеров больше, то он даст мне денег на целый гардероб — покупай, что хочешь, носи и радуйся. Но мое не трогай.

Я взяла деньги, купила красивый шелковый галстук и пообещала себе, что когда-нибудь отважусь на эротическую фотосессию в одном этом галстуке. Тогда была полна решимости сделать это в ближайшее время. А потом остыла, поняла, что все равно никогда не решусь на такой смелый эксперимент, и подложила галстук Саше. Сказала, что было настроение сделать ему сюрприз, за что получила целый чмок в щеку.

Лицо Саши расплывается в снисходительной усмешке. Он уверен, что я купила мужской свитер, чтобы пережить наш разрыв. Все-таки не такая уж я наивная и непонимающая, чтобы не заметить мысль, которую он буквально транслирует мне в мозг.

Хочется сказать, что он ошибается. Но зачем?

— Спасибо, что вернул его, — стучу пальцами по коробке и проклиная себя за то, что сделала Саше кофе, потому что он уже усаживается на кухонный диванчик, укладывает ногу на ногу и дает понять, что никуда не спешит. — Не стоило беспокоиться. Не настолько

жизненно необходимая вещь.

— Я думал, ты не придешь, — меняет тему мой бывший. Это в его характере — перепрыгивать с одного на другое даже без перехода. Он занимается финансами, постоянно о чем-то договаривается, выбирает выгодные варианты и называет такую «прыгучесть» оптимальным вариантом эффективного использования времени. Зачем тратить его на разговоры, которые не несут никакой выгоды?

— Почему я не должна была приходиться? Мы договорились, что взрослые люди, кроме того, кому-то нужно было отдуваться за всех Воскресенских.

Отец как всегда очень спешно сорвался по работе, мама слегла с давлением — после инсульта пять лет назад она даже спит с тонометром под подушкой. А если бы никто не пришел на свадьбу, Анна Павловна, Сашина мама, обиделась бы на всю жизнь. Так что мне пришлось бы пойти даже мертвой.

— Надеюсь, у тебя не было из-за этого неприятностей?

— С Наташей? — Саша почесывает живот через рубашку и снисходительно улыбается. — Нет, она не ревнива, к счастью. У женщин, которым за тридцать, много плюсом.

— Ну да, проблемные малолетки — это проблемы мальчиков, — с лживой широкой улыбкой подыгрываю я.

— Не обижайся, маленькая. — Саша тянется, чтобы потрепать меня по щеке, но я успеваю встать и сделать вид, что собираюсь заняться обедом. — Кстати, я голодный — просто пирец. От омлета не откажусь.

Чтобы понять, почему он так себя ведет, надо быть в клане Сергеевых-Воскресенских. Лет двадцать назад наши родители жили в одном доме на одной площадке, и мы с Викой — Сашин сестрой — ходили в одну школу. Сергеевы одалживали у Воскресенских сахар, Воскресенские у Сергеевых — батарейки. Мы с Викторией вместе учили уроки, а Саша, тогда уже начинающий специалист, иногда забирал нас после школы на автомобиле, купленном на свои первые «кровные». Мы до сих пор одна большая семья, просто Вика вышла замуж и переехала к мужу на другой конец города, Сергеевы тоже сменили жилье, а я шесть лет назад выпорхнула из родительского гнезда. Но все праздники — мы вместе. Или даже так: Сашин отец звонит в двенадцать ночи и говорит, что собирается заделать шашлык, так что с нас, домоседов, выезд на дачу. И на следующий день мы все вместе: родители, я, Вика с мужем и Саша.

Теперь в эту компанию добавится Сашина жена.

И мне придется быть либо благородной «бывшей», либо истеричной трусихой.

Хорошо, что все это случится не в ближайшее время, и думать, как будет лучше, не обязательно прямо сейчас.

— У меня яйца закончились, — вру я, но Саша сам лезет в холодильник, достает полный лоток и локтем отодвигает меня от стола.

Он не то, чтобы любит готовить. Просто, как любой приверженец ПП^[5] и спортсмен, искусством приготовления яиц, гречки и куриной грудки овладел в совершенстве.

— Как оно у тебя? — спрашивает он, ловко разбивая сразу шесть яиц и вилкой доводя их до однородной желтой массы. — Все хорошо? Почему кота до сих пор не завела?

«У меня аллергия на шерсть», — почему-то всплывают в голове слова Антона.

Я не красавица, чей номер телефона отрывают с руками, но я — выдумщица.

— Есть один человек... — Мне противно, что приходится делать это, но сейчас я не хочу выглядеть бедной несчастной овечкой, которую он пришел опекать из чувства долга и

благородной заботы большого и сильного о маленькой и глупой. — У него аллергия на шерсть животных... И я решила, что пока могу обойтись без кота.

— Что за человек? — переспрашивает Саша. — Новая подружка?

— Любовник, — шиплю я, на мгновение теряя контроль.

Саша отодвигает миску с омлетом, снова оценивает мужской свитер, в который я одета, но сказать ничего не успеваю, потому что в наш разговор вторгается звонок моего телефона. На экране незнакомый номер, и мне инстинктивно хочется его отклонить. Обычно незнакомые номера приносят плохие новости. Ну или это просто мне так не везло. А тут еще и три шестерки в конце.

Но что-то подсказывает, что нужно ответить.

— Алло? — настороженно произношу я.

— Привет, малыш, — слышу в трубке знакомый голос, от которого сами собой колени прилипают друг к другу, словно намагниченные. — Прости, что вчера не взял твой номер.

— Привет, — глупо улыбаюсь в ответ. Хорошо, что он не может видеть мое лицо, а то бы пожалел, что решил позвонить.

Так, стоп.

Выхожу из кухни в ванну и прикрываю за собой дверь.

— Откуда у тебя мой номер?

— Забыла, где я работаю? — Антон тихо смеется, и я слышу на заднем фоне хлопок закрытой дверцы автомобиля. — Ты дома?

— Да, — энергично киваю я.

— Я тут рядом по работе был. Сейчас возле твоего дома. Можно подняться?

Из зеркала в ванной на меня смотрит еще не до конца проснувшаяся бледная страшилка с растрепанными волосами, припухшими глазами и в свитере мужчины, о котором я пошло фантазировала в самом неприличном смысле этого слова. А на кухне — мой бывший, который по совместительству «настоящий» его бывшей.

Нормальные женщины предлагают перенести встречу на потом, чтобы навести красоту и дать себе хоть немного шансов на успех.

Но я — ненормальная женщина, потому что вприпрыжку несусь к домофону, на ходу смеясь:

— Да-да-да, поднимайся!

Глава двенадцатая: Антон

Рыцарь романтического образа — это, как бы, совсем не про меня.

Нет, я не брутальный самец и не мачо, но после определенных уроков и выводов понял, что нет смысла расстилаться перед женщинами просто так только потому, что у меня член, яйца и я, как мужик, должен делать красиво. Должен я только своим родителям и тем людям, которые это заслужили.

Но, конечно, на свидание прихожу с цветами. Чтобы создать нужное настроение. Женщины почему-то очень любят, когда им дарят умершие растения.

Но сегодня у меня в кармане целое большое исключение из правил. И я даже не знаю, откуда во мне этот порыв. Возможно, малышка выглядела слишком несчастной, и ее перепуганные зеленые глаза преследовали меня если не всю ночь, то утром определенно. Возможно, это просто жалость. Возможно, меня немного грызет любопытство и желание продолжить то, что так и не стало поцелуем.

Да все, что угодно.

Но раз я напрягаюсь настолько, что достаю ее номер — и теперь «торчу» виски одному шустрому пареньку — и даже немного забиваю на работу, чтобы смотаться к черту на рога за тем, что Очкарика явно порадует. Ну а потом, когда работа все-таки забрасывает меня в ее края, даже не колеблюсь, выруливая в сторону знакомого дома.

Почему вообще не удивляюсь, когда за распахнутой дверью Йен стоит в моем свитере и штанах в обlipку с каком-то нелепом принтом из диснеевских персонажей? Волосы на этот раз собраны заколкой на затылке, но в целом растрепаны и волнистыми прядями лезут ей в глаза. Выглядит недавно проснувшейся. Забавной. Смешной до чертиков с этой широкой удивленной улыбкой.

Чего уж там, мне нравится, как она на меня реагирует. Лытит что ли мужскому самолюбию, тем более, что я сам далеко не эталон мужской красоты.

— Ух ты... — Осматривает меня так удивленно, как будто впервые видит мужчину в костюме.

Ей «ух ты», а мне целый геморрой: пришлось ночью тащиться в квартиру, забирать вещи, чтобы утром быть «официально», потому что даже мне, любителю послать правила на хер и ходить на работу в том, в чем хочется, иногда приходится соответствовать.

— Привет, — еще раз здороваюсь я и прохожу в квартиру, когда Очкарик пропускает меня вперед. — Только выбралась из постели?

Мне нравится ее смущать, потому что некоторым девушкам, даже не красавицам, смущение идет как профессиональный макияж. Ей точно к лицу. Особенно когда вдобавок снова втягивает нос в воротник и смотрит на меня из-за стекол больших круглых очков.

— Прости, ужасно выгляжу, — извиняется она.

Обычно я говорю что-то в духе «Да ладно, бывает и хуже», но сейчас жопой чувствую, что шутка не зайдет.

— Выглядишь милой.

Не вру. Правда милая. Видимо, все же разница в возрасте немного на меня давит. Как-никак — девять лет. Обычно я не связываюсь с женщинами моложе тридцати. По целой куче объективных причин, главная из которых — с маленькими нет общих интересов. У них в голове — клубы, тусовки и это модное слово — движ. А мне после заебов на работе хочется

домой, есть, секс и спать.

— Я начинаю ревновать к этому куску шерсти, — пытаюсь немного ее растормошить, когда Очкарик снова закрывает рот ладонью, на этот раз прямо через свитер. — Ты с ним целуешься чаще, чем со мной. Хотя нет — со мной еще не целовалась. Почти.

Тяжело это объяснить — желание целовать женщину просто так, даже когда она выглядит сонной взъерошенной совой. Но если она и дальше будет делать то, не знаю что, сегодня у нас будут поцелуи. И еще какие, блядь, поцелуи.

Кто-то сзади выразительно кашляет. Как в поганом кино.

Поворачиваюсь.

Ну надо же, счастливый молодой муж, где бы мы с тобой еще встретились.

Смотрит на меня так, словно я завалился к Наташке в трусах и лаптах до того, как он свалил на работу с цветущими рогами. А, между тем, это он посреди бела дня у своей бывшей и явно не догоняет, что вообще происходит и откуда здесь нарисовался посторонний мужик.

Но прежде чем что-то делать, я всегда анализирую ситуацию. С моей работой и навыками на это уходит пара секунд. А больше обычно и не нужно.

Так, кажется, вчера Йен сказала, что у них дружба семьями, и что она была на свадьбе по своей воле, потому что иначе бы не поняли. Больше ничего о бывшем не рассказывала. Возможно, появился с дружеским визитом? Может, поэтому ей мама названивала весь день? Сомневаюсь, что Очкарик стала бы меня приглашать, если бы у них тут было тайное свидание? Да и не производит она впечатление женщины, готовой стать любовницей.

И еще одна деталь.

Очкарик делает шаг — и заходит мне за спину. Не вся целиком, но явно обозначая, что меня сюда не сквозняком надуло. А если в такой ситуации женщина прячется за мужчину, а не выпихивает его в дверь, значит, это его территория. И не ебет, что другой пришел первым.

— Саша привез эпилятор, — говорит немного дрожащим от волнения голосом. — Прихватил его... случайно, когда забирал вещи.

Смотри какой заботливый. А чего Наташку не шпаришь? Или это она тебя уже затрахала? Всенощной в мозжечок? Она умеет. Я точно знаю.

— Добрый день, Александр, — говорю спокойно, но не без сарказма. — Какими судьбами в наших краях?

— Он тут что делает, Йен? — не понимает Александр.

Потом заглядывает мне за спину, но теперь малышка окончательно прячется и смеет настолько, что потихоньку просовывает руку у меня под локтем, подрагивающими пальцами нащупывая ладонь.

— А я Муз, пришел вдохновлять свою любимую писательницу, — как ни в чем не бывало продолжаю улыбаться я, источая ироничное «дружелюбие». — Александр, вас дома жена с борщами еще не заждалась?

Наташа и борщи, это как ненаписанная песня: в теории хорошо, на практике — говно.

Ставить на место вот таких слишком смелых — это тоже часть моей работы, где мне приходится сталкиваться с куда более крутыми мужиками, чем этот «безусый отрок».

Я даже, наверное, могу представить, что он сейчас думает в этой своей модной рубашке, «Омеге» на запястье и с лицом, которое выбрито чуть ли не до тошнотворной гладкости. Что он весь крутой солидный мужик, на дорогой тачке, с возможностями и прочей лабудой, на которую клюют бабы и которая должна простых лохов, вроде меня, повергать в священный

трепет. Со мной эта хрень не работает, потому что так уж сложилось — к счастью — что теперешняя реальность конкретно отличается от сериала «Бригада», и на любых, даже самых крутых «папиков» всегда найдется управа. В том числе — и из вот таких ребят, как я. Потому что рулят у нас силовики, а не Франклин с его клонами^[6].

— Йен, ты в курсе вообще, кто он такой? — Александр Батькович упорно продолжает делать вид, что меня тут нет, при этом обращаясь к воздуху у меня над ухом.

— Саша, по-моему, тебе уже пора, — не выходя из убежища моей спины, говорит она.

На секунду мне кажется, что он так и сделает — сунет ноги в туфли и свалит в закат, к своей драгоценной жене. Интересно, что было бы с этой рожей, если бы я сунул ему под нос бомбардировку Наташиных сообщений, которую она, несмотря на мое молчание и игнор, продолжила сегодня утром. Даже хочется поднасрать, чтобы посмотреть, как с мужичка слетит спесь, но не хочется доводить ситуацию до уровня пацанских разборок на школьном дворе.

— Значит так, Муз. — Он скрещивает руки на груди, явно рассчитывая произвести впечатление своими бицепсами и трицепсами. Зря. Я же не глупая девочка, меня таким не впечатлить и точно не испугать. — Я за ней присматриваю. Она мне почти как семья, понял?

— Не понял.

Люди обычно слегка _теряются, когда на их прямые вопросы дают прямые ответы. Ну то есть я снова не испарился с горизонта, не отклонялся, не стал изображать из себя хулигана, которого поймали за воровством роз на клумбе бабы Мани.

Мне плевать на все эти игры мускулами.

И я никуда не уйду.

— Ты делаешь ошибку, маленькая, — пытаюсь выглядеть спокойным, бросает он, нарочно пытаясь задеть меня плечом, когда идет к двери.

Я успеваю развернуть корпус, чтобы эта попытка «быковать» меня не зацепила, но не отказываю себе в удовольствии понаблюдать, как он обувается, срывает с вешалки пиджак — слышно, как трещит ткань — и пинком ладони распахивает дверь. Оглядывается, на ходу расправляет манжеты рубашки и, чтобы не уходить «всухую», добавляет:

— Когда тебя снова уложат... в санаторий, Йен, вспомнишь, что я тебя предупреждал.

Очкарик захлопывает дверь, наваливается на нее спиной и стоит так, словно заклинившая шарнирная кукла. Только дышит нервно и часто и потирает кончик носа, как будто это что-то вроде ее личного ритуала для успокоения. Мне пришлось научиться подмечать такие мелочи, чтобы «читать» собеседников.

— Прости, пожалуйста, — откуда-то из растрепанных волос нервно всхлипывает малышка. — Он... Саша правда как бы часть семьи. Но я не приглашала его и не хотела, чтобы он приезжал. Понятия не имею, зачем он это сделал. Мы до вчерашнего дня два месяца общались на уровне пары СМСок в неделю.

У меня есть пара теорий, но озвучивать их я не буду. Хотя поставил бы на ту, в которой такие мужики считают себя подарком женщине и любят почесывать эго, вроде как разыгрывая искреннее участие к жизни бывшей. На самом деле они прутся от роли благодетеля, хотят, чтобы им заглядывали в рот и ели с рук. Ну а заодно подстраховывается с запасным аэродромом. Потому что девочка, хоть и не модная телка вроде Наташи, но хорошая, милая, умная и знает, с какой стороны держать нож.

— Малыш, он уже ушел. — Я подхожу поближе, но не спешу ее трогать. Тут и дураку

видно, что напряжена и натянута, как струна. По мне может зарядить просто на рефлексах, и тогда будет совсем неловко нам обоим. — Иногда мужики такие сволочи, знаешь?

Она медленно кивает и осторожно поднимает голову. Снова тот же взгляд с опаской, немой вопрос: «Все хорошо?»

С этой ситуацией срочно нужно что-то делать, пока один мудака не испортил то, что так хорошо начиналось.

Я сую руку во внутренний карман пиджака, достаю небольшой мешочек из замши.

— Я подумал, что у настоящей Йен из Венгерберга обязательно должна быть обсидиановая звезда.

Когда вытряхиваю на ладонь тяжелый медальон из черненого серебра, у Очкарика расширяются глаза, и она снова — я начинаю приобретать зависимость от этого жеста — прикрывает рот рукой. Это, конечно, не обсидиан, но красивая вещь авторской работы, и меня почему-то немного веселит, что у меня самого есть в пару ведьмачий медальон в форме волчьей головы, который я как раз надел под рубашку. И по фигу, что не в тему — все равно его никто не увидит, кроме этой ведьмы.

Хотя, это я уже размечтался.

Глава тринадцатая: Йен

Keiko Matsui — Tears of the Ocean

Я смотрю на украшение, которое Антон держит на ладони с видом человека, принесшего наборный детский браслет из ракушек. Как будто это просто безделушка, и он вообще случайно нашел ее в кармане, когда искал ключи.

— Это мне? — Я знаю, что мастер задавать глупые вопросы, но ничего другого в голову не приходит. Просто не верится, что в моей жизни появился человек, который понимает, что лучший подарок для девушки со странным именем — что-то, что было у той, в честь кого ее назвали немного эксцентричные родители.

Целая обсидиановая звезда на широком бархатном ремешке.

Я бы душу продала за такую, только поиск в гугле вечно выбрасывал на дешевые пластмассовые подделки с алиэкспресс.

— Может, повернешься? Тут застежка такая, что самой не справиться.

Я снова глупо и часто киваю, поворачиваюсь, чуть не заваливаясь на ногах, потому что голова беспощадно кружится. Меня словно раскрутили на карусели и вышвырнули на самом крутом вираже.

Так не бывает.

Я все равно не могу удержаться и вздрагиваю, когда чувствую прикосновение пальцев к шее. Мы оба как будто замираем, слушаем тишину, в которой из моих сжатых губ вырывает что-то похожее на стон сожаления. Нужно уметь справляться с паникой, нужно взрослеть и перестать видеть опасность в каждом мужчине. Особенно теперь, когда мою слабость перед прошлым может разрушить что-то хорошее и, кажется, действительно настоящее.

— Прости, пожалуйста, — извиняюсь я и, чтобы скрасить оплошность, заводу руку за голову, чтобы приподнять выбившиеся из-под тяжелой заколки пряди. Волосы у меня тонкие и несчастные, а железная бабочка в стеклянных «бриллиантах» была слишком красивой, чтобы такая сорока, как я, прошла мимо витрины. Так что сейчас она почти сползла с волос и кулем висит почти у основания шеи. — Это просто нервы.

— Перестань за все извиняться, малыш. Я же не мальчик с комплексами, чтобы хныкать каждый раз, когда женщина не прыгает ко мне в руки в первый час знакомства. Можно же потихоньку, да?

Я хочу сказать, что ответное «да» можно смело возводить в бесконечную степень, но пальцы снова притрагиваются к моей шее: уверенно, твердо. Ремешок на мгновение немного натягивается, я чувствую холодное прикосновение серебра к коже.

Прикрываю глаза.

Выключаю реальность.

«Иду» туда, где он прижимается к моей спине своей грудью, где мы тесно и плотно друг с другом, как той ночью. Где между нами уже нет одежды. И по коже мурашки от того, как приятно чувствовать между своими ногами — его, мужские, покрытые короткими волосками. И щекотка под кожей, потому что интимно и невозможно близко.

Для кого-то эти фантазии — бегство от неприятной реальности, в которой у меня с мужчиной нет ничего, кроме боли и униженного послевкусия от собственной женской несостоятельности.

А для меня — единственный способ подпустить к себе человека.

Сначала — в своей голове.

Только никто не хотел ждать так долго.

И я не могу позволить себе снова запутаться, придумав, что этот человек будет терпеливее, внимательнее и лучше других. Даже если понятия не имею, как вытолкать его из своих «взрослых» фантазий.

— Все, малыш, выдыхай — мы справились.

Я распахиваю глаза, на мгновение потеряв себя в собственной же квартире. Я так увлеклась, что не заметила, как Антон вышел вперед. Смотрит на меня с тем же прищуром, но уже не улыбается. Оценивает шею в том месте, где под высоким воротником свитера на мне — его подарок.

— Спасибо, — бормочу я. Дрожь в горле мешает говорить, я вряд ли вообще способна связать хоть несколько слов.

— Сними его, — неожиданно просит Антон. Ему как будто тоже нелегко говорить, потому что голос опускается ниже ключиц, как будто в грудную клетку. — Свитер. Хочу посмотреть. Просто посмотреть.

Даже если бы он сказал, что готов поклясться, я бы не стала об этом просить.

Дурочка во мне хочет верить в чудеса. А испуганная девчонка с сожалением качает головой, зная, что все это — очередная ошибка, и расплачиваться придется ей.

Я не знаю, что происходит и почему мои привычные тормоза не работают.

Почему прихватываю свитер за нижний край, тяну вверх и стаскиваю через голову.

Почему рукава так и продолжают болтаться на моих запястьях, словно смирительная рубашка. А дурацкая заколка все еще болтается где-то в переброшенных через плечо волосах.

На мне под свитером — только маленький шрам на правой груди от упавшего когда-то зеркала. Его почти не видно, если не присматриваться, и просто счастье, что в прихожей полумрак.

Я прислоняюсь спиной к двери.

Мне стыдно и приятно одновременно, потому что Антон смотрит так, словно я — что-то особенное. Такое же странное инопланетное существо, как и он для меня. И под горячим взглядом карих глаз во мне вздрагивает какая-то шестеренка, заводится давно остановленный и остывший механизм.

— Смотри на меня... — почти выпрашиваю я. — Пожалуйста, смотри на меня.

Он даже не пытается прикоснуться, но приоткрывает губы, проводит по ним языком, и от этого зрелища мои соски моментально твердеют. Я «видела» эти губы ночью, чувствовала их на своей коже, «знаю», как буду чувствовать легкие покусывания и уколы щетины.

— Ты просто пиздатая, малыш.

Не романтично, не мило, не славно и нежно.

Но пальцы на моих ногах подгибаются, живот втягивается, словно на него высыпали лед.

Антон становится ближе, но держит дистанцию между нами. Одной рукой опирается в дверь рядом с моей головой, пальцами другой справляется с парой верхних пуговиц на рубашке. Молча, ни на мгновение не покидая мой взгляд.

Я «видела» эти пальцы прошлой ночью, чувствовала их у себя между ног, хотела их внутри: не нежно и тихо, а глубоко, жестко, до хлопков ладонью по влаге. Потому что прошлой ночью я была мокрой с призраком в моей постели, и это было лучше, чем вся моя предыдущая жизнь.

Он останавливается на четвертой пуговице, когда я вижу тяжелые серебряные звенья цепочки, на которой висит серебряная волчья голова. Совсем как в книге.

Мне необходима капля реальности, пока я не потеряла себя во всем этом.

Тянусь к цепочке, подтягиваю ее «руками» в смиренной рубашке свитера, и Антон наклоняется к моему лицу.

Мы просто дышим друг другу в губы, потому что сейчас этого достаточно. Сейчас будет только так.

Даже если он одет, а я — полуголая.

Даже если в своей голове я хочу его в тех самых фантазиях, в которых стыжусь признаться даже самой себе. Хорошие фригидные девочки не могут хотеть, чтобы их ставили на колени, надавливали на поясницу и жестко трахали.

До ноющей боли между ног.

До влажных шлепков.

Но сегодня между нами ни единого касания.

Целомудренно и порочно одновременно.

— Заеду за тобой в одиннадцать, — мне в ухо говорит Антон, нарочно избегая любого контакта с кожей. — Возьми зубную щетку и вещи на пару дней.

И пока я торможу с ответом, как-то немного нервно нахлобучивает на меня свитер, одергивая слишком уж старательно, как будто собирается «закрыть» меня до самых колен.

— Хорошо, — шепотом соглашаюсь я. — Хорошо, хорошо, хорошо...

И прижимаюсь лбом к закрывшейся за ним двери.

Нужно отдышаться.

Привести в порядок мысли, сделать что-то с головой, в которой громко шумит, как будто меня всю целиком затолкали в морскую раковину.

Я только что стояла перед ним голая? Я правда хотела, чтобы он смотрел на меня, хотела, чтобы произошел какой-то щелчок — и мы, возможно, перестали быть еще одним слишком ярким плодом моего воображения?

Мне пусто сейчас. Так невыносимо пусто и одиноко, хоть час назад я спала в своей постели — и мне казалось, что жизнь все еще может наладиться. А теперь во мне как будто нет чего-то несущего, без чего все сложнее собирать себя по кусочкам.

Это страх.

От него немеют ладони, и я снова вся втягиваюсь в чужой свитер. В нем безопасно. Может, это магия? Или снова мое воображение?

Мне нельзя ни к кому привязываться. Это мне обычно слишком дорого обходится.

Я никуда не поеду. Успокоюсь, приведу в порядок мысли и придумаю отговорку, почему не смогу принять его предложение. Позвонить точно не смогу, потому что голос — мой первый Иуда, и предаст до того, как открою рот. Но можно написать сообщение. В конце концов, писать красиво и правильно подбирать слова — это моя стихия.

Возвращаюсь на кухне, мысленно составляя «письмо».

«Прости, мне так неловко, но ничего не получится...». Выливаю в раковину то, чему так и не суждено стать омлетом.

«Ты хороший человек — и мне было приятно провести с тобой время, но все это слишком быстро для меня...». Чашку, из которой пил Саша, выбрасываю в ведро. Просто так. В этом нет никакого сакрального смысла или обиды. Мне просто не нужна эта чашка.

«Все слишком быстро... Я не привыкла...». Я забираюсь на подоконник, где у меня

лежит маленький матрас специально для тех случаев, когда мне хочется притвориться кошкой и смотреть на людей за окном, придумывая, кто они, что они и какие у них заботы.

«У меня очень сложные отношения с мужчинами. Я просто фригидная ледышка, так что вряд ли тебя порадует мое общество «в том самом» смысле этого слова».

Поджимаю ноги, упираюсь лбом в колени и накрываю голову руками.

Я в домике. Здесь меня никто не достанет и не пробьется через мою защиту.

Но что если я ошибаюсь?

Ведь может так случиться, что, спустя девять лет, в моей жизни, наконец, появился Тот самый человек? Кто-то, кому я смогу доверить тот еще подарочек — себя?

А еще может случиться, что это очередное разочарование. Еще один «Саша» моей жизни, которому будет казаться, что вот он уж точно справится с закомплексованной маминой дочкой, а когда ничего не получится, разведет руками и скажет: «Что ты как бревно, в самом деле?»

Я долго пишу сообщение в телефоне: набираю какие-то пафосные фразы, перечитываю, удаляю, придумываю подходящую альтернативу и снова удаляю.

Может быть, это мое? Настоящее, с улыбкой, от которой как будто развязывается пупок; со взглядом, под которым хочется краснеть, лежа на кровати бесстыже голой; с татуированными руками, о которых я могу фантазировать бесконечно, и это не будут девичьи романтические мечты, а то, что впору показывать на соответствующих каналах?

И все это я потеряю только потому, что снова испугаюсь?

Я еще ничего не решила, но уже записываю его номер в свой телефон: «Антон». У меня больше нет знакомых с таким именем. И имя мне не нравится, потому что в детстве один рыжий толстый Антон очень сильно меня обижал и придумывал дурацкие прозвища, которыми меня дразнил весь класс. Но... моему Антону это имя подходит. Звучит так, что хочется прищелкнуть языком.

Когда в конце имени добавляю смайлик в виде красного сердечка, даже не пытаюсь анализировать этот поступок. Захотелось и захотелось, я любитель поддаваться импульсам. Особенно сейчас, когда забираюсь в мессенджер — а я ими в принципе почти не пользуюсь — и нахожу там контакт по его номеру телефона. На аватарке — черно-белая улыбчивая фотография. Та же хитринка в уголке губ, те же немного прищуренные глаза.

Что написать? Как начать разговор, чтобы мой отказ не выглядел как прилетевший в затылок кирпич?

Я: Я думала, что следователи носят форму с погонами

Отправляю.

Чувствую, как отрезвление валится на голову ледяной глыбой. Я же собиралась поблагодарить за подарок и сказать, что не смогу его принять, потому что...

Антон: Иногда, но обычно лично я хожу как раздолбай

Я: А какое у тебя звание?

Лейтенант? Капитан? Я ни черта в этом не смыслю, хоть у моего отца за плечами карьера военного в звании подполковника, но это было давно — и я, к стыду своему, никогда не интересовалась всеми этими «пенисами на погонах»^[7].

Антон: Майор))

Я: Охренеть...

Я: Прости^^

Антон: Сегодня готовишь ты. Что у нас будет на ужин? Что купить?

Я мысленно икаю, обескураженная резкой сменой темы разговора.

Что я буду готовить?

Я: А что ты любишь?^^

Антон: Мясо, мясо и... мясо)) Но только в виде стейка или на ребре. Тушеное нет. Еще блины люблю. И суп какой-то, на твой выбор. Я абсолютно непривередливый.

Я умею готовить.

Я умею очень хорошо готовить. В моем арсенале есть советы Гордона Рамзи и фишки Джейми Оливера. За готовкой я расслабляюсь: надеваю наушники, включаю любимую музыку и, пока нарезаю рыбу или шинкую салат, героиня моей книги сражается со злым демоном или спасает мир от инопланетного вторжения.

Но самое классное — это конечный результат. Когда из кучи самых разных продуктов вдруг получается маленький кулинарный шедевр. Чем не алхимия?

Антон: Малыш, я добрался до работы. Пока не на связи. Но ты пиши, я обязательно прочитаю и отвечу, как освобожусь.

Я ношусь по квартире, быстро переодеваюсь для прогулки и уже на ходу, спускаясь по ступеням, набираю:

Я: Хорошего трудового дня, неформатный майор Геральт [\[8\]](#). Все, что нужно, куплю сама. В этот раз угощаю я.

На улице, прежде чем спрятать телефон подальше в карман, удаляю заметку в записной книжке, где у меня целая мелодраматическая речь на тему того, почему сегодня мы не увидимся, и почему я вообще плохая партия для мужчины, у которого нет проблем с либидо.

Может быть... в этот раз все по-настоящему?

Глава четырнадцатая: Антон

Когда женщина интересна — ее хочется попробовать «на зуб». Назовем это так, хоть формально, лично для меня, это просто некая проверка боем, попытка оценить профпригодность. Пусть звучит цинично и как ода сексизму, но когда тебе тридцать пять, за плечами есть какой-никакой, но приличный опыт общения с противоположным полом, уже не хочется тратить время на женщину, которая, как потом окажется, не умеет элементарных вещей.

Я уже в том возрасте, когда хочется «джек-пот»: умную, симпатичную, с нормальной фигурой — совсем не фитоняшку — и способную обеспечить мне комфорт. А я взамен буду оберегать ее, давать, все, что нужно и не ебать мозги пустыми придирками.

Вроде ничего сложного, но пока что я лишь раз был близок к чему-то подобному, но и там была беда-печаль.

Решение пригласить Очкарика побыть у меня пару дней зреет в тот момент, когда я смотрю на нее полуголую и представляю, как буду сжимать в руках эти полные «тройки», а в идеале загоню между ними член.

Тем более, что завтра мне нужно будет съездить по делам только по второй половине дня и ненадолго, а на среду я заранее все раскидаю.

Мне неинтересно тянуть кота за хвост. Все эти свидания, «три встречи ради приличия», «я не такая, меня нужно заслужить...».

Хорошо, что Йен не против.

Хоть я был абсолютно уверен, что она написала мне первой, потому что нашла повод отказать. Тут и дураку видно, что скромница в полный рост, а такие не пишут мужчинам первыми, даже если на землю летит метеорит размером с австралийский континент.

Вид ее полуголой то и дело возвращается в мою голову, и мне даже приходится пару раз «поправить карман», чтобы не чувствовать себя совсем уж печально. Очкарик написала, что убежала по магазинам, я ответил, что обрывать руки тяжестями совсем не обязательно, но сейчас уже почти десять вечера, а она так ничего и не написала.

Около ее дома я чуть раньше одиннадцати.

Набираю номер и слышу в трубку взволнованное:

— Привет... Антон.

— У тебя там тяжести? Я поднимусь помогу.

— Нет, ничего такого. Уже бегу.

И все же выходит из подъезда с маленькой спортивной сумкой через плечо, женским рюкзаком, на котором болтается пушистый белый кролик, и двумя пакетами с едой.

На полпути забираю все это, сгружаю в машину и краем глаза замечаю, как она снова утыкается носом в телефон.

— Пишу маме, чтобы не волновалась, — говорит со смущенной натянутой улыбкой. — У нас так принято. Ты не подумай ничего такого, просто... вот так.

— А я ничего и не думаю. Если сейчас не поздно, то можем заехать к твоим родителям, чтобы они на меня посмотрели со всех сторон.

— Серьезно? — Она как будто даже моргнуть боится.

— Абсолютно. Это нормально, что родители хотят знать, с кем их дочь проводит время. Мне скрывать нечего.

Никогда не понимал, почему мужики так боятся знакомиться с родителями и домашними своих женщин. То, что на тебя посмотрят ее мать, отец, выводок братьев, сестер и другой «очень важной» родни еще ничего не значит. Это же не обещание жениться.

Ну и еще я почему-то всегда нравился родителям своих женщин. И мне всегда доверяли.

— Может быть, в следующий раз? — Йен поправляет смешные черепаши очки, хоть я вижу, что ее разрывают противоречивые чувства. С одной стороны, хочется показать своего молодого человека (я немного старомоден, и пусть пока буду в таком статусе), а с другой ее как будто что-то останавливает.

— Как сама захочешь, — соглашаюсь с ее решением и помогаю забраться на соседнее с водителем сиденье. — Просто с этим вообще никаких проблем.

— Знаешь, мой отец всю жизнь мечтал, что однажды я стану женой мужчины в погонах, — улыбается она, на миг расслабляясь, как будто перестает смущаться нашего быстро завертешегося знакомства. И тут же тушует: — То есть, это просто... Ну... К слову пришлось... Ничего такого, знаешь...

Не могу не использовать эту возможность ее смутить.

Пытаюсь, но это сильнее меня. Хочу посмотреть предел красноты ее забавных пухлых щек.

— Малыш, у тебя целых три дня, чтобы склонить меня к браку. Тебе и карты в руки.

Все же смущать ее интересно. Такие неподдельные реакции — и при этом ни жеманства, ни кокетства. Она правда стесняется, но не до такой степени, чтобы это превращалось в обузу. Возможно, спустя какое-то время это перестанет быть в новинку, и я больше не буду смотреть на румянец, как на что-то, чего давно не случалось в моей жизни. А сейчас, по крайней мере на контрасте с пробивной и напористой Наташей, приятно видеть во взгляде искренний интерес и ум, а не немой вопрос: «Ну и что ты готов для меня сделать?»

— Расскажи о своем бывшем, — предлагаю я. — Если это не очень большой мозоль.

Мне правда интересно, что у них произошло. Кое-какие выводы я успел сделать, так что осталось проверить, где ошибся. Если вообще ошибся.

— Это просто... определенный этап моей жизни, — после небольшой заминки говорит Очкарик. — Мы дружили семьями много лет, Сашина младшая сестра — моя лучшая подруга. Хоть в последнее время мы мало общаемся. У нее муж, ребенок и все те заботы, о которых я ничего не знаю. Женские достижения.

Ну я бы не назвал рождение ребенка — достижением. Точнее, совсем бы не назвал, потому что потрахаться и кончить с последствиями через девять месяцев — это дело нехитрое. Но стоит ли озвучивать эти мысли вслух? Вдруг она из тех женщин, которые уже в шестнадцать — маленькие мамочки, даже если практикуются на бездомных котятках и выпавших из гнезда птенцах?

— Мы с Сашей всегда были «женихом и невестой». Он же старше на одиннадцать лет, так что даже когда у него появлялись другие женщины, я все равно была «его маленькой будущей женой».

Меня немного царапает, что она упоминает разницу в возрасте, хоть объективно все так и есть: разница в пять и больше лет всегда вылезет внезапно, как прыщ на жопе, даже если «ничего не предвещало беды». И тогда живая девушка с огоньком вдруг превратится в тусовщицу, которая совершенно не приспособлена к жизни, не умеет строить взрослые планы, живет одним днем и убеждена, что глубокий минет решает любую проблему. Правда,

если говорить по справедливости, то Наташа в свои тридцать пять страдала этими же недостатками.

— Два года назад у него был очень важный корпоратив, — продолжает Йен. — Саша всегда был жутким трудоголиком, работал по двадцать пять часов в сутки и думал, что делает недостаточно для карьерного роста. А тут у начальника юбилей, нужно быть обязательно, выглядеть успешным и с хорошей парой, которую... — Она горько усмехается и сует в рот большой палец. Жмурюсь, уверенный, что начнет его грызть, а я этого терпеть не могу, но все ограничивается просто парой укусов. Довольно крепких, раз даже в полутемном салоне я вижу четкие отпечатки зубов на коже. — В общем, Саше была нужна женщина, которую не стыдно показать, которая не скажет глупость, не будет «блистать интеллектом», рассказывая бородатые анекдоты и пошлые шутки, в общем, не заставит его краснеть. Я, вроде как, подходила. И уже была, — она делает пальцами «кавычки», и меня немного вымораживает эта американщина, — его почти невестой. Мы пошли вместе — и все было, как он сказал, зашибись. На следующий день пришел с кольцом и убедительной взрослой речью, что я должна стать его женой, потому что это логично, правильно и все только этого и ждут.

Даже так? Любитель разбрасываться бриллиантами? Не мужик — а, блядь, герой женского сериала.

— Все были очень рады: наши родители, его сестра, соседи и даже блохи на соседской собаке. А потом оказалось, что я не совсем полноценная женщина.

— Ты — трансвестит? — пытаюсь разрядить обстановку, и Очкарик смешно хихикает. — У тебя три сиськи, как у инопланетянки из «Вспомнить все»? Если да, то тогда ты на треть больше полноценная женщина, чем... гммм... двухсисечные.

Ну не люблю я все эти идиотские «груди», «буфера» или, как выдают некоторые, — «грудки». Грудка, блин, она у курицы.

— Ты, вроде, видел, что я из породы двухсисечных, — немного запинаясь на последнем слове, стреляет глазами Йен.

— Еще как видел, — на секунду отрываясь от дороги, отвечаю я, недвусмысленно пробегая взглядом по выпуклости у нее под курткой. Нужно с этим заканчивать. — Так что с тобой не так, женщина? Ты шпионка «Скайнета»^[9]?

— Гомо сапиенс, мои микросхемы подсказывают, что ты только что выпросил себе смертный приговор.

— А можно сначала стейки, а потом на плаху? — печально вздыхаю я. — Жрать хочется — умираю.

— Никакой плахи, — она скрещивает пальцы. — Только дезинтеграция на уровне субатомных частиц.

— Обещаешь?

— Клянусь святыми транзисторами.

— Ну охуеть, ты мировой мужик!

Когда мне в последний раз было так легко с женщиной?

Давно. Настолько, что в голове зреет еретическая мысль: если так пойдет и дальше, этот симпатичный шустрый мозг имеет все шансы меня поработить.

Глава пятнадцатая: Йен

Это может показаться странным, но дом на холме, пусть он самый небольшой из тех, что натканы тут и там, вызывает во мне приятное чувство уюта. Даже заходить необязательно — можно просто сидеть в машине, слушать какую-то ритмичную музыку и смотреть, как Антон возится с воротами в окружении двух игривых и довольно упитанных овчарок. Собак я не боюсь, но кто их знает, что они тут делают и как настроены к чужакам? Они точно не его, потому что неслись за нами еще когда его «внедорожник» уверенно карабкался в горку.

Но когда Антон заводит машину во двор — и овчарки заносятся следом, мне все-таки приходится выйти.

— Они тут сторожат, — улыбается он, почесывая псину за ухом, пока та довольно виляет хвостом.

— Что сторожат?

— Такое чувство, что все, — как будто выдает гостайну, понижает голос Антон, потом вкладывает что-то в ладонь и дает указания: — Большой — от нижнего замка, маленький — от верхнего. А я вещи принесу.

Я с удивлением топчусь на крыльце, разглядывая связку ключей. Это ничего не значит, но все равно чувствую себя странно приятно. Сама бы в жизни не дала никому ключи от своей квартиры, если бы не была уверена в человеке на сто процентов. И не давала — дубликат есть только у родителей.

Справляюсь с замками, переступаю через порог и наугад провожу рукой по стене. Выключатель тут, на комфортной высоте, чтобы не пришлось подпрыгивать до потолка. Уже знакомый диван, кресла, столик, большой телевизор на стене. И запах свежего дерева под лаком. Ну или чем там оно покрыто.

Мне очень неловко хозяйничать на чужой территории, но раз уж на сегодня я Хозяйка ключей, то, может быть, именно этого Антон от меня и ждет? Раздеваюсь, куртку вешаю на стойку около входной двери, сую ноги в домашние тапки — мужские, судя по цвету и размеру — и потихоньку пробираюсь в кухню.

Тут точно такая же кофемашина, как и у меня. Даже странно, как не заметила в прошлый раз. Но не трогаю ее, потому что далеко не все люди такие же, как и я, любители выпить кофе на ночь. А вот чай после уличной сырости — то, что нужно.

Антон заносит пакеты на кухню, наблюдает за моими попытками вспомнить, где у него чашки, распаковывает дверцу правого шкафчика, где у него все по-спартански: пара чашек, сахарница с рафинадом, пара жестяных коробок с разными сортами чая.

— Лимон в холодильнике, малыш, — говорит откуда-то у меня из-за спины. — Я в душ, а ты хозяйничай. Бери все, что на тебя смотрит.

Я быстро выкладываю продукты: заранее замаринованные куски говяжьего стейка, которые купила в своем любимом мясном ресторане, итальянскую вермишель из твердых сортов пшеницы, овощи для приготовления пасты, пучки свежей зелени. Кусок лосося бросаю в кипящую воду — для быстрого ужина нет ничего лучше рыбной похлебки.

А потом где-то рядом громко звонит телефон. Не мой — Антона. Он оставил его на столе.

Высовываюсь в коридор, набираю в легкие побольше воздуха и кричу:

— Телефон!

На часах начало первого. Это у нас то ли очень поздний ужин, то ли очень ранний завтрак, а нормальные люди в основном спят. В такое время звонить без причины не стали бы даже пьяные друзья.

— Кто там? — кричит в ответ Антон. — Я тут без трусов, сорян.

Господи боже.

Я одновременно и краснею от стыда, и глупо смеюсь от этой обезоруживающей раскрепощенности. Мне самой этого ужасно не хватает. Я все время зажимаюсь, обдумываю, додумываю, представляю, что буду выглядеть глупо и смешно, если позволю себе сделать то, что хочу.

Руки у меня в зелени, из которой я как раз нарезала заправку в рыбный суп, так что обхожу стол стороной, смотрю на экран. Фото звонящего нет.

— Тут только буква «Н», — кричу я.

Станный, конечно, способ заносить имена в телефонную книгу, но кто их, следователей, знает? Может, это нормальная практика, в том числе и от случайного глаза.

— Отключи, — просит Антон. — Если еще раз позвонит — сбрось.

Кажется, ругается?

Но неугомонный «Н» набирает снова и снова, а я снова и снова сбрасываю. Это как игра в «переупрямь другого» — даже азарт берет.

А еще через пару минут, когда звонки прекращаются, Антон появляется в кухне с довольной улыбкой, уже почти сухими волосами, с подправленной до маленькой бородки щетиной и в уже знакомых мне домашних штанах и белой футболке.

— Блин, вкусно пахнет, женщина! — Он гремит крышками, быстро изучая, что я готовлю на ужин. — А пуговицы пришивать умеешь?

Киваю и показываю носом в сторону тяжелой каменной ступки, которая у него стоит сиротливо в «окошке» между кухней и гостиной. Сто лет себе такую же хотела, но когда попадалось — не было лишних денег, а когда были деньги — не попадались ступки. Так что сейчас я отрываюсь, разминая смесь душистых перцев и кориандр.

— Вот же... — матерится под нос Антон, что-то разглядывая в телефоне.

— Проблемы? — искренне беспокоюсь я. — Уже почти все готово, выключать через пять-десять минут. Я могу вызвать такси, если у тебя что-то срочное.

— Малыш, — он бросает телефон в первый же ящик, — у меня сейчас только две срочных вещи — ужин и секс с тобой. Я могу корчить ёбаря-террориста и рычать, что трахаться мне приспичило вот прямо сейчас, но на самом деле прямо сейчас я хочу ужин, чай и посмотреть пару серий «Войны клонов»^[10].

— Так не бывает, — сияю я.

— Ну да, мужики в тридцать пять обычно не смотрят мультики, — явно иронизирует Антон.

Он не играет мускулами, не корчит из себя альфа-самца, не подбирает слова, а говорит то, что думает. Он настолько обычен, прост и сложен одновременно, что я все же поддаюсь импульсивному желанию и, пристав на цыпочки, чмокаю его в приятно колочую щеку.

— Нет, мужчина, просто я тоже его смотрю.

Через десять минут, когда все готово, и на этот раз я даже превзошла себя, потому что соус к пасте получился ровно с той нотой базилика, которая не глушила вкус, но идеально оттеняла все остальные составляющие блюда, мы с Антоном в две руки сносим посуду в

гостиную. На столике пара подставок под горячее — довольно потрепанных, но в этом есть своя прелесть уюта вещей с историей. Дизайнерский ремонт, конечно — это мечта, но до тех пор, пока ты не становишься его заложником. У Саши такой: дорогая квартира в модном ЖК на Орловского, три огромных комнаты, в которых хоть конем скачи, непонятные картины на стенах, какие-то статуэтки из магазина дорогого декора, подушки на стульях в тон дверце холодильника...

Я не могла там жить.

Я задыхалась в этом выхолощенном неживом порядке.

Мне не хватало капельки хаоса и тепла, которая появляется в доме вместе со связанными бабушкой круглыми ковриками на кресла, даже если они смешные и стоят три копейки. Мне не хватало возможности разбросать свои мягкие игрушки, потому что Саша любил приглашать коллег и важных людей, и мой «плюшевый детский сад» мог создать неправильное впечатление. Как будто моя подушка-утконос могла лечь грязным пятном на его репутацию знающего финансиста.

Когда мы разошлись, я не забрала ничего из вещей, которые успела перевезти — не так уж много, потому что хваталась за любой повод хотя бы на пару дней вернуться в свою квартиру.

И ни о чем не жалела. Только о смешных горшочках с китайского сайта, куда собиралась посадить смешные кактусы и разные карликовые растения. Если я хоть что-то знаю о Саше, то он отдал их своей маме, вряд ли уточняя, откуда они взялись.

У Антона все иначе.

Видно, что дом нуждается в том, чтобы его наполнили деталями: возможно, парой цветочных горшков, какой-то связанной вручную накидкой на диван с длинными кистями, вазами для мелочей, подносом «под старину», сделанным своими руками.

Но все равно здесь уютно.

И, возможно, дело совсем не в доме или в мелочах, которые, если прислушаться, могут много рассказать о своем хозяине.

Дело в том, что мы сидим на диване рядом — бедро к бедру. Едим, смотрим мультики и иногда обмениваемся комментариями или шутками.

Мне хорошо и уютно.

Настолько комфортно, что физический контакт не жалит кожу. Мне не хочется отодвинуться, придумать что-то про боль в боку и втиснуть между нами диванную подушку. Мне хочется сидеть так, чтобы чувствовать рядом тепло мужского тела, слышать запах мятного геля после душа и украдкой рассматривать профиль Антона.

За чем он меня и ловит, когда я так «залипаю», что не успеваю отвернуться.

— Все в порядке? — Он проводит ладонь по подбородку.

«Все отлично. Ты просто очень мне нравишься, и мне хорошо с тобой вот так, просто вечером, просто рядом, делать обычные вещи, чтобы потом вместе пойти мыть посуду, а потом оказаться в одной постели».

Я не произношу ни звука. И на последней мысли по спине ползет холод, потому что несложно угадать, что будет в постели. Сексуальный мужчина и бревно.

— Вроде ничего не сказал, а у меня чувство, что ты сейчас заплачешь, — хмурится Антон.

Мотаю головой, пытаюсь выдавить беззаботную улыбку или пошутить, но в голове только бессмысленный хлам.

Мне страшно до чертиков.

Потому что я знаю, чем все закончится. Возможно — даже скорее всего — этот мужчина будет более деликатным, чем Саша, и не обзовет меня «соской-ледышкой». Мой бывший почему-то решил, что лучший способ помочь мне избавиться от неловкости от собственной женской несостоятельности — высмеять ее. Я не любила его, к счастью, иначе это прозвище размазало бы меня по стенке тонким слоем унижения.

Но я — это я.

В моей жизни было двое мужчин, и о первом я вспоминаю в холодном поту, до сих пор просыпаясь от ночных кошмаров и испытывая жуткую боль между ног. Саша был вторым, и наша с ним сексуальная жизнь была чем-то вроде обязательного еженедельного ритуала для него и трудовой повинности для меня. От которой, порой, просто тошнило и выворачивало.

Я отодвигаюсь на расстояние полуметра, поправляю очки и еще раз пытаюсь улыбнуться. Самое время сказать, что для меня это все слишком быстро, что я не рассчитала свои силы, когда согласилась провести с ним пару дней. Самое время сделать хотя бы одну правильную вещь: остановиться до того, как «ледышка» все испортит.

Эта пара встреч будут лучшими воспоминаниями в моей жизни.

Сейчас я могла бы подписаться под этим кровью и приложить осколок души.

Глава шестнадцатая: Йен

Мари Краймбрери — Он тоже любит дым

«Мама — разговоры начистоту.

Мама, у него руки все в тату...»

— Мне лучше поехать домой, — говорю я, слишком резко вскакивая с дивана, когда на миг кажется, что Антон пытается до меня дотянуться.

Только через секунду доходит, что он так и сидит на своем месте и вряд пошевелил хоть пальцем.

— Малыш, два часа ночи, — на удивление спокойно и без раздражения напоминает Антон. Убирает тарелку на стол, ставит мультфильм на паузу. — Слушай, я пошутил про секс сегодня. Вернее, это необязательное условие. Не хочешь — ничего не будет. Я не собираюсь тебя насиловать, Очкарик.

Меня словно на минуту бросают в ванну с оголенным электрическим проводом. Руки и ноги дрожат, и, чтобы хоть как-то скрыть это, приходится обнять себя руками, потирая плечи, как будто замерзла, хоть в доме очень тепло — и минуту назад я подумывала о том, чтобы снять свитер.

Не буду даже пытаться представить, как выгляжу со стороны.

Точно не секс.

Просто бревнышко с сучками, изредка говорящее забавные вещи.

— Я знаю, что не собираешься, — набравшись смелости, отвечаю я. — Просто... Со мной все очень сложно и неинтересно.

— Помню, помню, — кивает он. — Может, скажешь, в чем проблема? Хотя бы намекнешь? Дашь отправную точку?

— Я — фригидная, — выпаливаю и рефлекторно прикрываю глаза, чтобы не видеть тень разочарования на его лице. — Со мной неинтересно.

— В смысле с тобой не интересно?

Набираю в легкие побольше воздуха.

Можно ведь представить, что мы просто временные попутчики в поезде дальнего следования и рассказать то, о чем нормальные женщины обычно не говорят на втором свидании.

А можно промолчать и сказать, что у меня месячные.

Пока я выбираю, какой вариант меньше расколошматит меня меньше, Антон заводит руки за голову, подтягивает футболку и стаскивает ее через голову.

И я прилипаю к нему взглядом, так круто сворачивая с ровного трека намеченного разговора, словно у меня отказал руль.

Антон немного взъерошен.

Одет теперь уже в одни штаны и бесконечные лабиринты татуировок.

И еще он уже не улыбается, и взгляд как будто немного темнеет в ответ на мой бесконтрольный всхлип.

У меня ладони чешутся, так хочется его потрогать.

— Иди сюда, скучная женщина, — предлагает он и похлопывает себя по коленям. — Раздеваться в ответ необязательно. Вообще все необязательно, кроме того, чего захочется самой. Я даже трогать тебя не буду, если не попросишь.

И в подтверждение своих слов раскидывает руки, полностью расслабленный и абсолютно безопасный.

Дико сексуальный.

Раскованный.

Уверенный.

Меня втягивает в эту воронку харизмы и неприкрытой похоти в карих глазах. Я знаю, что могу обжечься, возможно, теперь уже на всю жизнь, но иду к нему, словно намагниченная.

— Верхом, — подсказывает Антон, стоит мне замешкаться, пытаюсь выбрать какой-то более приличный вариант. — Давай, малыш. Я не так часто предлагаю женщинам быть сверху.

— Любишь быть главным? — тихо переспрашиваю я, чтобы хоть немного скрыть неловкость, когда развожу ноги и на коленях подтягиваюсь вперед, присаживаясь на его колени.

— Люблю секс с выдумкой, а для этого приходится быть главным. Хотя, если ты захочешь сесть мне на лицо и оттрахать язык, я буду рад такому доминированию.

Мои щеки снова вспыхивают, на этот раз до безусловной красноты.

Хочется инстинктивно сжать колени, чтобы подавить острую ноющую тяжесть между ног, но Антон немного сползает вниз, и я оказываюсь сидящей у него на животе.

Чуть ниже.

Инстинктивно ерзаю.

Мы оба пристально смотрим друг на друга.

— Малыш, ты взрослая девочка и должна понимать, что в определенных обстоятельствах у мужчины встает. — Спокойно, уверенно и без намека на попытки тронуть меня хоть пальцем.

Я взрослая, да.

Но я никогда в жизни не была настолько близка с мужчиной, даже если между нами еще много слоев одежды.

— Что... мне делать? — Мне невыносимо тяжело говорить, потому что дыхание сбилось, и каждое, даже неловкое движение, словно добавляет оборот моей внутренней пружине.

— Ну...

Он приподнимает бедра вместе со мной — и до того, как успеваю понять, что происходит, запросто стаскивает штаны.

Под которыми совершенно голый.

Стоящий член упирается мне в живот.

Я инстинктивно задерживаю дыхание.

Антон обхватывает себя ладонью, неторопливо ведет ее вверх до самой головки, которая у него почти свободна, как будто после обрезания, и обратно вниз, пока кулак не упирается в тяжелую мошонку.

Я до сих пор не могу дышать.

— Малыш, ты можешь просто посмотреть, если это поможет тебе расслабиться. — Он запрокидывает голову, но все еще уверенно держит мой взгляд. — Или присоединиться.

Мне никогда не давали право выбора. У меня всегда была роль девочки, которая должна была соответствовать. Чьим-то представлениям о сексуальности, раскрепощенности или

скромности.

Никто не спрашивал, как хочу я. Что нужно мне. Готова ли я сразу прыгнуть в постель. Нужно ли мне начинать отношения с секса, чтобы проверить — будет ли химия, достаточно ли у меня подходящий размер груди и задницы.

Я теряюсь. Мне не страшно, хоть по раскаленной под свитером коже бегут ледяные мурашки. Мне... любопытно. Не хочется остановиться, попросить его прекратит. В голове не появляется мысль, что мы делаем что-то неправильное или раньше времени. Нам хорошо вдвоем: говорить, сидеть рядом и смотреть мультики. И происходящее сейчас кажется логичным продолжением наших попыток узнать друг друга со всех сторон.

— Я... — Голос опускается до взволнованного шепота. — Я не смогу так... как ты.

Мне не хочется корчить секс-бомбу, хоть, скорее всего, в данной ситуации — это не самое лучшее решение. Многие женщины симулируют, чтобы не вселять в мужчину чувство несостоятельности за собственную неспособность получить сексуальное удовольствие тем способом, каким он может это дать.

В моей голове миллион фантазий о сексе. Я не монашка в своем воображении.

Я хочу уверенного мужчину, способного взять меня в руки и использовать, как свою сексуальную игрушку. Я хочу грубого и жесткого секса, хочу, чтобы меня отшлепали по заднице, трахнули в рот до глубоких горловых звуков. Я хочу, чтобы в постели мне не пришлось прятать свои потребности. Но... но...

Однажды, когда у нас в гостях были Сашины друзья, его уже порядком выпивший приятель делился опытом, как провел ночь с женщиной, которая любила жесткий секс. Тогда Саша сказал: «Фу, уж лучше бы снял блядь, чем с блядью встречаться!»

В моей голове между «мои сексуальные фантазии» и «блядь» образовался огромный знак равенства. И до сегодняшнего дня я даже не позволяла себе мечтать о том, что когда-нибудь у меня появится мужчина, рядом с которым я смогу делать то, что хочу. И мы оба будем получать удовольствие от этого. Чередуя с нежным или быстрым сексом.

Глава семнадцатая: Йен

Enigma — The Roundabout

— Малыш, я здесь, — Антон перетягивает на себя мое внимание. — Можешь не раздеваться.

— И ты не будешь чувствовать себя неловко, если я просто... посмотрю?

Он хрипло смеется, проводит кулаком по члену до самого основания и легонько, еще раз проверяя мою реакцию, постукивает меня головкой по животу.

— Похоже, что я чувствую себя неловко? Если обзовешь меня извращенцем, то, пожалуй, дрочить у тебя на глазах мне расхочется, так что ты подумай.

— Нет! — слишком быстро и внезапно прорезавшимся голосом, протестую я. — Я хочу посмотреть.

— Хочешь? — Антон продолжает двигать рукой, но все-таки на мгновение прикрывает глаза, и я смелею настолько, чтобы еще раз поерзать у него на коленях.

— Мне это нужно, — признаюсь я.

Что ему сказать? Что несмотря на очки как у ботаника, кучу комплексов и фригидность в максимальной комплектации меня возбуждает даже просто мысль, что рядом со мной мужчина, который раскован и смел настолько, чтобы показать мне то, что я сама с собой делаю под одеялом в полной темноте?

— И я хочу, чтобы ты кончил, — следом, не пытаясь себя контролировать, прошу — или требую? — я.

— Обязательно, Очкарик.

Он проводит второй ладонью по бедру, по темным завиткам татуировки, которая расплывается у меня перед глазами, как только Антон опускает руку ниже, сжимая яйца в кулаке.

Мне нравится.

Между ногами приятно тянет, голова кружится.

Пока он трахает свой кулак, то медленно, то немного наращивая темп, я непроизвольно двигаю бедрами. Чтобы не упасть, цепляюсь пальцами в его колени, шире развожу ноги, подаюсь вперед, чтобы его мошонка была там, где у меня под одеждой ноет возбужденный клитор.

Возможно, если бы я была совсем без одежды, пальцы этого мужчины довели бы меня до оргазма, хоть до него это не удавалось никому, и даже мне самой лишь пару раз.

Но сейчас я не готова быть голой и тем более не готова к таким экспериментам.

Я хочу смотреть и возбуждаться вместе с ним.

Хочу представлять, что вместо пальцев с выразительными острыми костяшками — мой рот. Что это я беру его губами, втягиваю, сосу медленно и влажно, не стесняясь громких звуков.

Антон сжимает яйца сильнее, пока они не становятся темно-красного цвета.

Он выбрит до почти идеальной гладкости.

Я могла бы лизать его, пока он дрочит и держит руку в моих волосах, контролируя каждое мое движение.

Мы оба стонем: я, немного двигая бедра ему навстречу, он, толкаясь в свой кулак донельзя возбужденным членом.

Мы как будто настроены на одну волну.

Я могла бы стоять перед ним на коленях, подчиняясь каждому движению, позволяя вогнать член глубоко мне в горло, даже если бы сбилось дыхание и глаза стали влажными от слез.

Я бы кончила только от этого.

Зная, что этот мужчина наслаждается мной.

Эта фантазия такая яркая, что сдержат стон уже не получатся.

Наверняка я мокрая между ног.

Такого никогда не было, но сейчас я чувствую трение влажной ткани трусиков каждый раз, когда потираюсь промежностью об его кулак.

Господи...

Мне хорошо.

Просто так, даже не притрагиваясь к себе, просто потому, что я смотрю и никто не орет мне, что это пошло и грязно.

Возможно, ты поймешь меня, если я скажу, чего мне хочется?

Возможно, ты разрушишь тот знак равенства, и я не буду стесняться быть шлюхой для своего мужчины?

Антон ускоряет движения кулака, сжимает его вокруг головки, доводя движения до коротких росчерков только там. Пару выступивших влажных капель с тихим стоном растирает большим пальцем, вопросительно смотрит на меня, когда кладет руку мне на бедро.

Я бесконтрольно киваю — можно, можно... Тебе все можно...

Он притягивает меня одним резким движением, чтобы я вжалась в его яйца своей промежностью. Довожу этот контакт до полной плотности, двигаю бедрами вверх и вниз, как будто его член — во мне.

Сейчас не нужно больше.

Сейчас достаточно, что я чувствую впившиеся мне в бедро пальцы, прикушенную нижнюю губу, вены на шее, вздувшиеся от напряжения.

Антон издает короткий, сиплый мужской стон.

Еще пара движений. Его пальцы кольцом сжимаются вокруг головки.

Он кончает сильно и можно — длинными белыми струями себе на живот и на грудь. Грудь нервно поднимается и опускается. Рука замирает.

Я до боли прикусываю губы.

Мой моральный оргазм такой сильный, что сердце грохочет в висках и дышать становится трудно, как будто из комнаты откачали весь кислород.

Несколько секунд мы не двигаемся и не разговариваем.

Несколько секунд, которые становятся для меня откровением о еще одном своем желании.

Я все-таки снимаю свитер: это импульс, потребность. Пока Антон не смотрит, расстегиваю лифчик, бросаю на пол.

Прижимаюсь грудью к его груди.

Плывать, что мы оба теперь в его сперме.

Мне хочется быть с ним вот так. Плывать, что будет думать весь остальной мир, и что будет кривить от этого нос. Здесь — только мы.

Он медленно, но уверенно обнимает меня обеими руками.

Контакт кожи с кожей.

То, от чего я чувствую адскую боль, как будто меня прожигают насквозь.

Но мне безумно хорошо сейчас. Настолько, что удобнее устраиваю голову на мужском плече и потихоньку, как маленькая и любопытная, прижимаюсь губами к странному языческому символу на его коже.

Хорошо, что Антон просто обнимает меня и не заводит эту пластинку: «А как же ты? А что с тобой не так?»

Со мной многое не так, но сегодня я была женщиной больше, чем за всю свою жизнь.

Глава восемнадцатая: Антон

Мы укладываемся спать около трех.

По очереди в душ, потом я, как обычно, голым в кровать, а Очкарик натягивает смешной спальный комбинезон с короткой молнией спереди. Знаю я такие же, но с провокационными карманами на попе. И в воображении такая вещь для дома возбуждает больше, чем встреча в одном переднике или всякие там сексуальные костюмы из секс-шопа.

— Ты не против, если без обнимашек? — спрашиваю я, когда инстинктивно чувствую, как Йен ворочается у меня за спиной. — Я ни хрена не усну, пока меня трогают или на меня дышат.

— Как скажешь, — послушно соглашается она и двигается назад.

— Эммм... — Вот сейчас будет ржачь. — Давай просто впритык жопами?

Ну а как еще сказать, что вот так — оптимально для меня? И что все романтические обнимания, поцелуи и «фансервис» я могу дать женщине только сразу после секса? А потом хочется нормально и комфортно выспаться?

— Так? — Она снова подвигается, чувствую, как прогибает спину, неуверенно трется ягодицами об мою поясницу.

Улыбаюсь, чтобы не смущать свою гостью смехом.

Кто придумал, что после секса людям обязательно курить, например? Признаваться друг другу в любви, ворочаться мокрыми друг на друге? Сказал бы я ему пару ласковых.

Подвигаюсь к ней, под одеялом нахожу бедро, тяну на себя.

«Склеиваемся» где-то чуть ниже лопаток и до копчиков.

— Запоминай — вот так я люблю спать.

— Хорошо. — В коротком слове удивление и непонимание.

Вроде: «А с какого перепугу мне что-то о тебе запоминать?»

— А ты как? — развиваю тему. Молчит. Слышу только сосредоточенное сопение. — Малыш, я сформированный мужик, у меня есть привычки, которые на помойку не вынести, даже если бы захотел, но мне с ними нормально, так что я не хочу и не буду пытаться. Но всегда есть оговорки и компромисс.

Ох и не люблю я это слово. Обычно женщины используют его однобоко, считая, что компромисс — это «мы подумали — и я решила». А если не поддаешься и пытаешься найти более приемлемый вариант, начинаются упреки в непонимании, давлении и моральном абьюзе.

Слышал и на своей шкуре почувствовал.

Но любой нормальный мужик понимает: хочешь быть с женщиной — все равно нужно друг под друга подстраиваться. Идеально, если не в принципиальных вещах, но в мелочах и деталях, которые помогут спокойно существовать на одной территории.

— Мне иногда нужно спать со светом, — после долго раздумья, наконец, говорит Очкарик.

— У меня подсветка под потолком, включить?

— Нет, сейчас... все в порядке. — Снова сопит. — Я не люблю спать совсем голой.

— Я уже понял, — смеюсь в ответ, и она тоже посмеивается в подушку и ворочает ягодицами. А про себя думаю, что Очкарика просто никто не затрачивал до такого состояния, когда просто не хочется выбираться из кровати даже чтобы надеть трусы. Надо ей

устроить свой любимый «марафон». Как-нибудь. Надеюсь, что в обозримом будущем.

— Ты в котором часу встаешь на работу? — спрашивает она как раз, когда я закрываю глаза, чувствуя, что вот-вот выключусь.

— В половине седьмого. — Вдруг вспоминаю, что будильник у меня в телефоне, а телефон остался в каком-то, уже и не помню каком, ящике на кухне. — Малыш, заведи будильник? Я уже хрен из кровати выберусь.

— Уже, — довольно сообщает она. — Спокойно ночи, майор.

— Спокойной ночи, писательница.

Просыпаюсь я от какой-то ненавязчивой мелодии справа. Не мой любимый «Каспийский груз», а что-то из фэнтези-игрушки, если память меня не подводит, еще и под звук дождя. Сразу видно, что девушка живет в городе своей мечты — дожди любит, даже когда они за окном восемь дней в неделю. И хорошо — свой сырой серый город я люблю именно за его меланхоличность, покой и отсутствие столичных понтов.

Поворачиваюсь, не открывая глаз, нащупываю ее айфон — такой же, как и у меня, «трехглазый». Хммм... Не слишком ли дорогие игрушки для девушки, которая снимает квартиру? Подарок любителя разбрасываться брюликами?

Помню, когда у меня появился новый «трехглазый», Наташа устроила целую обиду, почему я: А — не хочу покупать ей такой же, и Б — почему не хочу отдать свой предыдущий, который на пару поколений старше ее древней звонилки. Когда слезы и угрозы не помогли, начались подьетки в духе: чего ты передо мной, бедной и несчастной, выпячиваешь свои возможности? Тогда-то я и прозрел, кажется, в последний раз в наших отношениях: как можно быть с женщиной, которая состоит из зависти процентов на двести?

И ведь, сука, не в сраном телефоне было дело.

Когда будильник замолкает, до меня доходит, что в моем холостяцком логове в половине седьмого утра пахнет вкусным завтраком.

Да блин, когда она встать успела, что я не услышал? Я же чутко сплю, каждый шорох слышу.

Душ, наспех высушить волосы полотенцем, одеться в стиле «да пошли вы на хер со своими костюмами».

На кухне Очкарик явно в своей стихии: как мышь с пропеллером в известном месте. Тихо, быстро, шустро. В беспроводных наушниках и явно не замечает моего присутствия, поэтому я прижимаюсь плечом к дверному косяку и даю себе полминуты за ней понаблюдать.

Забавная — это, пожалуй, то слово, которое бы стоило придумать именно для нее. Со сползшей на бок заколкой, в толстых домашних носках, в еще одном комбинезоне — толще того, в котором спала, с капюшоном и двумя помпонами, которые болтаются в районе живота. И уже освоилась: помнит, где посуда, где капсулы для кофеварки, ножи.

Вот как к ней подойти, чтобы без неожиданности и без сердечного приступа?

Не получается — Очкарик поворачивается, секунду смотрит на меня и издает такой звук... Как будто сдулся шарик. Быстро выдергивает наушники, снова краснеет и моментально, не дав мне и рта открыть, сует в руки чашку с кофе.

— Доброе утро, Антон. Я... вроде все успела.

На столе запеканка, высокий омлет и разрезанный на две части — большую и меньшую — стейк. Большая в моей тарелке, вместе с гренками и овощами.

Последний раз такие завтраки у меня были, когда я ходил в школу и жил с родителями.

— Доброе утро, малыш. — Обнимаю ее одной рукой, притягиваю к себе, чтобы уткнулась носом в плечо. Странно, вчера дрович перед ней, но с поцелуями мы оба точно не торопимся. — Можно я все это сфоткаю и покажу мужикам на работе? Мне ни хрена не поверят на слово, если скажу.

— А я еще и рубашку постирала, — уже хвастается она, явно воспрянув духом.

— Ты моя умница. — Чмокаю ее в макушку и плюхаюсь на стул.

Жаль, что всем этим изобилием наслаждаться долго не получится.

На завтрак только десять минут. Знал бы, что так будет — пожертвовал бы сном, ей-богу.

Гром гремит ровно через минуту.

Точнее. Не гром, а грохот кулаками в дверь в унисон к залиvistому собачьему лаю.

Чужих бы собаки не подпустили.

Чужой бы не зашел на территорию, потому что я совершенно точно закрыл ворота.

Блядь.

Глава девятнадцатая: Антон

— Что-то случилось? — перепугано округляет глаза Очкарик, когда я бросаю вилку в тарелку, поднимаюсь и выразительно вспоминаю пару своих любимых крепких выражений.

— Это бывшая. — Нет смысла юлить, потому что раз Наташа приперлась в семь утра и явно с претензиями, она не свалит. Тем более, когда машина во дворе, и значит, я дома.

— Та самая бывшая? — Йен смотрит на часы на экране телевизора, и угадать ход ее мыслей не тяжело. — И часто она так приносит кофе из «Старбакс»? Ну или что там в корзинке у этой ебанутой Красной шапочки?

Она прикрывает рот рукой, а я все-таки ржу.

Потому что лучше и не скажешь.

Иногда мы все ругаемся, и иногда одно крепкое и русское — вместо тысячи слов.

— Прости, — торопливо, заикаясь, просит прощения Очкарик. — Просто папа — бывший военный, и у нас в доме часто были мужчины в погонах, и они любили сбросить пар. Я знаю, что ругаться плохо и...

Грохот кулаков в дверь заставляет ее зажмуриться.

— Я поднимусь наверх, — быстро вскакивает из-за стола и несетя мимо меня.

Успеваю поймать ее за локоть, развернуть к себе. Некоторые вещи нужно прояснять сразу.

— Мне плевать, увидит она тебя тут или нет. Если хочешь остаться — оставайся. Обижать тебя я не дам. Но она точно сама не свалит. Скорее уж доведет собак до бешенства.

— Я просто не хочу все это видеть, — уже немного спокойнее отвечает Йен. — Не люблю скандалы. Работать после них не могу. Начинаю дрожать и искать уютный тихий угол.

Отпускаю ее и жду, пока быстро, почти вприпрыжку, поднимется на второй этаж.

Испортить мне такой завтрак.

Я пиздец, какой злой.

Настолько злой, что даже когда открываю дверь, и Наташа смотрит на меня зареванными красными глазами, у меня возникает только одно желание.

Абьюзерское.

Уебать ее этой дверью, чтобы задать траекторию в обратную сторону.

— Я же забрал у тебя ключи? — без приветствия спрашиваю я.

Наташа удивленно открывает рот, несколько секунд гипнотизирует меня взглядом, а потом прет напролом, переступая порог с видом хозяйки дома, которую не пускают на ее же территорию.

Нарочно неплотно закрываю дверь — оставляю довольно большой зазор, хоть на улице порядком сыро. Но зато пусть эта «гостья» не думает, что у нас с ней будет долгий обстоятельный разговор.

— Ключи? Это все, что ты заметил? Какие-то долбаные ключи?! — У нее довольно неприятный гнусавый голос, но когда злится — становится противно визгливым с истеричными нотками и какими-то то ли скрипами, то ли хрипами.

Поэтому ругаться с ней меня на долго никогда не хватало. Сначала тупо сваливал сам, потом начинал вопить так, что она закрывалась в комнате на полдня, а потом делала вид, что ничего не случилось и тупо игнорировала мои попытки поговорить и разобраться, чтобы

подобная хрень больше не повторялась. И, в конце концов, все кончилось тем, что я послал ее на хуй, вместе с вещами. Что, впрочем, тоже превратилось в целую эпопею.

Сейчас у меня наверху милая девушка, которая не должна стать свидетельницей сцены, так что, хочешь не хочешь, а придется держать себя в руках.

— Меня интересуют только ключи, потому что, насколько я помню, забрал их у тебя.

— Долго ли дубликат сделать, — как ни в чем не бывало говорит Наташа.

Даже, блядь, не понимает, что у всего этого дерьма есть вполне определенная статья Уголовного Кодекса. И я как раз тот человек, который может ей это устроить. На весь медовый месяц хватит впечатлений.

Свой дом с нуля — не час и даже не месяц дела. Строительство я начал в начале года, и иногда оно тянулось медленно, а иногда — быстро. Наши с Наташей отношения уже были натянутыми, но я решил дать ей последний шанс, тем более, что она его чуть ли не выпросила, рассказывая, как безумно меня любит, как раскаялась, осознала, поняла и готова меняться ради нашего общего будущего. Я дал ключи, надеясь, что в этот раз она все-таки взялась за ум, и пока я мотаюсь по командировкам, будет приходить в дом чтобы по чуть-чуть, женской рукой и чутьем, наводить порядки и создавать уют.

Хрен там было.

Ее хватало только на бесконечный поток сторис в инстаграм: «Вот у нас дом, вот я в доме, вот у нас тут будет клумба, вот какой вид из окна, а когда нам с Антоном надоест загородная жизнь, мы будем возвращаться в нашу квартиру».

По факту — мой дом и мою квартиру. Потому что «своими» у нее были только ребенок, тряпки и бесконечные финансовые проблемы.

Когда мы разошлись, ключи я забрал сразу.

И даже как-то не пришло в голову, что она сделает дубликат. А ведь об этом должен был подумать в первую очередь.

Ну на хуй, надо сменить замки.

— Семь утра, счастливая невеста, ты какого... приперлась?

На языке вертится более крепкое слово, но если заведусь — все, пиздец работе. И бывшей, скорее всего, тоже.

— Он меня... — Наташа замолкает на полуслове, глядя куда-то в сторону от меня. Хмурится. — У тебя... завтрак?

Я пытаюсь отодвинуть ее плечом обратно к двери, но она тупо лезет на руки, как будто нарывается, чтобы ее схватили и пустили колобком с порога. Нервно лупит меня по рукам и тут же хватко осматривается.

На стойке для обуви — пара женских кроссовок. Хоть и черные с белыми полосками, но размер крохотный, как у Дюймовочки. А над ними — женская куртка. И в семь утра на столе королевский завтрак.

— Ты не один? — Бывшая спрашивает это с таким надрывом, как будто мы расстались вчера, и пару дней назад она не стала чужой женой. — У тебя новая баба? Где она?

— Ключи. — Я нарочно игнорирую поток вопросов и на этот раз уже довольно грубо, плечом, пресекаю попытку прорваться вглубь дома. — Или устрою тебе проникновение со взломом.

— Ты охренел?! — Она выпячивает губы. Прямо сразу видно, что сменила косметолога, так прибавились в размере.

— Да, я охренел. Ключи — и пошла на хер.

Моя бывшая выразительно пихает руки в карманы куртки и всем видом дает понять, что если мне нужны ключи, отобрать их придется силой.

А мне ее даже трогать не хочется.

Воротит просто.

Женщины думают, что мужика может отвернуть какая-то некрасивая родинка или шрам, или след от ожога. А вот хуй там. Сильнее всего отворачивают дешевые понты и корона, которая, если бы была реальной, на хрен проткнула крышу дома.

Наташа всегда любила провоцировать. Нарочно лезла в лицо, размахивала руками, совала в глаза свои здоровенные ногти. А когда меня это заебывало настолько, что я либо хватал ее за руки, либо встряхивал, чтобы успокоилась, закатывала целый спектакль о насилии. Вычитала у какого-то «гуру интернет-психологии» про абьюзеров — и с ее легкой руки я оказался в одном ряду с мудаками, которые выбивают своим бабам зубы, насильниками и прочими моральными уродами.

То, что она творит прямо сейчас — намеренная и спланированная провокация.

Чтобы моя гостья увидела, каким я бываю, когда очень зол?

Глава двадцатая: Антон

Хорошо, что на все это у меня давно есть свой личный Пожарный случай.

Фокус, который я обычно проворачиваю со всякими зарвавшимися долбоебами или непугаными олигархами, если начинают разговор в стиле лихих девяностых: с распальцовки и воображаемого толчка пузом.

— Значит так, Наталья. Бодаться с наглой охеревшей бабой в семь утра перед тяжелым трудовым днем — себя не уважать. Если ты прямо сейчас не отдашь ключи, я обещаю тебе такую демонстрацию абьюза, что ты будешь захлебываться собственными соплями до конца жизни.

Она молчит, но гонору во взгляде определенно поубавилось.

— Меня больше не ебет, что происходит в твоей жизни. Но меня пиздец, как злит, что ты заявляешься ко мне, как к себе домой, и устраиваешь истерики со сценами ревности. Я — свободный мужик. Буду жить так, как хочу, с кем хочу и когда хочу.

— Ну да, — все-таки не успокаивается Наташа. — Вечно бегающий от брака Антон. Непойманный и незаарканенный.

В целом, она права. Я не торопился жениться и в общем даже допускал вероятность остаться холостяком до конца жизни. Но...

Даже затылок зудит, так хочется оглянуться на заботливо приготовленный завтрак. И в ушах до смешного забавное: «А я еще и рубашку постирала!»

Люди создают семью, потому что им хорошо и комфортно друг с другом. У них отличный секс, понимание, общие интересы и «чувство локтя»: если мужик споткнулся и упал, женщина подставила плечо и помогла выбраться из дерьмища. Чтобы потом он снова закрывал ее своей спиной, решал проблемы и держал свою крепость в глухой обороне от всякого говна.

Женившись на Наташе — или ком-то вроде нее — я бы подох лет в пятьдесят, если не раньше. От инфаркта, инсульта или какой-то другой внезапной хрени.

— Мне очень... плохо без тебя, — внезапно шмыгает носом бывшая и снова лезет ко мне.

Жду, пока повиснет на шее.

Забираю ключ из кармана.

Отрываю от себя ее руки, жаль, что не с плечами.

За шиворот, как сунса — через порог. Волоком за ворота, под одобрительный собачий лай.

— Антон! — орет она. — Я же пришла в туфлях!

— Да и похуй, — усмехаюсь в ответ. — Еще раз тебя здесь увижу — поедешь в родные края. Вместе с мужем. И, знаешь, вот доведи меня — прямо от всего сердца прошу. Подарю вам с Саньком пешее эротическое.

— Ты урод! — уже мне в спину истерит бывшая. — Ты просто говно! Ты не мужик! Нашел себе очередную блядину — и рад, что можно драть кого-то без обязательств? Ты мальчик! Маменькин сынок! Ты просто не способен быть с женщиной, которая не выстелет себя тебе под ноги, потому что ты — слабак!

Жаль, что я не абьюзер.

В доме поднимаюсь на второй этаж, зову Очкарика по имени, но в ответ ни звука.

А когда поднимаюсь, то нахожу ее в спальне: сидит, как маленький сыч, в углу, в наушниках и обхватив колени. Заметив меня, вынимает один наушник и молча ждет, что я заговорю первым.

Выглядит правда испуганной. На лбу написано, что у малышки нет никакой защиты от вот таких «подарков судьбы».

— Я ничего не слышала, — все-таки набирается смелости, чтобы заговорить первой. — Извини, что из-за меня у тебя... проблемы.

— Проблемы у меня исключительно по другой причине — надо прекращать спать с дурами.

Я уже опаздываю, но просто не могу оставить ее вот так. Если мог впустую просрать время на тупую овцу, то на умного Очкарика просто обязан.

Пусть это будет ваниль, от которой у меня сводит зубы и слипается жопа, но это именно тот разумный компромисс, который необходим в любых отношениях.

Усаживаюсь рядом с ней в угол, забираю второй наушник и довольно подпеваю знакомому мотиву:

— *Ведь сегодня я нашел тебя, Родная, я нашел тебя...* [\[11\]](#)

Очкарик расслабленно улыбается, потихоньку перебирается на колени между моими ногами и в мое свободное ухо очень деловито сообщает:

— Между прочим, майор, у меня красный диплом.

Хмыкаю, врубаю добрый сарказм и тоже ей в ухо, уточняю:

— Значит, мы потрахаемся на «отлично», зубрилка.

Глава двадцать первая: Йен

— Солнышко, в выходные Сергеевы у нас на даче, — говорит мама в пятницу утром по телефону, когда у нас случается ежедневный ритуал под названием «Нужно поговорить обо всем и ни о чем пять минут приличия».

В субботу у моего отца юбилей. Ему пятьдесят пять, и по этому поводу будет семейное застолье. А никакое семейное застолье Воскресенских не обходится без Сергеевых. Так было всегда, кажется, без пропусков даже в тяжелые для наших семей дни. Так что мамина «радостная новость» для меня совсем не новость.

— Мам, я помогу готовить, но в выходные хотела поработать.

— Ты всегда можешь взять работу с собой, — спокойно отменяет мою крайне нелепую отговорку. — И я думаю, что свежий воздух подальше от города пойдет на пользу наполнению твоего творческого колодца. Вспомни, как ты придумала «Белую ленту»?

Иногда я жалею, что в порывах творческого «распиранья» становлюсь слишком болтливой и меня тянет рассказать о новой идее всему миру. Хотя обычно под прицельный огонь моего креативного угара попадают как раз родные и близкие.

«Белую ленту» — свой фэнтезийный двухтомник о приключениях изгнанной принцессы эльфов, я придумала два года назад, когда мы были на даче и дороги за ночь замело внезапным снегопадом. Свет выключили, ноутбук разрядился, и пока снегоочистительная техника расчищала дороги, я помогала отцу выкапывать машину из-под снега. И как-то, мысль за мыслью, образ за образом, придумала историю, которая стала моим пропуском в мир настоящих Писателей — бумажное издание.

Мама думает, что если бы не тот снегопад, я так и продолжала бы писать книги малоизвестным автором одного древнего портала самиздата.

— Мам, ты же знаешь, мне тяжело сосредоточиться, когда рядом много людей.

— Йени, солнышко, даже слышать не хочу. У отца юбилей, будут только Сергеевы. И еще Викуся с семьей. Я уже пригласила.

Слышу в трубке выразительное покашливание. Всегда так делает, когда собирается сообщить новость, от которой я вряд ли буду в восторге.

— Саша с женой тоже буду? — иду на опережение. Это же единственная логичная причина заминки на пустом месте.

— Солнышко, я не могла его не пригласить.

Конечно, не могла.

Саша всегда очень нравился моей маме. А я всегда была любимицей его матери — своей крестной. Анна Павловна до сих пор считает меня своей лучшей подругой, и единственная причина, по которой в эти выходные не потянет меня «выпить кофейку со сплетнями» — мы и так будем это делать, но под шашлык, закуски и застольные песни.

— Вы ведь взрослые люди и раз уж так сложилось... — Мама вздыхает. Очень театрально — все-таки, карьера актрисы «Большого» дает о себе знать.

— Я рада за Сашу и искренне желаю ему счастья, — отвечаю, глядя на себя в зеркало.

Видимо, дар носить маски передался мне по наследству, потому что улыбка у меня как раз такая, что сама почти верю в то, что говорю.

— Вот и славно, — с громким облегчением выдыхает мама. — Жду тебя к одиннадцати: нужно кое-что докупить.

Я кладу трубку и не без интереса наблюдаю за тем, как притворная улыбка «хорошей девочки» стекает с моего лица подтаявшей восковой кляксой.

Сашу я еще переживу.

Но как пережить бывшую моего Антона?

Я подумала «моего»? Прикрываю рот ладонью, как будто меня может высмеять собственный тараканий цирк, и в который раз обещаю себе избавиться от дурной детской привычки. Обещаю — и знаю, что нарушу обещание раз десять до конца дня.

Бывшая Антона не знает, что в то утро в его доме была я. Это плюс.

Но я-то знаю, что она заявила к нему в семь утра, как будто это в порядке вещей, как будто у них нет большой и жирной точки, а брак с Сашей — это такая эпидерсия [\[12\]](#), шарж, комедия ошибок в стиле пьес Лопе де Вега [\[13\]](#). А мне придется сидеть с ней за одним столом и делать вид, что она — луч счастья в жизни мужчины, которого я, скучный очкарик, не смогла удержать. И что от всего этого мне пипец как радостно и почти торжественно.

По дороге к матери, когда выхожу из метро, пишу Саше сообщение: «Соглашаться было не обязательно». Может, это глупо. Скорее всего, это уже ничего не решает. Но по крайней мере он должен знать, когда я буду улыбаться ему через стол, мне будет хотеться вытошнить обратно в тарелку то небольшое, что я попробую проглотить хотя бы ради приличия.

Саша перезванивает минут через десять и без приветствия накидывается на меня, как ураган Катрин.

— Я очень уважаю твоего отца, Йен. Ты знаешь, что он для меня сделал. Что я должен был ответить твоей матери, когда она позвонила и сказала: «Ждем тебя с женой, Сашенька, Володя будет рад тебя видеть!»

— Здравствуй, Саша, — все-таки соблюдаю ритуал. Не ради него. Для себя. Моя голова так устроена, что в критических ситуациях, когда все рушится к чертовой матери, я выстраиваю подпорки из подручных средств. Вот как сейчас: он же явно настроен высказаться, и чтобы мое внутренне море спокойствия не превратилось в огненный шторм, приходится играть в официальную стерву.

— Да ради бога, Йен, прекрати вымораживать! — снова прет он.

Считаю до одного в обратную сторону: десять, девять, восемь...

— Ты мог сказать, что у тебя медовый месяц.

— Одно другому не мешает, — хмыкает мой бывший.

Выразительно, легким нравоучительным подзатыльником. Мол, с правильной женщиной я без проблем потрахуюсь даже под крышей чужого дома на полуторной кровати.

Я слишком хорошо его знаю. Для меня он давно прочитанная вдоль и поперек книга. Могу открыть на любой странице и прочитать с закрытыми глазами. И даже без подсказок цитировать наизусть.

— Саша, это моя семья, мой отец и моя жизнь. Ты все портишь своим присутствием. Это очевидно.

— Я буду гостем на Дне рождения человека, которому обязан по гроб жизни. — Он абсолютно на своей волне. — Твоя жизнь меня не интересует. И гости в ней — тоже.

Досчитываю до одного, прячу рассерженный вздох в высокий воротник куртки и продолжаю, нарочно игнорируя последнюю ремарку:

— А если я тебя лично очень попрошу «найти уважительную причину»?

— Нет, — даже не пытаюсь подумать и войти в мое положение. — В чем проблема-то? Мы же друзья, у нас все цивилизовано.

— Саша, ты изменял мне с другой женщиной. Думаешь, я корчу Бедную овечку чтобы... что? Чтобы твоя совесть спала спокойно?

— А ты со своим «Гостем» будешь? — Он как будто и не слышит.

Гость — это Антон.

Саша любит называть так тех, кого считает временными людьми. У него такой жизненный принцип: никакого лишнего балласта, человек необходим, пока он полезен, а потом от него нужно избавиться, чтобы на освободившееся место пришел новый «Гость» и новые возможности.

— Не вижу ни единой причины посвящать тебя в свои планы, — отбрываю его провокацию.

— Ох, маленькая, ты такая дура, — снисходительно посмеивается мой бывший. — Снова этот твой писательский высокий штиль, пафосный слог. Думаешь, ты от этого умнее?

— Уверена, что я в принципе умная вне зависимости от того, что и как говорю.

— Ладно-ладно, умная, — еще одна подачка. — Ты хоть понимаешь, что тебя используют? Ну голову-то свою включи, умница.

Переводить тему разговора — это Сашино любимое. Если провести аналогию с футболом, то он — атакующий. В защите легко теряет мяч. И хорошо это знает, поэтому при первой же возможности уводит игру на «свое поле».

— Я не...

— Думаешь, что вот так запросто тупой наглый мент взял — и влюбился... в тебя?

Хорошо, что в тот момент, когда Саша выдает правду-матку, я как раз выхожу на тротуар и становлюсь столбом, стреноженная этой выходкой.

Тупой наглый мент?

В такую, как я?

Этот разговор себя исчерпал. О чем только думала? Моя самая вредная привычка — думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, а потом разочаровываться и выстраивать вокруг себя очередной ряд крепких стен.

— Я жалею, что...

Он снова перебивает. На этот раз грубо, хоть обычно, даже когда очень злился, держал себя в руках.

— Он до сих пор Наташке названивает! Успокоиться не может, что его не оценили, не приняли в семью. Думаешь, зачем ты ему? Чтобы рядом крутиться и портить жизнь мне и ей. Он же ментовская натура, на десять ходов вперед тебя просчитал, а ты уши развесила, думаешь...

Я прерываю звонок и ставлю телефон на беззвучный.

Глава двадцать вторая: Йен

Когда мы с мамой возимся с последним салатом, на часах уже почти одиннадцать.

Папа позвонил пять минут назад и сказал, что уже едет, так что мама берется за ужин, а я заканчиваю последнее из блюд. Большую часть мужчины будут готовить завтра на мангале: мясо, рыбу, домашние колбаски, ребрышки в моем любимом остро-сладком имбирно-медовом маринаде. Нарезки из свежих овощей тоже будут завтра, но мама — большой любитель все делать «красиво» — все-таки подстраховалась и на всякий случай решила приготовить столько, что этого хватило бы на недельную кормежку маленькой страны третьего мира.

— Солнышко, а ты пригласила своего молодого человека? — как бы между прочим спрашивает мама, помешивая на плите суп.

Я случайно «прохожусь» ножом по указательному пальцу и тут же, как учила бабушка, сую его в рот. Мама уже даже не охает. Со мной всегда так. Достает из верхнего ящика хлоргексидин, бинт и пластырь. Мне уже двадцать шесть, а на порез дует, как будто я маленькая.

Мы с Антоном провели вместе еще один день. Тот, в утро которого заявила его бывшая.

Он уехал на работу, я села за ноутбук. После обеда, стараясь не нарушать холостяцкий покой дома, убралась, хоть в этом в общем-то не было никакой необходимости. Потом, ближе к вечеру, взялась за ужин. Антон вернулся около десяти, уставший и молчаливый, но с маленьким кексом из «Буше». Сказал, что завтра у него срочная командировка и вернется только в субботу поздно ночью, а то и в воскресенье.

Так что вторник мы провели за просмотром «Войны клонов», ужином и поеданием кекса. А потом уснули прямо на диване.

Антон предупредил, что будет занят и что звонить часто не сможет.

Но мне его мало.

Как маленькой эгоистке — мало сообщений, мало нескольких коротких звонков перед сном.

Он — мой кекс из «Буше», которым повертели перед носом и даже дали откусить, а потом хлопнули крышкой по пальцам и спрятали в сейф.

И все это очень мне не нравится, потому что я разучилась пускать кого-то за высокие стены своего замка. А он... ну вроде как вражеский лазутчик. Еще и гранату где-то оставил, которая вот-вот взорвет все мое выхолненное карамельное царство с откормленными маленькими пони и жужжащими шмелями.

— Мой молодой человек работает, мам, — наконец, говорю я. — Он вернется только в субботу вечером или даже в воскресенье, будет очень уставший. Так что не в этот раз.

Мама прячет «аптечку» обратно и осторожно интересуется:

— Ну и кто он?

— Он... мужчина в погонах, — улыбаюсь я.

— Ох, считай, что отец уже пожал ему руку. — Она с улыбкой закатывает глаза. — Ну и... что у вас?

Я помню, что соврала. Что в той версии событий я уже давно встречаюсь с новым мужчиной. И как минимум готова поделиться своим видением того, что между нами

происходит.

— У нас все хорошо.

— Это ты будешь писать в своем статусе в инстаграм, солнышко, а твоя мать не заслужила, чтобы от нее отмахивались стандартными отговорками. Сколько ему лет? Чем занимается? Какие у него намерения?

Моя мама — попаданка из вселенной женщин прошлого века, и для нее намерения — это не пустой звук.

— Mam, мы просто встречаемся, узнаем друг друга. У нас первый том, — чмокаю ее в щеку и снова берусь за нож. Рублю яйцо в крошку, смахиваю в большую глиняную миску для смешивания. — Намерения — это том два. Или даже три.

Она слишком долго молчит, чтобы я не начала подозревать подвох.

Говорят, люди, пережившие удар молнией, способны чувствовать грозу до ее начала.

Я тоже «пережила». Я знаю, что она скажет.

— Ты сказала ему, солнышко? — Мама пытается отнять у меня нож, но я нервно сбрасываю ее руку и беспощадно кромсаю вареную морковь. — Йени, ты должна сказать.

— Нет! — Швыряю нож в раковину и убегаю в спальню, даже не помыв руки.

Не скажу. Никогда и никому не скажу.

Через десять минут мама потихоньку стучит в дверь, приоткрывает ее, ставит на тумбу стакан с водой, рядом кладет таблетку и выходит.

Я выпиваю успокоительное, переодеваюсь в пижаму и забираюсь под одеяло с книгой.

Буквы расплываются перед глазами. Хочется снова себя жалеть, вспоминать, как мне, вроде хорошей девочке, всю жизнь таскающей домой разную несчастную живность, «повезло» так, как лучше бы не везло никому. Я честно пытаюсь читать, чтобы хоть как-то вышибить из мыслей неприятные воспоминания, но они засели там колючками, и их проще забить поглубже, чем пытаться вытащить наружу и не сойти с ума.

Только через какое-то время, когда слышу звонок в дверь и приглушенный голос матери «У Йени опять срыв», голова становится тяжелой. В ней все равно слишком много грязи, но сейчас я смотрю на нее как человек в «резиновых сапогах» и уже не боюсь испачкаться. Можно даже прыгнуть в лужу и устроить показательные брызги.

Иногда во мне что-то щелкает и хочется испачкать своей болью всех вокруг.

Мой врач говорил, что это нормально, и корить себя за подобные мысли не стоит. Но... «С этим нужно работать, Йен, Вы же понимаете, что до тех пор, пока проблема живет в вашей голове, она держит Вас в прошлом и не дает жить настоящим?»

Отец заходит в комнату без стука. Он всегда такой — повадки бывшего военного.

Молча присаживается на край кровати и я, как в детстве, тянусь к нему, обнимаю и чувствую себя чуточку лучше. Для него я всегда буду маленькой девочкой, за которую он в свое время вступился, рискуя всем.

— Ну-ка сопли подбери, грибница, — командирским тоном говорит он. — Развела тут плесень.

Кому-то это может показаться грубым: дочери плохо, а отец, вместо того, чтобы погладить ее по голове, отчитывает за сопли. Он всегда был таким: ни капли сантиментов, все строго по полочкам. Чаще с матом и грубо. Но он меня любит. Как, наверное, больше никто и не сможет любить. И только благодаря его грубым попыткам привести меня в чувство, я до сих пор не расклеилась окончательно.

— Я там яблок привез, как ты любишь, — продолжает папа, чуточку смягчившись.

— Спасибо, сейчас уже не хочу.

— Мать... волнуется. — Он всегда не в своей тарелке, когда приходится говорить о неприятных вещах и трогать тему, которая его задевает за живое почти так же сильно, как и меня.

— Я в порядке, пап. Обещаю больше не распускать нюни.

Отец немного отстраняется, хмуро изучает мое лицо.

Сегодня я сдержалась — не заревела. Для кого-то так себе достижение, а для меня целый подвиг.

— Точно не хочешь с нами за стол?

— Я уже спать собиралась. — На часах почти полночь, от лекарства действительно кружится голова и тяжелеют веки. — Ничего, если поздравлю тебя завтра утром?

Он все-таки целует меня в лоб, желает спокойной ночи и выходит.

Но все равно оставляет дверь приоткрытой. Где-то на ладонь.

Я выключаю свет, кладу книгу на тумбу и достаю из-под подушки телефон. Примерно два часа назад написала Антону «ни о чем»: что ночью у родителей и выходные проведу с ними на даче, так что сегодня у нас приготовления.

Не нашла смелости пригласить его на День рождения. Он занят — мы оба это знаем. Ему придется отказать, а мне бы не хотелось ставить Антона в неловкое положение вынужденного отказа.

Губы расплываются в улыбке, когда вижу сообщение от него. Пришло еще двадцать минут назад. Я и не слышала — забыла, что из-за Саши поставила телефон на беззвучный. В сообщении целое сокровище — фотография моего сонного майора уже в кровати, с его сумасшедшими татуированными плечами. И приписка: *«Малыш, уже сплю, завтра весь день в разъездах и, скорее всего там, где нет связи. Пиши мне»*

Я, недолго думая, пишу *«Ты просто красавчик»* и добавляю к сообщению маленькое красное сердечко.

Антон не знает и не узнает, что сегодня это селфи было лучше любой таблетки.

Глава двадцать третья: Йен

На дачу мы приезжаем первыми.

Девять утра, день солнечный и теплый, но прогноз обещает дождь во второй половине дня, так что мама с самого утра развела панику. Все пропало, гости приезжают к четырем, если делать мясо утром, оно остынет, если оставить на потом — дождь.

Отец держится из последних сил, так что как только заезжаем на территорию участка, пулей вылетает из машины и хватается за сигарету.

— Мам, хватит, — «включаю» взрослую дочь. Иногда у нас вот так: мне приходится разьяснять ей вещи, которые мне интуитивно понятны и видны, хоть у меня опыта в отношениях — гулькин нос, помноженный на ноль. — На чердаке есть летний зонтик, поставим над мангалом, если что. Не паникуй. Не порти отцу настроение.

И чтобы успокоилась, даю ей поток кофе из моей термocupки. Кофе у меня «с секретом» — двумя столовыми ложками оригинального «Бейлиса». Просто чтобы не встречать Сашу с его женой совсем уж дерганой. Хоть это скорее эффект плацебо.

Мы быстро наводим порядок: подготавливаем гостевые комнаты, меняет постельное белье, развешиваем полотенца и туалетные принадлежности. Папа, как настоящий Челентано, методично курит и колет дрова. Судя по стопке, их хватит до следующей зимы, но мы обе помалкиваем.

Первыми, около трех, приезжают Сашины родители. Мужчины сразу обнимаются, отец довольно ворчит, разворачивая полученный в подарок какой-то модный спининг. После обмена любезностями Сашина мама, Анна Павловна, несетя на меня с распахнутыми объятиями.

Я чувствую себя неловко, пока она тискает меня, словно дорвавшийся до любимой куклы ребенок. Потом отодвигает, рассматривает со всех сторон, качает головой и снова тискает. Только теперь уже охает и причитает без вступления:

— Солнышко мое хорошее, что ж вы с Сашенькой-то так, а?

— Анечка, вам нервничать нельзя. — Она всегда молодилась, даже двадцать лет назад одевалась под стать студенткам-первокурсницам, и жутко злится, когда к ней по имени отчеству. — Саша теперь в хороших руках и о нем есть кому позаботиться.

«Его жена — та его сука, но я не могу этого сказать вам».

— Ой, какая я растяпа! — Женщина всплескивает руками и убегает к машине.

Тоже одна из ее странностей — она абсолютно не способна фокусироваться на чем-то больше десяти минут. Исключение — вязание и выращивание фиалок. Так что, когда вручает мне бумажный пакет с бантом, могу поспорить, что внутри либо очередной шарф, либо очередная фиалка.

На этот раз — шарф. Большой, мягкий, бежевый с белыми полосами и длинными пушистыми кистями. Мне нравится, и я с удовольствием буду его носить. В конце концов, это просто подарок крестной.

К четырем, когда мужчины уже всю заняты мясом, а моя мама изображает пяточка и все время приговаривает, что вот-вот пойдет дождь, приезжает Вика с семьей.

— Так, засранка, держи будущего крестника! — Подруга вручает мне шестимесячного Пашу, хватает у мужа перевязанную красивым бантом коробку и несетя поздравлять моего отца с Днем рождения.

Пашка уже совсем большой и характером весь в Вику: такой же любитель посмеяться надо всем на свете и охотно хвастается целыми двумя зубами на нижней челюсти. А еще он вкусно пахнет молочными смесями и детским печеньем, так что хочется таскать его, пока не отвалятся руки. А это недолго, потому что он тот еще упитанный мужичок.

— Хорошо выглядишь, Йени, — слышу мужской голос в спину. — Даже еще лучше стала.

— Врешь ты все, Колесников, — немного натянуто пытаюсь шутить я. — Бледнее бледной поганки, зубрилка с передней парты.

— Да ну брось, ты правда до сих пор дуешься?

Я поворачиваюсь и передаю Пашку отцу — Вадику. Когда-то мы втроем учились в одном классе.

Минуту смотрю на них с мальчишкой — похожих, как близнецы.

— Как живешь, Йени? — Вадик как обычно улыбается одними губами. — Я тебе писал пару раз, но ты, кажется, меня игнорируешь.

— У меня столько спама каждый день, прости. Действительно могла просто не заметить. — Я умею притворяться. В особенности, когда дело касается Вадика. В особенности, когда вру ему в лицо, потому что действительно нарочно игнорирую и его письма, и сообщения.

Он понимающе кивает.

— Сашка долбоеб, — говорит чуть погодя, когда мы обмениваемся парой вежливых вопросов и ответов. Паша у него на руках смеется и пытается затолкать в рот веревку от капюшона отцовской спортивной кофты.

— Вадик, не надо. Пожалуйста.

Я осторожно вынимаю шнурок из пухлых детских ладошек, ссылаюсь на то, что мне нужно помочь матери, и быстро ухожу.

Год назад, на их с Викой свадьбе, Вадик признался мне в любви. Сказал, что любил меня чуть ли не с первого класса, а с ней начал встречаться только чтобы быть поближе, чтобы найти ко мне — молчаливой и угрюмой — волшебный ключик понимания. А когда я начала жить с Сашей, у него опустились руки, и он сделал предложение Вике. Потом одумался, но Вика уже была в положении. А ключ ко мне так и остался на дне самого глубокого колодца.

С тех пор я даже рада, что мы с Викой как-то потихоньку перестаем быть лучшими подругами. Хоть ничего не сделала, а в глаза ей смотреть стыдно.

Когда мы с мамой и Викой в три пары рук быстро накрываем на стол на веранде, под навесом, в тишине и без опасных сквозняков, подъезжает третья машина. Сашин новенький внедорожник-«мерседес». Еще одна покупка в кредит, в счет будущего успеха. Еще один повод для ссоры, когда я не оценила и не подержала его счастья по поводу приобретения, и поинтересовалась, зачем ему еще один автомобиль в долг, если первый на ходу, и если от дома до офиса — двадцать минут на метро.

Саша как всегда приезжает «богато».

Я смотрю на зачем-то притащенный огромный букет роз, которые мой отец принимает со словами: «Я те баба что ль?» В подарок — «Паркер» с золотым пером и красивая подготовленная речь о том, что этим пером он должен подписывать только самые важные документы. Моей матери — тоже цветы, только белые. И пока Саша расцеловывает ее в щеки, его жена вручает бумажный пакет с надписью «Иль де Ботэ».

Даже не пытаюсь подойти, чтобы поздороваться.

Хорошо, что она не знает, кто был в доме Антона. Темный взгляд в мою сторону такой... подозрительный, что нетрудно догадаться — меня тоже записали в круг возможных новых женщин ее бывшего. Записали — и тут же вычеркнули.

— Йени, иди к нам! — подзывает рукой Анна Павловна — и я потихоньку присоединяюсь к их компании. — Ты в порядке? — С искренней заботой проверяет ладонью температуру моих щек и тут же отправляет Сашу в дом, чтобы сделал чай с лимоном и медом.

Она милая и славная женщина. С причудами, где-то такая же «не от мира сего» как и я.

Но эта мизансцена — она для нелюбимой невестки. Показательный щелчок по носу. Громкое красное на белом: «Не для тебя я сыночка растила».

Наташа корчит огромные губы, делает такое движение бровью, как будто от этого зависят наши жизни, и вдруг смотрит куда-то вниз.

На мои ноги.

Долго и пристально, даже не реагируя на попытки Вики сгладить материнский фокус и перевести тему на то, как проходит их с Сашей медовый месяц.

Что не так с моими ногами?

— Знакомые кроссовки, — медленно, буквально взламывая взглядом мое дышащее на ладан душевное равновесие, произносит Наташа.

Кроссовки? При чем тут кроссовки?

Господи.

В них я ездила к Антону.

Глава двадцать четвертая: Йен

Первые мгновения я чувствую страх.

Не знаю откуда он берется, даже не пытаюсь его анализировать, потому что сейчас самое главное — защитить себя. Спрятать подальше свой внутренний штиль от этого пристального злого взгляда.

Да, это просто кроссовки. Ничего необычного: недорогой, но качественный бренд, который еще никогда меня не подводил. И расцветка «ходовая» — черная с белыми полосами. Можно купить не только в магазине спорттоваров, но и в обычном обувном. Но дьявол в мелочах. Мы с Антоном «засветились» на свадьбе вдвоем. Саша видел его у меня дома. Сказал ли Наташе? Вряд ли, потому что тогда бы пришлось говорить, что поплелся к бывшей по надуманному поводу. Но вдруг? Наташа могла видеть эти же кроссовки в доме Антона. А потом точно такие же оказываются на мне.

Шерлок бы приложил ладонь к лицу и сказал, что эту задачу решил бы даже примитивный мозг Ватсона.

Я молчу. Хочется просто убежать, чтобы избавиться от давления, которое медленно вдавливает мою самооценку прямо в грязь.

— Кроссовки? — переспрашивает Вика, которая по-прежнему крутится между свекровью и невесткой, исполняя роль громоотвода. — Ой, да Йен вечно в кроссовках, туфли если надевает, то потом месяц выводит мозоли.

Наташа даже не пытается делать вид, что «проглотила» удобное объяснение.

Я прячу руки в карманы кофты. Нервно, резко, выдавая себя с головой.

— Потому что женщине не обязательно ходить на спичках, чтобы быть привлекательной, — вступает за меня Анна Павловна. — А у нашей Йени ножка как у Золушки.

Я понимаю, что она делает это не с умыслом стравить нелюбимую невестку и любимую несостоявшуюся жену ее сына. Понимаю и поэтому не могу на нее злиться, потому что хорошо помню, как она тяжело переживала наш с Сашей разрыв, а еще тяжелее — его скороспелые отношения с другой женщиной.

Но это не означает, что Анечка имеет право использовать меня в своих попытках задеть Наташу.

— Хотела... купить... такие же, — цедит Наташа, теперь уже разглядывая меня всю, с ног до головы и обратно. Сканирует, как опасный вирус. Снова впивается взглядом в кроссовки. — Но не было моего размера.

Я хочу придумать подходящий ответ. Так сильно хочу, что скрещиваю пальцы в карманах и морщусь от боли в суставах. И... ничего. Ноль мыслей и ноль идей. Все, чего я хочу — уйти подальше. В дом, за дом, пойти гулять куда глаза глядят. Или придумать отговорку о внезапной боли в желудке и вернуться домой.

— В следующий раз обязательно будет, — тихо отвечаю я. Максимум, на который оказался способен мой парализованный паникой мозг.

— Удобные? — напирает Наташа. — Не жмут? А то я слышала, что у этой модели очень прихотливая колодка — не под каждую стопу.

— Че? — снова влезает Вика. — Натка, это же не Лабутены, а кроссы из масс-маркета? Какая колодка? Налезли — и ладно.

Наташа натянуто улыбается в ответ на шутку. Пауза, чтобы я перевела дыхание.

И снова прицельный выстрел в меня — практически в упор. Я почти чувствую, как жжет во лбу опаленное порохом пулевое отверстие.

Мы-то понимаем, о каких именно «кроссовках» говорим. Это почти как в той моей книге, где король демонов вел переговоры о войне в кругу шпионов и доносчиков, и речь шла вовсе не о союзах и генералах, а о персиках и гранатах. Жаль, что я, блестяще написавшая ту сцену, в реальности оказываюсь с языком в заднице.

— С кроссовками все в порядке, — наконец, отвечаю я. Маленькая победа — не заикаюсь и голос не дрожит. — Планирую носить их долго.

Анна Павловна хочет вставить ремарку в наш разговор, но Наташа ее опережает. Кажется, уже оправилась от шока и собирается раскатать меня если не физически, то морально.

— Вот уж вряд ли, — выдает каким-то противно-высоким голосом. Она простужена что ли, что так неприятно гундосит? — Сезон — максимум. А потом придется покупать новые. Слишком прихотливая обувь.

«Поиграет — и бросит», — слышу отчетливое и громкое. Даже на всякий случай осматриваю лица Вики и Анечки — не поняли ли чего? Слишком уж грубо рубится Наташа. Видимо, уже чувствует вкус крови поверженного врага.

— Мне кажется... — Я невольно закашливаюсь, потому что от волнения голос ломается, разрываю фразу ненужной паузой.

И закончить ее не судьба, потому что папа и Сашин отец как громко зовут женщин забирать последнюю порцию мяса, а мама командует начало застолья.

— Ты снова в миноре? — спрашивает Вика, пока мы, позади всех, идем к веранде с горячим мясом на блюдах. — Сашка — мудак. Я ему это в лоб сказала. Но он вон какой счастливый павлин.

Киваю. Анечка уже рассказала, что Вика месяц не разговаривала с братом, потому что не могла простить ему наш разрыв. Только, в отличие от наших родителей, Вика знает настоящую причину расставания, а не наше официальное «не сошлись характерами». К чести Саши — он сам все ей рассказал.

— Саша нашел женщину себе по душе, — говорю я. На этот раз не скрывая иронию. Когда мне страшно — я становлюсь либо немой, либо язвительной. — У них полное взаимопонимание.

Вика передергивает плечами. Она слишком не конфликтный человек, чтобы открыто поддерживать чью-то сторону. А тут у нее ситуация — между молотом и наковальней. С одной стороны — лучшая подруга, с другой — родной брат. Так что вместо тысячи слов просто легонько таранит меня плечом. Мы будем считать, что месячного отлучения брата от сестринской любви было достаточно, чтобы сохранить нашу дружбу.

Вот только после признания Вадика... Стоит ли?

Мы усаживаемся за стол за пару минут до того, как начинается дождь. Монотонный и теплый, так что прятаться в дом нет необходимости. На веранде есть подсветка, а для особо мерзнущих — как я — пара пледов. В один кутаюсь сразу, украдкой проверяю телефон, но там до сих пор висит мое утреннее сообщение без отчета о доставке.

Я люблю и не люблю семейные застолья. Обычно они у нас вот в таком кругу — не клан Сопрано, но своя небольшая мафия. Как любит говорить моя мама — два поколения семей. Точнее — смотрю на грохочущего об стол ложкой Викиного карапуза — уже три.

Я бы тоже хотела стать матерью. Во мне сидит огромная потребность любить безвозмездно, просто так. Выносить в себе маленькую жизнь, чувствовать, как она растет и колотит пятками по животу.

Я бы тоже хотела. Если бы мои шансы забеременеть и выносить не были равны одному из десяти.

Мое место за столом — между мамой и Викой, Саша с Наташей сидят напротив. Старшее поколение мужчин — мой отец и Сергеев — на разных концах стола. За час застолья уже приговорили бутылку крепкого спиртного и даже Вика, которая до сих пор кормит грудью, выпила немного вина. Для меня и мамы — сладкое игристое «Дольче». Пью и вспоминаю, как Антон поил меня коктейлем из безалкогольного шампанского и мартини. Почему-то в памяти осталось, что я в жизни не пила ничего вкуснее, хоть «коктейль» не был сладким, а у меня от кислого алкоголя все удовольствие — головная боль после первого же глотка.

— Сашенька, — привлекает его внимание моя мама, — а вы разве не должны были куда-то уехать?

— Ага, погреть булки на теплом песочке, — комментирует Вика. Они с Вадиком медовый месяц провели на каком-то горнолыжном курорте, где она штурмовала лыжню на четвертом месяце беременности. — Что-то ты прямо как нищеврод, братик.

Саша в шутку грозит ей кулаком.

— Мы решили пока отложить с курортами, — вместо мужа отвечает Наташа.

Кладет руку на его предплечье, чтобы еще раз прихвастнуть камнем. Он правда большой. Я не особо разбираюсь в бриллиантах, но, как писатель, постоянно что-то изучаю, копаюсь в разной нужной — или просто интересно — информации. Такой «метеорит» стоит полмиллиона, если не больше.

С ипотекой и двумя кредитами на машины, шикарной свадьбой, крутым фотографом...

Запиваю эти мысли большим глотком вина, жмурюсь от лопающихся на языке пузырьков со вкусом мускатного винограда.

Я была занудой, которая мешала ему красиво жить. Но теперь это уже не моя проблема, и судя по тому, как охотно от стаскивает зубами мясо с Наташиной вилки, новая женщина полностью разделяет его взгляды на жизнь. Точно не тормозит фонтаны счастья, держа в уме пару миллионов долгов.

— У Саши очень важный проект на работе, — тут же перебивает невестку Сашина мама. — Он почти не бывает дома. Уходит в шесть, приходит в двенадцать. Каждую копейку тянет в семью.

— Наташа, а где ваш сынок? — спрашивает моя мама, потому что после реплики Анны Павловны за столом становится тихо, как в проклятой топи. — Воздух тут не то, что в городе, побегал бы — все на пользу.

— Леша у бабушки с дедушкой. — Наташа скармливает Саше еще кусок шашлыка. — Побудет там до конца месяца.

— У родителей бывшего мужа, — вставляет еще одну ремарку Анечка. — У Саши такой напряженный график...

Звонок моего телефона перебивает ее как раз вовремя, потому что Анне Павловне хватило бы ума сказать, что чужой ребенок будет мешать ее сыну штурмовать финансовый Олимп.

На экране фотография моего майора.

Я глупо прикрываю рот рукой. Никак не научусь нормально реагировать на его звонки.

Отвыкла, что мне может звонить мужчина. Саша вообще не очень любил телефонные разговоры, говорил, что ему их хватает по работе, так что мне писал короткие сообщения в духе автоответчика.

Сашин отец встает, чтобы толкнуть тост, и мне приходится сбросить звонок.

Практически наугад быстро набираю под столом: *«Не могу сейчас говорить, перезвоню»*.

Тост у Сергеева — прямо циганочка с выходом. Вот уже где можно точно сказать, что яблочко от яблони упало впрытык. Желает финансовых успехов, здоровья, чтобы сердце не болело. И на «сладкое»:

— И давайте уже свою Свистелку замуж, чтобы внук появился — учил бы его в футбол играть, пока тебя ревматизм не разбил!

Свистелка — потому что во втором классе у меня как-то синхронно выпали сразу два передних молочных зуба.

— Рано ей замуж, — отмахивает мой отец.

Саша долго смотрит в мою сторону.

Слишком долго, чтобы это не стало бросаться в глаза.

— Между прочим, Йени встречается с военным, — выдает моя мама ровно под звон соединенных бокалов и рюмок.

Это чтобы Сергеевы не думали, что только у них все устроено и с перспективой.

Только теперь на меня смотрит не только Саша, но и его жена.

Глава двадцать пятая: Антон

Я приезжаю из командировки задолбанный в ноль.

Вообще я люблю свою работу и чувствую себя в ней, как рыба в воде, но иногда такой пиздец по всем фронтам, что хочется послать все на хер, уволиться и завести, наконец, пруд с карасями в своей деревеньке, посадить клубнику, пару деревьев. Работать консультантом, получать столько, чтобы хватало на хлеб с маслом, и хотя бы до пятидесяти лет сохранить часть волос без седины.

Смотрю на себя в зеркало в ванной, провожу руками по мокрым волосам. А сохранять, по ходу, уже почти нечего. Хорошо, что стригусь коротко, а то был бы как Старец горы.

Я набрал Очкарика сразу, как только немного подзарядил телефон, хотя сначала собирался поспать час-другой. Но переступил порог дома — и вдруг стало странно одиноко, что никто не выбежал встречать на порог, рассказывая, что у нас на ужин.

И даже ни одной ее вещи не осталось — с чем приехала, с тем и уехала.

А вместо того, чтобы поболтать с малышкой пять минут, услышал в трубке гудки и сообщение вдогонку, что она занята.

Странно. Обычно охотно берет трубку и заговаривает меня всякой интересной и не очень ерундой. За пять-десять минут выдает такой поток информации, что я ее перевариваю целый день. О книгах, о фильмах, о своих творческих планах, о том, что учит японский язык и нашла новую интересную группу, на которую сразу присылает ссылку.

Иногда мне нужно просто слушать и поддакивать, не вторгаясь.

И это не потому, что Очкарик бестолковая или слишком в фокусе своего «Я».

Это нервы и неуверенность. Страх, что мне станет скучно. Кто-то внушил ей хреновый стереотип, будто мужика надо развлекать, иначе зачем тогда женщина?

Нужно что-то с этим делать, если мы будем развивать отношения.

Когда выхожу из ванной, еще раз проверяю телефон — ничего. И это от моей болтушки?

Может, что-то случилось? К тому чертовому сообщению эта любительница тыкать «скобки» в конце каждой фразы не добавила ни одной.

Падаю на кровать, мордой в подушку, снова набираю ее номер.

Она берет не сразу и говорит тихо, как будто переживает, что нас услышат.

— Ты играешь в шпионов? — тоже шепотом спрашиваю я, когда Йен сбивчиво здоровается.

— Нет, просто тут... много людей.

— На даче твоих родителей?

— Угу.

Блин, да что случилось-то?

— У вас ежегодный слет родственников?

— Хуже, — наконец, смеивается она, но голос до сих пор напряженный и натянутый.

— У папы День рождения сегодня. У нас Сергеевы. И Саша. С женой.

Так.

Сажусь, быстро перевариваю информацию. Она там на даче со своим бывшим и моей бывшей?

— Прости, что не сказала раньше, — извиняется Очкарик, пока я достаю джинсы и, прижав плечом телефон, одеваюсь. — Ты сказал, что работаешь, что устал. Не хотела

ставить тебя в неловкое положение.

На самом деле, это как раз то, чего я очень не люблю — когда кто-то, не важно кто, принимает решение за меня, даже не пытаясь обсудить этот вопрос.

— Так, малыш, давай договоримся прямо сейчас — не решай за меня. Никогда. Я не маленький мальчик, меня не надо прятать за юбку.

— Извини! — слишком громко отвечает она.

Перегнул я со строгостью. Забыл, что говорю не с прожженной хваткой бабой, а с молоденькой неопытной еще почти девчонкой, которая краснеет от слова «член».

— Во всем, что касается меня, — уже мягче продолжаю мысль, — я всегда буду решать сам. По крайней мере, пока меня не разобьет маразм, и я не начну считать себя деревом.

— Хорошо, ворчливый Антошка, — быстро и послушно соглашается она. Кажется, что вот-вот расслабится, снова начнет щебетать какую-то забавную хрень, но нет — опять сопит.

— Так что случилось?

— Ничего.

— Не ври мне, — предупреждаю с нажимом.

Вот такой у меня характер — я не глажу по головке, я люблю по сути, жестко, напильником по всем острым углам.

— Наташа знает о нас.

— Ну и не по хуй ли? — Переключаю телефон на громкую связь, достаю свою любимую черную толстовку, влезаю в нее и ерошу волосы, чтобы быстро привести их с порядок. — Она тебе что-то сказала? Обидела?

— Нет. — Йен сплывает, тянет паузу. — Но, кажется, твоей бывшей этого очень хочется.

Конечно, ей хочется. Я знал Наташку три года, и за это время она умудрилась настроить против себя мою семью, парочку приятелей и друзей. Потому что не умела держать язык за зубами и гонор несла впереди себя, словно победное знамя. А тут такой повод затравить соперницу не из своей весовой категории.

Йен не даст ей отпор. По крайней мере, пока я не научу малышку красиво и грамотно огрызаться.

— Женщина, ты меня сама пригласишь или приехать в наглуую? Тогда хоть адрес скажи. — Щелкаю браслетом часов, спускаюсь по лестнице, засовываю ноги в свои любимые «спиды» под «Баленсиага». Прикид оторванный, конечно, но не в мундире же ехать.

С полки, где у меня всякое элитное бухло — некоторые бутылки еще с прошлого Дня рождения — беру коллекционный «Мартель» сорокалетней выдержки. Очкарик говорила, что ее отец — бывший военный. Значит, оценит.

Она диктует адрес, который я сразу забиваю в навигатор.

Херня вопрос — тут ехать-то час.

— Ты правда приедешь? — с надеждой переспрашивает Йен.

— Я правда уже еду, малыш.

На самом деле я реально нереально устал, и приходится прилагать усилия, чтобы не клевать носом за рулем. А заодно выбрать музыку потяжелее и сделать погромче, чтобы мысли в голове выстроились на плацу и синхронно маршировали под Disturbed.

Каким образом Наташа узнала о нас с Очкариком вообще не важно. Либо ей разболтал ее благоверный, либо мы с Очкариком успели засветиться. Важно, что эта баба из породы «вижу цель — не вижу препятствий». И Йен она попытается задвинуть любыми доступными

способами.

Потому что до сих пор считает меня своей собственностью. И уверена, что я ее люблю. Подумаешь, что послал на хуй. Вот такая, по ее мнению, у меня любовь — горячая и страстная, с примирениями в постели и бурным сексом в разгаре ссоры. Но для всего этого мне нужна совершенно определенная женщина, которая понимает меня и способна подпитывать «энергией правильных эмоций». А когда я говорил, что она просто ебет мне мозги, Наташа становилась в позу «ничего не вижу, ничего не слышу» и на своей волне продолжала делать вид, что у нас все зашибись.

Последние пару месяцев агонии наших отношений были для меня самыми тяжелыми. Я постоянно пропадал на работе, лавируя между узколобыми коллегами, зажавшимися «денежными мешками» и сытым начальством. Выходил еле живой, садился в машину... и понимал, что не хочу ехать домой, потому что там — Наташа и ее проблемный ребенок. Но ехал и даже покупал по пути что-то на ужин, потому что всегда был шанс, что меня опять встретят голодными глазами и фразой: «Я целый день работала, ничего не успела»

Работала она консультантом в онлайн-магазине.

Сидя дома.

Я хорошо помню, как мы поругались в последний раз. Утром проснулся и почувствовал, что немного тянет шея. Сначала даже внимания не обратил, пока не понял, что больно поворачивать голову. Сказал, как бы между делом, что у меня там какая-то херня, и ни слова не услышал в ответ. Как будто меня вообще не было. Потому что Наташа растекалась потоком жалоб, как у нее не клеится с попытками организовать торговлю женской лабудой, как у нее опять нет денег. Потом заявила, что все ее подружки в этом году хотя бы по разу ездили отдыхать за границу. Потом в который раз спросила, когда мы понесем заявление в ЗАГС.

Я всегда помогал ей деньгами и оплачивал прихоти. И даже когда мы расходились, как какой-то лось, оплачивал ей съемную квартиру. Потом вывел ее на контору той самой женской лабуды и даже обеспечил стартовую сумму, чтобы Наташа нормально влилась во фриланс и ни от кого не зависела. Ее энтузиазма, как обычно, хватило ровно на две недели, а потом все это осело мертвым грузом на ее извечном: «Да потом, да не сегодня, не рабочее настроение, ветер северный, жопа не чешется...»

В тот день, уже ближе к вечеру, мы просто столкнулись в ванной, и я «имел неосторожность» сказать, что шея у меня до сих пор реально болит.

И понеслась.

Узнал, что в сравнении с ее проблемами, у меня — просто блажь. Что я ною. Что я мудак, который не видит, как ей тяжело. Что я не даю ей уверенность в завтрашнем дне, потому что не хочу жениться.

Но окончательный гвоздь в крышку гроба моего терпения вбило другое.

Желчь и зависть, с которой Наташа расписывала, как я «выпячиваю свой достаток», которым не хочу делиться с ней. А должен. Потому что ей тоже нужно. Нужнее чем мне.

И вишенка на торт: «Ты своим новым телефоном у меня нарочно перед носом крутишь, да?!»

Я так охуел, что на пару минут даже забыл про боль в шее.

А когда пришел в себя, сказал, чтобы убывала с моих глаз вместе со своими тряпками, банками и разбросанными по всему дому расческами с пучками волос.

Меня тупо тошнило каждый раз выкидывать их подальше с глаз.

Она свалила, а уже вечером начала названивать и говорить, как жалеет, что не поняла и не услышала, как любит меня и знает, что я тоже ее люблю.

Хрен знает, почему так и не сказал, что на самом деле никогда ее не любил.

Но честно пытался создать все условия, чтобы она стала женщиной, которая подарит мне уют, покой и станет хранительницей очага. Все же в некоторых вещах я немного старомоден.

Три недели Наташа вывозила из моей квартиры свои вещи: то никак не могла найти время, чтобы купить коробки — в итоге я сам купил и сам привез. Потом не могла найти время, чтобы собрать свои тряпки, пока я не пригрозил на хер выбросить на помойку каждую вещь, которая не будет моей. Время резко нашлось. Потом пару дней собирала вещи, нарочно приезжая поздно вечером в надежде застать меня дома. Не вышло. Потом еще неделю не могла вызвать такси, чтобы вывезти свое барахло.

В итоге мне надоело, я бросил все в машину, снял ячейку для хранения, вывез все туда и отдал Наташе ключ-карту. На встречу она приехала как эскортница: макияж, декольте (чем она до сих пор пыталась меня там удивить, я так и не понял), сапоги до колен. Думала, у меня недотрах и возьмет меня тепленьким.

Я не правильный идеальный мужик.

Я бываю той еще язвительной тварью.

Поэтому ее вытянутое лицо после моего «все, разбежались», стало хоть какой-то моральной компенсацией за кошмар последних месяцев.

С того дня и до свадьбы мы с Наташей больше не виделись, но она регулярно писала и названивала. Сначала просто чтобы напомнить о себе и проверить, не остыл ли я, потому чтобы «громко заявить», что встретила мужика своей мечты, а потом я уже перестал вчитываться. Даже то сообщение с приглашением на свадьбу цепанул взглядом совершенно случайно.

Когда я подъезжаю к дому, на который указывает маркер навигатора, Йен как раз караулит перед воротами. На ней какая-то очень объемная кофта с меховым капюшоном, волосы снова небрежно собраны.

Замечает мою машину.

Останавливается, вынимает руки из карманов — и снова их прячет. И снова достает, чтобы открыть ворота. Идет впереди, показывает, куда можно поставить машину. Во дворе не очень много места, так что приходится постараться, втискивая свое «ведро» между тремя тачками. «Мерин» явно Наташкиного благоверного — еще и номера коллекционные. Что за дешевые понты?

Когда выхожу, Очкарик продолжает топтаться в стороне.

А ведь я правда хотел ее увидеть. Со всеми этими странными реакциями, попытками спрятать куда-то руки, преодолеть стеснение и неловкость. С ней ни хрена не будет просто. Скорее всего, будет сложнее, чем я думаю. Но у меня в жизни хватало простых женщин. Самое время попробовать замороченную.

«И прекращать спать с дурами», — напоминаю данное себе обещание.

Из машины выхожу с твердым намерением поцеловать свою замороченную малышку: языком по этим поджатым губам и потом в рот, между зубами, чтобы почувствовать ее на вкус. Хули там, пора и хочу! Даже если ее строгий батя, бывший военный, потом настучит мне по голове.

Очкарик поднимает руки ко рту и крадется в мою сторону боком, как забавная

зверушка.

Жаль, что в одной руке у меня «Мартель», а то бы пожатал за задницу с огромным удовольствием.

ТЬфу, тупое слово.

— Привет, мой уставший мужчина в погонах, — неуверенно, ища в моем взгляде молчаливое согласие разрешить так меня называть.

— Привет, малыш.

Она не дает ничего сделать — порывисто, дрожащими руками, обнимает меня за талию. Прижимается и уже знакомым движением прячет лицо мне в плечо.

Притягиваю ее к себе.

Можно даже ничего не говорить, а постоять так, пока мой Очкарик не перестанет трястись.

Глава двадцать шестая: Антон

— Прости, — немного успокоившись, говорит Йен, — это просто нервы.

— Точно?

Не знаю, что бы я делал, если б узнал, что за тот час, пока добирался, Наташка успела ее обидеть. Наверное, какую-то злую хуйню. Или очень злую хуйню. И по хрену на крутыша Александра и все семейство Сергеевых.

— Точно. — Очкарик поднимает голову, и с третьего раза у нее даже получается улыбнуться. — Типичный невроз творческого человека. Я не очень хорошо справляюсь с внешними раздражителями.

По-моему, так вообще не умеет давать бой, но это нормально: не все в жизни пробивные и упоротые. Кто-то рождается тихоней, кто-то заучкой, а кто-то матерящимся следаком.

— Я соскучилась, — как-то быстро перепрыгивает на другу тему Йен.

Через секунду понимает, что сказала, и снова пытается спрятаться, но на этот раз я успеваю придержать ее лицо за подбородок. От нее все так же пахнет колючими белыми цветами, а стоит наклониться ближе — над удивленно приоткрытыми губами появляется легкий запах сладкого муската.

— Кто-то пьяненькая? — подмигиваю я.

Кивает.

— Если твои родители не разрешат нам спать в одной постели, ночь проведем в моем «ведре». Там целый диван сзади.

Ее нужно на что-то переключить, расслабить, вытащить из паники. Тем более, что даже не приходится ничего нарочно придумывать — я реально хочу потрахаться с ней сегодня. Хотя бы в формате «лайт» — взаимный петтинг, мой язык у нее между ног.

— Ну ни хрена себе... — влезает как будто между нами молодой женский голос.

— Это Вика, — шепотом говорит Очкарик. — Сашина сестра. Я буду крестной ее сына, как только они с мужем определятся с датой.

А с ней радом, с чашкой в руке, моя бывшая.

Если бы она была Циклопом из «Людей X», от Очкарика бы уже ничего не осталось. А следующим на очереди волны бешенства был бы я.

Она никогда не умела себя контролировать. Пыталась, иногда мне даже казалось, что удачно, но потом случалась какая-то ерунда — и ее снова смывало на дно, откуда Наташа с радостью поднимала волны говна и помоев на мою голову.

Если она и до моего приезда вела себя так же, то неудивительно, почему малышка трясется, как осиновый лист.

— Она... там? — шепотом спрашивает Йен, и я чувствую, как пальцы сильнее цепляются мне в бока.

— Угу, но повернуться придется, малыш.

Пока эти двое идут к нам, Очкарик потихоньку отпускает меня и пытается отодвинуться.

Не правильно.

Наверное, думает, что если поставит между нами невидимую стену, то Наташа перегорит и не станет устраивать скандал. Проблема в том, что нас уже все равно приговорили. Пока не знаю, каким способом, но это даже интересно. Моя бывшая, при всех

ее порой совершенно идиотских выходках, не настолько тупая, чтобы накидываться с кулаками на дочку именинника, потому что даже если благородный сохатый души в ней не чаёт, он все равно выпишет ей если не физических люлей, то моральных точно. И прощай красивая жизнь.

Пока Йен не успела отойти, забрасываю руку ей на плечо, притягиваю к себе и говорю на ухо:

— Все, малыш, хватит дрожать как мышинный хвост. Ты со мной. Она тебя не обидит. Но один я не справлюсь.

Хорошо, что эта испуганная голова все же наполнена мозгами и дважды повторять не нужно: обнимает меня в ответ сразу двумя руками и тычется носом в шею. Громко вдыхает, вздрагивает, словно от резкого порыва ветра.

Девушка, которую Йен назвала сестрой своего бывшего, довольно эффектная: модная прическа, хорошая фигура и маникюр, хоть ногти короткие. Спортивный костюм от известного бренда, кроссовки — тоже. И не скажешь, что у нее маленький ребенок. Но вот смотрит на меня, как будто я несчастная жаба на уроке биологии. Могла бы — уже бы вскрыла и посмотрела, «из чего же сделаны все мальчишки». Вряд ли Наташка делилась с ней подробностями запутанных отношений в нашей... гмм... четверке, так что для этого взгляда остается только одна причина — сам я для нее необычен. Потому что я здесь с ее будущей кумой?

Вопреки моей уверенности, что первой разговор начнет именно она, Наташа успевает вклиниться первой.

— Надо же. — Она как тренировалась — вступление пафосное, улыбка едкая. — Где бы мы еще встретились.

Очкарик снова скребет по моей спине, но когда открывает рот, то говорит спокойно и даже без заиканий.

— Вика, познакомься — это Антон, Антон — это Вика, моя лучшая подруга. Мы с детства дружим. — Она нарочно игнорирует вступление моей бывшей.

— Привет, — подхватываю ее позицию и улыбаюсь гламурной красотке.

— Привет... Антон, — осмотрев меня еще раз, улыбается она. Слишком широко, чтобы за этой улыбкой не скрывалось второе дно. — Антон — и все? А дальше?

— Антон, который мой бывший, — не дав ответить никому из нас, выдает Наташа. Если бы не чашка в руке — уже давно бы расцарапала мне рожу. И, наклоняясь к ней с видом человека, собирающегося «пошептаться о женском», нарочно громко продолжает: — Я тебе о нем рассказывала.

А, значит, я уже не раз был гвоздем их вечернего шоу сплетен.

Взгляд Вики меняется мгновенно: вместо любопытства — откровенная неприязнь, и какой-то рассеянный кивок в сторону своей невестки, как будто я прямо сейчас могу наброситься на Наташку с кулаками, и мне показывают — не лезь, есть целая команда поддержки.

Да и по фигу.

— А, ну если обо мне уже рассказывали, то давай знакомиться еще раз, — уже открыто насмехаюсь я. — Антон — тупой мент, мудак, жлоб, закоренелый холостяк, адепт секты домашнего насилия и самый страшный кошмар этой святой женщины. Говорят, приношу удачу: полгода отношений — и мои бывшие выходят замуж за хороших славных парней, мгновенно беременеют, даже если были бесплодны, богатеют и процветают! Наташ, ты

это... не благодари. Я же от всего сердца.

Лица у обеих вытягиваются. Буквально.

С женщинами всегда так. Они обсуждают тебя за спиной, обзывают говном, вешают ярлыки, уже предвкушают, как при случае завалят всем стадом и от души потопчутся по яйцам. А вот плана на случай, если жертва не задирает передние лапки, а выставляет лоб и говорит: «Да, на хрен, я мудака — и чё?!» у них никогда нет.

— Ты просто говно, — бесится Наташка, потому что понимает — ей меня уже никогда не зацепить и не задеть. — Нашел дуру и...

— Кстати, Наташ, — перебиваю я, потому что Йен снова вздрагивает, — камень реально богатый. Потерять не боишься? Точно?

Она моментально захлопывает варешку.

— Йени, ты серьезно? — делает круглые глаза Вика.

Малышка просто пожимает плечами, перехватывает ладонями мой локоть, говорит:

— Мы пойдем — хочу познакомить Антона с папой. А вы отдыхайте.

Хорошо, что обеим хватает ума не влезать с новой порцией ценных замечаний.

Глава двадцать седьмая: Йен

Меня трясет.

Кажется, что единственная причина, почему я до сих пор не сбежала за тридевять земель — Антон. И его рука, которую я держу двумя своими, словно ребенок, который первый раз в жизни попал в шумный торговый центр.

Мне ужасно стыдно перед Антоном.

У нас еще все так зыбко и непонятно, но из-за меня он в который раз попадает под удар: сначала Саша со своими попытками играть во взрослого старшего брата и угрозами, потом — Вика. Да нее достаточно было один раз глянуть, чтобы понять — Наташа точно приправила свои прошлые отношения правильным соусом. Это при том, что я сама толком не знаю, что у них случилось и из-за чего произошел разрыв. Не скажу, что не хочу знать, но в ближайшем будущем добровольно и на трезвую голову я точно не попрошу его рассказать свою версию.

Я буду наивной дурой, но приму за аксиому, что мой Антон — даже если он матерится, грубит и язвит — не причинил бы женщине вред. Это подтверждают и настырные попытки его бывшей «доказать мне», как сильно я не в его вкусе. Скорее всего, это действительно так. Но раз уж я добровольно спрятала голову в песок, то буду верить, что, если не оттолкнула его с самого начала, значит, мой майор с брутальными татуировками что-то там рассмотрел между очками и веснушками.

— Прости, что из-за меня тебе пришлось тащиться в серпентарий, — стараюсь справиться с дрожью в голосе, извиняюсь я. Мы заворачиваем за угол дома, откуда уже слышна музыка и громкий смех.

— Какой серпентарий, малыш? — Антон выглядит абсолютно уверенным и даже веселым. Это немного успокаивает. — Думаешь, меня волнует, что обо мне думают бывшая и... эта... которую я вообще первый раз вижу? Пусть развлекаются, может, зубы сточат и нечем будет яд впрыскивать.

Мы поднимаемся на крыльцо — и все разговоры за столом прекращаются. Как будто застолье накрыли колбой с вакуумом. Даже воздух за ушами вибрирует и потрескивает от напряжения.

Я веду Антона к отцу, который, заметив нас, уже поднимается, наспех вытирает руки салфеткой и с интересом разглядывает Антона.

— Папа — это Антон, Антон — это мой папа, Владимир Юрьевич.

Есть кое-что, что я струсилась сказать моему уставшему майору. Испугалась, что раздумает приехать. Противоречивая моя бестолковая натура: я же хотела, чтобы он приехал, я от радости прыгала, когда услышала, как заводит мотор. И тут же принялась грызть себя за то, что эгоистично, из-за банальной трусости, подставляю под удар и стихийное бедствие под названием «Знакомство с папой».

Потому что папа, хоть он самый лучший мужчина в моей жизни, всегда априори негативно настроен на любого мужчину, который появляется в пятиметровом радиусе около его дочери.

— Владимир, — называется папа, не спеша первым подавать руки. — Мужчина в погонах?

Антон не тушует, протягивает руку.

Не раскрытой ладонью и не тыльной стороной. Он протягивает ее уверенно, спокойно, ровно ребром.

Я задерживаю дыхание.

Для кого-то это ерунда, формальность. Мы живем в двадцать первом веке, где дети не должны получать одобрение родителей. Но моя семья — это единственное, чем я безусловно дорожу. Моя тихая гавань, когда штормит. Люди, которые принимали меня всегда и во всем.

И спасали.

Дважды.

— Майор, — расшифровывает звание Антон.

— Подполковник в отставке, — говори отец и пожимает руку.

Я чувствую ком в горле. Большой и сахарный, как пончик в разноцветной ванильной глазури. Мне так хорошо, что сейчас зареву. Я так горжусь своими мужчинами, что в порыве сантиментов быстро тянусь к папе, звонко чмокаю его в щеку и тут же снова хватаюсь за Антона. Как будто он — плод моего воображения и может исчезнуть в любую минуту.

— А меня? — Антон наклоняется ко мне с довольной едва заметной улыбкой.

Просто дьявольски красивый сейчас с этими карими глазами и родинками, и сединой в волосах. Даже не верится, что неделю назад, когда мы впервые увидели друг друга, я посчитала его «так себе». Глаза мои были явно в неправильном месте.

Я подтягиваюсь на носочках, чтобы легонько дотронуться к его губам, но в последний момент решаю не рисковать. Все же папа бдит, даже если первое впечатление Антон на него произвел самое положительное. Так что просто притрагиваюсь щекой к колючкам моего майора и выдыхаю, потому что отец принимает бутылку коньяка с довольным кряхтением и тут же возвращает ее Антону со словами: «Ну, раз младший по званию, тебе и открывать».

Я знакомлю его со всеми за столом, и когда доходит очередь до Саши, мой бывший делает вид, что они незнакомы и как-то вяло тянет руку. На мгновение мне кажется, что Антон намеренно проигнорирует этот жест, но у него нет с этим проблем: он уверен, абсолютно спокоен и вообще как рыба в воде.

— Хорошенький! — тихо пищит мне на ухо мама, пока я быстро набираю в тарелку шашлык, ребрышки и рыбу. Наверняка Антон голодный с дороги — не буду приставать с идиотскими вопросами, что он будет, а что — нет. Тем более, что у нас не принято переживать, почему это у гостей не кристально чистые тарелки. — Папе понравился — я же говорила!

Судя по маминому румянцу, ей мой уставший мужчина понравился не меньше.

Так сложилось, что это — второе семейное застолье, на котором я не в гордом — считай, нелепом — одиночестве. А если вспомнить, что первое было в компании Саши, который и сам был членом клана Сергеевых-Воскресенских, то у меня такое впервые. Вот так, когда все по парам — и я не сижу одна, как гадкий утенок в кругу белых лебедей. До того, как мы начали встречаться с Сашей, он всегда был в компании женщин. Менял их, как перчатки, любил шутить, что их притягивает энергия денег. А Анечка всегда грустно качала головой и потихоньку плакала, пока мы с мамой отпаивали ее сердечными каплями и валерьянкой.

Наверное, поэтому она так в меня вцепилась — надеялась, что я стану точкой в веренице девушек, которых ее сын считал интересными, а она — непригодными.

Когда мы с Сашей сидели за одним столом, на нас никто не глазел, никто не хлопотал, подставляя тарелки — и моя мама не разглядывала нас с таким видом, будто прикидывала в

голове, на кого будут похожи ее внуки. Мы просто были членами клана, мы просто сидели рядом и были в общем неплохой парой, которая — если бы все сложилось удачно — наконец, официально объединила две семьи.

Сейчас происходит то, что выбивает меня из колеи. Так же сильно, как до этого наша короткая перепалка с Наташей, когда она пыталась убедить меня, что «кроссовки» жмут и вообще не по мне.

На нас смотрят.

Моя мама — с обожанием. Анечка косится на Антона, как на сатану. Саша уже битых полчаса так откровенно сверлит меня взглядом, что мне кусок в горло не лезет, и, если я выпью еще хоть немного, у меня начнет кружиться голова. И еще Вадик. Я пару раз замечаю, что он поворачивает голову в нашу сторону, но как будто вспоминает что-то — и не делает последнее движение.

Это если не думать о Наташе, для которой мы — как кукла вуду с двумя головами, которую нужно утыкать иглами с плотностью десять штук на миллиметр.

Только три человека за столом ведут себя так, словно у них одна волна — и они настроены на нее таким образом, чтобы не видеть и не слышать остальных: мой папа, Сергеев и Антон. У этой троицы «своя свадьба». Кажется, травят какие-то только одним силовикам понятные байки, обмениваются какими-то фразами, которые для меня звучат как абракадабра. И когда меня начинает кусать ревность за то, что у меня отобрали внимание мужчины, по которому я действительно соскучилась, Антон потихоньку берет меня за руку под столом. Просто сжимает пальцы, даже не поворачивая головы, дослуживая шутку моего отца. Я потихоньку сжимаю ее в ответ и смелею настолько, что пододвигаюсь и прижимаюсь головой к его плечу.

Наташа сидит где-то там, откуда мне видна лишь ее рука с длинными красными ногтями. Но она так выразительно стучит ими по бокалу, что в конце концов не выдерживает даже моя крайне терпеливая мама и интересуется, не замерзла ли гостья и все ли у нее в порядке.

Что отвечает Наташа — мне все равно.

Главное, что это крепкое плечо и расслабляющий запах дыма с дурманом пополам сейчас под моей щекой. И по крайней мере сегодня нашим бывшим хватит ума не влезать поперек.

Глава двадцать восьмая: Йен

Michael Jackson — Give in to Me

Застолье как всегда затягивается. Чтобы в День рождения отца мы встали из-за стола раньше часа ночи? Когда это произойдет, отец отметит день красным в календаре как дату, когда началась его официальная старость. Он до сих пор считает, что двужильный, и мы с мамой старательно оберегаем эту веру, украдкой пряча нашего вояку от бытовых сквозняков.

— Я постелила вам на мансарде, — говорит мама с видом заговорщицы. — Там удобно, и я еще подушек набросала.

Она тоже выпила по случаю, иначе не проявляла бы столько рвения по поводу удобства постели, в которой ее дочь проведет ночь с мужчиной.

Точнее, не совсем постели.

На мансарде у нас совсем небольшая комната — там из всей мебели только тумба из ротанга и пара кресел — мешков. А основное пространство занимает конструкция из огромных матрасов, брошенных прямо на пол. Полы у нас с подогревом, так что спать здесь, особенно зимой, одно удовольствие: можно валяться всю ночь и через окно в потолке смотреть, как падает снег.

— Йени, солнышко, только... — Мама потихоньку забирает тарелку из моих рук и чуть не силой заставляет посмотреть ей в глаза. — Ты бы сказала ему... Знаешь... Мужчина должен...

Я поджимаю губы.

Понимаю, что все ради моей заботы, но эти слова сейчас — как увесистая оплеуха, которая отбрасывает меня назад на десять лет, и все выпитое внезапно подступает к самому горлу.

Ванна здесь рядом.

Успеваю добежать до нее, но не успеваю закрыть дверь.

Вместе с выпитым выталкиваю из себя отвращение, стыд и боль, сдавливаю колени до хруста костей. Я до сих пор ее чувствую. Каждый раз, когда закрываю глаза, когда случайно в толпе натыкаюсь на глаза того же цвета или такой же шрам на лбу.

Я отравлена этим на всю жизнь.

Можно сколько угодно прикидываться нормальной и верить, что мои сексуальные фантазии могут стать реальностью, но я всегда «откатываюсь» назад в эту точку.

— Малыш? Что с тобой?

Как слепой котенок тянусь на знакомый голос, чувствую, как Антон присаживается рядом на колени, притягивает к себе. Мотаю головой — меня же только что вырвало, и неважно, что только вином и горечью.

— Все-все, я здесь...

Такая ерунда — «я здесь».

Два слова.

Мне кажется, что у бесконечной пропасти, куда я падаю, наконец, появился конец.

Не разбиться бы, если там острые камни.

— Перебрала, писательница? — Я чувствую улыбку мне в волосы, заботливую помощь, чтобы мы оба встали.

Если и была немного хмельной, то сейчас во мне все слишком трезвое.

Но я лучше откушу себе язык, чем признаюсь.

Поэтому я снова прячусь за кровать. В ней безопаснее. По крайней мере выпившая писательница — это совсем не то же самое, что скрывается по ту сторону занавеса.

— Твоя бывшая так на меня глазела, что я и кусочка не смогла проглотить, — вру я. Точнее, я говорю правду. Но не всю и не до конца.

— Трусишка.

Это так... тепло. Приятно. Как солнечным зайчиком по сердцу, даже щекотно в груди. И хочется глупо, как маленькой, хихикать и кивать, кивать и хихикать.

— А теперь, малыш, попытайся перестать дрожать и сосредоточься, потому что мне очень важно услышать ответ на свой вопрос.

Я смотрю в его всегда смеющиеся карие глаза, пытаюсь понять, что за напасть могла случиться в... кажется, уже три часа ночи. Ну, кроме того, что мой уставший майор в наше третье свидание увидел меня в обнимку с унитазом. Господи, стыд какой!

— Мне бы душ и зубную щетку, — улыбается Антон. — Я вообще ни хрена с собой не взял.

— Душ вот, — тычу пальцем в душевую кабинку, которую установили только в прошлом месяце. — А вот запасная зубная щетка... Надо поискать.

Дача для отца, как он сам любит говорить, вторая обитель. Тут неподалеку речка, и они с друзьями часто приезжают на ночную рыбалку. Мыло, станки для бритья и всякие гигиенические штуки в одноразовых упаковках мать покупает регулярно.

Так что щетка точно должна быть.

Пока копаюсь в тумбе под раковиной, за спиной раздаётся возня.

— Вот, наш...ла.

Антон стоит сзади, уже без толстовки, с взъерошенными волосами и руками на ремне джинсов. Я, должно быть, выгляжу очень глупо, когда приклеиваюсь взглядом к его пальцам, от которых совершенно точно как-то по-особенному схожу с ума.

— Запрешь дверь? — Ремень распадается на две стороны, молния расстегнута до упора. — Изнутри.

Я делаю это меньше, чем за секунду.

Мой мужчина усмехается, запросто стаскивает джинсы вместе с трусами и берет зубную щетку из моих ослабевших пальцев.

— Не такая уж и трусишка, как оказывается.

Я не знаю, как назвать то, что происходит.

Помешательство? Персональное солнечное затмение на мою голову?

Все плохое, что торчало в моей голове несколько минут назад, потихоньку сползает куда-то на сторону, как черные тучи грозы, которая прошла мимо. Не ушла совсем и все равно висит нехорошим предупреждением, но я могу попробовать не замечать ее. Тем более, когда рядом пара татуированных рук, широкие плечи, грудь, по которой хочется провести пальцами, живот с деликатной полоской волос вниз от пупка.

Я закрываю глаза.

Видела же голого.

Видела, как он дрожил передо мной, а все равно стыдно. И тянет в животе.

— Мы можем просто принять душ вместе, Йен. Йени, — тянет мое имя, странно улыбаясь и немного жмурясь. — Так больше нравится.

Киваю. Мне тоже больше нравится, как эта форма моего имени звучит в его

исполнении.

— Раздеться не хочешь?

У меня деревянные пальцы, но я кое-как справляюсь с молнией кофты.

Он не трогает меня даже пальцем.

Просто наблюдает.

Я спускаю кофту по плечам, вздрагиваю, когда по оголенной коже локтей пробегает непонятно откуда взявшийся прохладный сквозняк.

Неуверенно берусь за нижний край футболки, но на этот раз Антон все-таки протягивает руку. Не для того, чтобы помочь с одеждой: просто снимает запутавшуюся в моих волосах заколку.

Выдыхаю. Вспоминаю, что была смелой мгновение назад.

Все будет так, как я захочу? Как нужно *мне*? Если я скажу «*стоп*» — он остановится?

Стаскиваю футболку, остаюсь в бюстгальтере и джинсах.

Медальон колдуньи на мне — я не снимала его с того дня, и не думаю, что захочу снять в ближайшее время.

Мне так страшно, что только упрямство не дает остановиться на полпути и сбежать, спрятавшись в углу.

Мне так страшно, что единственный способ побороть панику — сжечь все мосты.

Я даже на экзамены всегда ходила первой.

Стаскиваю джинсы вместе с трусиками, переступаю через них и глупо дергаю ногой, потому что проклятая штанина не хочет отпускать лодыжку. Почему в книгах и фильмах все это выглядит сексуально и чувственно, а в реальности я в итоге стою в одном носке, лохматая и красная, как рак.

Глава двадцать девятая: Йен

*Не пытайся понять меня, просто делай то, что я скажу. <...>
Дари мне себя, когда я этого хочу. Уступи мне...*

(c) Michael Jackson, «Give in to Me»

— Пошли, — Антон берет меня за руку, как маленькую заводит кабинку, закрывает дверцу.

Она просторная, но мы все равно почти вплотную друг к другу.

— Сначала будет холодная, — предупреждаю я, когда Антон откручивает вентиль — и мы синхронно шипим, потому что на нас обрушивается ледяной поток.

— Черт! — смеется мой уставший мужчина, мотает головой и фыркает.

Я хочу присоединиться к его беззаботности, но это бесполезно, потому что единственный клочок одежды на мне — не считая проклятого носка! — промокает насквозь и облепливает соски, как вторая кожа.

Это больно и приятно одновременно.

Нельзя закрывать глаза, потому что в моих фантазиях он отодвинет ткань в сторону и будет сосать их, пока я не кончу только от его губ и языка.

Вода постепенно теплеет. Антон выдавливает зубную пасту сначала на мою щетку, потом на свою. Мы смотрим друг на друга, когда пару минут с расстановкой чистим зубы, уже совершенно мокрые.

Потом полощем рот, по очереди задирая головы и подставляя рты под упругие струи.

Потом моем друг другу волосы: смеемся, когда его пальцы запутываются в моих волосах, и Антон, подражая голосу вдохновения в моей голове, на ходу сочиняет целую историю о том, как принцесса поймала злого рыцаря в сеть из своих заколдованных локонов.

Антон делает воду еще немного горячее — и через пару минут кабинка наполняется паром, который оседает на прозрачной дверце, словно защита от любопытных глаз.

Напряжение уходит.

Голова снова немного кружится. Возможно от недостатка кислорода, но, скорее всего, от тянущего между ног возбуждения.

Нельзя закрывать глаза, иначе я представлю, как он опускает ладонь мне между ног.

Мне хочется кончить.

Забыть обо всем и попробовать расслабиться прямо здесь и сейчас.

Если бы только это получилось.

— Не хочешь снять? — Антон проводит взглядом по моей груди.

Бюстгальтер обычный, хлопковый, белый в бежевый горошек. Соски натянуты под тканью, выдавая меня с головой.

Думать не нужно.

Сейчас, Йен, просто ни о чем не думай.

Я делаю шаг назад, опираюсь лопатками на стенку кабинки. Теперь нас разделяет прозрачная стена воды.

Мой мужчина возбужден, его член стоит, и тугая головка потемнела от напряжения.

Прикусываю губы.

Я бы хотела встать перед ним на колени.

Сделать то, что делала только в своих больных фантазиях. Тех, которых нужно стыдиться, иначе я окажусь той еще шлюхой.

Завожу руки за спину, но тяну время.

Антон опускает руку, обхватывает член у самого основания.

Я справляюсь с крючками, но придерживаю бюстгальтер на груди.

Антон расслабленно водит рукой вверх-вниз с удовольствием и без стеснения.

Разрешаю бретелям сползти до локтей.

Антон проводит языком по губам, прищуривается, но это уже не усмешка и не подбадривающее веселье.

Мне хочется услышать, что я его возбуждаю. Хотя бы слово, звук, что угодно.

— Подрочим другу-другу, малыш?

Я роняю мокрый клочок ткани на пол кабинки.

Выгибаюсь вперед, вздрагиваю, когда вода стучит по груди.

Немного расставляю ноги, трогаю себя.

Антон подвигается ближе, заходит как будто под водопад, и его член упирается мне в живот.

— А теперь этими пальцами — меня.

Звучит, как приказ, но я знаю, если скажу «стоп» — он не станет давить. Просто отпустит.

Я обхватываю его член ладонью: осторожно, не очень зная, как делать, чтобы ему было приятно.

Но задуматься об этом не успеваю, потому что мой мужчина кладет два пальца мне между ног, проводит там, поглаживая и слегка надавливая.

Я веду рукой по его члену, сжимаю пальцы плотнее и в ответ получаю одобрителное «мммм...» и прикрытые глаза с колючками мокрых ресниц.

Он упирается ладонью в стенку у меня над головой, потемневшим взглядом следит, как мои соски трутся о его грудь, как я вздрагиваю от каждого прикосновения к горячей коже.

Пальцами разводит мои половые губы.

Я вздрагиваю.

Приятно. Так остро приятно, что вот-вот могу кончить.

Так бывает? У меня и после долгой мастурбации оргазм бывает хорошо, если раз из десяти. Раз в год, чаще мне, фригидной, не хочется.

— Малыш, можно сильнее, — подсказывает Антон. — Яйца сожми.

Я делаю, как он сказал. Мошонка тяжелая, тугая. Обхватываю ее ладонью.

Он находит клитор подушечкой среднего пальца. Нажимает.

Я задыхаюсь, забрасываю голову, на миг вдруг поверив, что мне не хватает кислорода на следующий вдох.

— Не отпускай меня, — напоминай Антон. — Дрочи мне. Сильнее. Кончить хочу вместе с тобой.

Он говорит это так уверенно, выбившимся дыханием вперемешку со стонами, что я безоговорочно верю — мой оргазм будет через пару минут.

Антон трет мой клитор медленно: то по кругу, лишь задевая пальцем, то прямо по нему, и тогда я приподнимаюсь на цыпочки и кричу. Нас услышат? Какая разница.

Я массирую его яйца ладонью, двигаясь почти наугад, на подсказки, написанные на

лице моего мужчины. Как напрягаются его скулы, приоткрываются губы.

Член в моей руке становится еще тверже.

Антон на минуту кладет свою ладонь поверх моей, поднимает ее до самой головки.

— Вот тут.

Задаёт ритм, руководит движениями.

И снова находит мой клитор, на этот раз уже сильно вдавливая его пальцем, из-за чего перед глазами расплываются радужные кольца, как от линзы на солнечном свете.

Я такая мокрая между ног, что это понятно даже в душе, где мы оба под градом воды.

Мы оба вздрагиваем.

Шумно дышим, потом стонем.

Я немного оттягиваю его яйца вниз, сжимаю пальцы в туго кольцо, надавливаю на головку, вспоминая, как делал он сам, когда делал это при мне и для меня.

Он проводит пальцами до моего входа, размазывает влагу до самого клитора. Трет, доводя меня до судорог.

Я сейчас упаду.

Ноги не держат.

Я сейчас кончу.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, дай мне это...

Антон кончает мне на живот — тугой длинной струей. И еще одной, пока я громко кричу от сладкого расслабления между ног. Несколько длинных секунд все мое тело дрожит, как подключенное к высоковольтной линии.

Я ведь правда кричу.

— Аааааах... — Задыхаюсь, захлебываюсь от удовольствия.

И мой мужчина закрывает мой рот своим.

Проталкивает язык глубоко внутрь, лижет мой и я, как сумасшедшая, тянусь к нему в зверином желании облизать всего. Мы целуемся, как ненормальные. Никакой красивой эстетики: лижемся, сосемся? Все эти слова в моей голове — и мне все равно, что так может думать только шлюха.

— Хочу твою сперму у себя во рту, — признаюсь я. Голая, но этим признанием стаскиваю одну из невидимых защитных шкур, которые так усердно наращивала кучу лет.

— Хочешь, чтобы я поцеловал тебя сразу после этого? — Антон прикусывает мой подбородок.

— Да. — В голове порнография для самых-самых взрослых.

— Значит, малыш, в следующий раз ты сидишь у меня на языке и берешь мой член в рот.

Я хочу кончить еще раз.

Или два?

Или кончать с ним всю ночь?

Когда мы восстанавливаем дыхание и уже спокойно, лениво и расслабленно, сыто и без подтекста моем друг друга, я испытываю странное чувство берега. Объяснить это сложно, тем более, что все это совсем не похоже на книжную любовь, которая случается с первого взгляда и лишает способности трезво мыслить. Меня словно прибило к нужному берегу после бесконечно долгого дрейфа в море под пустыми парусами.

Мне хорошо с этим человеком.

Спокойно и уютно, и неважно, что мы делаем: говорим по телефону обо всякой ерунде, переписываемся, спим, прижавшись друг к другу задницами или вот как сейчас —

абсолютно голые трем друг друга мочалкой. Он не скрывал, что хочет секса со мной, но я даже приблизительно не могу нащупать ту границу, после которой пара его откровенных намеков превратились уже в мою навязчивую идею и повод до боли в животе сжимать между ног подушку.

— Все хорошо? — спрашиваю я, когда Антон поворачивается ко мне спиной и, упираясь руками о стену душа, просто водит плечами под потоками горячей воды.

— Малыш, все просто заебись.

Поворачивает голову, показывая уголок улыбки, к которому я, абсолютно осознанно подавшись импульсу, прижимаюсь губами. Это не поцелуй. Мне просто нравится чувствовать колючки щетины на своих немного искусанных губах. И нравится, что в ответ на это Антон притягивает меня к себе, вдавливая в горячую поверхность и снова целует.

На этот раз почти не притрагиваясь губами — только языком поверх моих, по краю зубов, когда я приоткрываю рот в немом приглашении. И, поддаваясь игре, выставляю свой язык, который мой мужчина быстро обхватывает губами. Я понятия не имею, откуда в моей голове рождается эта мысль, но я уверена, что оргазм от этого языка между моих ног будет самым фантастическим в моей жизни.

— Ну так что, Очкарик, с поцелуями у нас сложилось?

— Еще как сложилось, — блаженно жмурюсь я.

— Тогда, раз уж мы расслабились, пойдём спать? — Он подавляет зевок и устало вздыхает. — Ну или постели мне тут на коврик, потому что я хрен знает, дойду ли до спальни.

— Мое плечо — твоё плечо, — корчу из себя страшно отважную и первой выхожу из душа.

В душе есть пара больших полотенец, в которые мы нагло, не подумав о других, заворачиваемся. Уже поздно, кажется, когда я шла в душ, все уже разбрелись по комнатам, кроме мамы, которая осталась, чтобы проверить, хватит ли запасов на завтрашнее — точнее, уже сегодняшнее — продолжение застолья.

Так что, когда выходим и на лестнице наталкиваемся на Сашу, я удивленно пытаюсь припомнить, который час. Наши с Антоном телефоны остались в спальне.

Саша ускоряется, спускаясь нам навстречу.

Прет как танк.

И если бы Антон в последний момент не отвёл плечо в сторону, непременно снес бы либо его, либо нас обоих, потому что я на всякий случай освободила дорогу и встала за спину своего мужчины в погонах.

Саша проходит, ни проронив ни звука.

Только когда оглядываюсь ему вслед, слышу, как несколько раз нервно чиркает зажигалкой. Он бросил курить еще в институте и с тех пор срывался только дважды, когда под угрозой были какие-то важные финансовые сделки. Саша спортсмен, для него даже съеденная мною в десять часов вечера конфета к чаю, когда я была вся в творческом процессе, превращалась в повод провести лекцию о вреде «жора» на ночь. То, что так поздно ночью схватился за сигарету, очень странно.

Но я нащупываю ладонь Антона, и мы бегом, босиком по холодным ступеням, спешим вверх, в нашу комнату.

Глава тридцатая: Антон

Сплю я как убитый.

Только пару раз, когда Йени ворочается во сне, чувствую, как вертит задницей по моей спине. Все время как-то странно сворачивается в калачик, почти по-кошачьи, и обнимает бедную подушку, словно хочет задушить.

Когда первый раз открываю глаза, из большого окна в крыше виден дождь — затяжной, тяжелый, громкий. Честно хочу встать, но эта монотонная дробь так расслабляет, что даю себе еще минут тридцать поваляться. Может, и не очень красиво, но лучше, чем зевать за столом и опьянеть от первой же рюмки.

Но когда просыпаюсь, то цифры на часах в телефоне буквально орут, что я вообще охреневший мужик, потому что закрывал глаза около десяти, а сейчас без десяти минут полдень. И это не все «приятные» утренние новости, потому что у меня целая цепочка сообщений от бывшей. Даже не знаю, хочу ли их читать. Но прикола ради, чтобы поржать над очередной гранью тяжелого сибирского характера, все же перелистываю. Правда, почти и не вчитываюсь, потому что это какой-то бессвязный поток сознания, густо разбавленный смайликами средних пальцев и целыми заборами из восклицательных знаков.

Первое она написала около двух ночи, последнее — почти в пять, когда мы с Очкариком уже спали без задних ног.

«Ты — кобелина!» Тоже мне новость.

«Ты нарочно вцепился в эту страшную дуру, чтобы сделать мне больно!» Какое самомнение.

«Ты не будешь с ней, я тебе клянусь!»

Это краткая выжимка пары десятков сообщений, над которыми я мысленно глумлюсь, в очередной раз убеждаясь, как прав был, вышвыривая ее из своей жизни. И как тупил, потому что сделать это нужно было еще год или даже два назад.

Зацепить меня Наташка уже не может. Никак. А вот угроза сделать так, чтобы я «не был с ней» заставляет задуматься. Такой, как моя бывшая, достать малышку — раз плюнуть. Она ее проглотит прямо с костями — и не поморщится. И если уж Наташа вбила что-то себе в голову, то она скорее поверит, что ошибается весь остальной мир, но она-то — она точно на сто процентов права.

Дверь в комнату открывается, и я смотрю, как малышка потихоньку крадется ко мне с маленьким подносом.

Черт, это вообще реально? Завтрак в постель?

— Доброе утро, мой сонный майор, — сияет Йени, усаживаясь рядом со мной на «кровати» из матрасов. — Выспался?

На подносе — большая чашка с кофе, тарелка с гренками с красной рыбой и морковью с гриля.

— Сто лет так классно не спал, — зеваю я. И тут же вспоминаю: — Нет, в прошлый раз я спал так же, когда одна пьяненькая писательница сопела мне в спину, и я чуть не сдурел.

У нее снова розовеют щеки, так что малышка быстро вручает мне поднос, вскакивает, несется к двери и уже в пороге виновато улыбается.

— Прости, но там уже все собираются... Я знаю, что ты устал, но папа... в общем...

— Я спущусь через десять минут, Очкарик.

Она счастливо сияет, посылает мне громкий чмок и исчезает, очень похожая на сон под утро, реальный и нереальный одновременно.

С ней сложно. В душе, когда я решился пощупать ее границы, был уверен, что хрен мне что обломится, но очень хотел посмотреть, какая она, когда выбирается из скорлупки тихони и трусики. Оказалось, там целый Клондайк.

Та фраза насчет отсосать мне всплывает в памяти, мгновенно приподнимая член.

Я бы с удовольствием занялся этим уже сегодня ночью. И завтра, и послезавтра. Но, как назло, неделя будет адская: в семь вставать, в одиннадцать приходить и так даже в выходные. Встретаться с малышкой не получится от слова совсем.

Разве что...

Я кусаю гренку, делаю глоток крепкого кофе и на минуту роняю голову обратно на подушку.

Какого хрена, собственно?

Мы с самого начала проскочили фазу классики с цветами, конфетами и прогулками по набережной. Я хочу проводить с ней время, потому что она интересная, не назойливая, хозяйственная и кажется идеально подходящей для жизни маленькой женщиной. А рестораны и поездки, в конце концов, могут быть и потом. Как там в математике? От переменны мест слагаемых сумма не меняется.

Внизу, когда захожу в ванну, чтобы почистить зубы, наталкиваюсь на маму Очкарика. Здравуюсь, благодарю за гостеприимство и самые мягкие в моей жизни подушки, а она почему-то широко улыбается и хлопает глазами, как и ее дочь.

— Надеюсь, душ вам тоже понравился, Антон, — наконец, рассекречивает смысл своего выражения лица.

Я смеюсь. Стыдится мне нечего: мы взрослые люди, мы встречаемся, мы трахаемся.

— Антон... — Лицо мамы Очкарика становится взволнованным. — Я понимаю, что родители не должны лезть в отношения детей и надеюсь, вы ничего такого не подумаете, но... Пожалуйста, берегите ее. И если все это несерьезно... если вы уже сейчас знаете, что не хотите ничего серьезного... Не обижайте мою девочку. Она... очень ранимая. И совершенно беззащитная.

С мамами всегда так: они думают, что каждый мужчина, которого их дочери приводят в дом, едва переступив порог готов с уверенностью сказать, какие у него планы, когда он планирует сделать предложение и где будет жить будущая семья.

И все же сейчас это что-то другое.

— Я бы не стал морочить ей голову, Светлана Алексеевна.

Она улыбается, как любой человек, чье имя запоминают с первого раза и произносят без дурацких оговорок. Но улыбка тут же сходит с лица, и меня ждет еще одна загадочная фраза.

— Ей сделали очень больно, Антон. Йени не умеет защищаться от всего, что может ее ранить.

И сбегает, оставив меня наедине с монологом, который я снова и снова прокручиваю в голове, когда умываюсь и чищу зубы. Понятно, что с малышкой не все в порядке, но это проблема многих женщин. У каждой уж в двадцать такой набор костей в шкафу, что хватит собрать не один скелет. И чутье подсказывает, если спросить Очкарика в лоб, она только сильнее закроется?

Из ванной выхожу уже с совершенно трезвой головой и твердой уверенностью, что малышку нужно забирать под крыло. В конце концов, я всегда старался как можно раньше

«испытать» девушку бытом. И никогда не скрывал, что делаю это намеренно, чтобы и она тоже проверила, подхожу ли я ей.

— Дурак! — слышу откуда-то из-за плеча, и руки обхватывают мою шею, притягивая как для поцелуя.

Наташка в хлам.

— Какой же ты дурак, — шепчет заплетающимся языком, очень плохо изображая секс-бомбу. — Я же тебя только люблю. А ты меня любишь, меня, меня. Скажи только — и все будет, как раньше. Зачем тебе эта дура? Меня позлить? Я ревную, доволен?!

— Ты вообще что ли ебанутая?! — пытаюсь оторвать ее руки, но вцепилась как клещ.

— Ты же мой, — продолжает бывшая. Здоровенный камень на ее пальце переворачивается и царапает мне шею. — Помнишь, как нам хорошо было? Как на фестиваль ездили, помнишь? А как не спали до утра?

Я не успеваю избавиться от нее, когда входная дверь открывается.

И долговязый молодой мужик, кажется, муж Вики, смотрит на нас, как на застуканных в процессе траха любовников.

Самое херовое то, что Наташка стоит спиной и не может видеть своего почти_родственника. Поэтому продолжает карабкаться по мне, словно я какой-то пьедестал, на котором она собирается восседать так долго, сколько захочется ей самой, а мои желания — это все хрень и блажь, потому что ей виднее. Потому что в ее вселенной я люблю ее до усрачки, а ее задача — помочь мне с признанием.

Приходится применить силу, чтобы оторвать ее от себя. Буквально отодрать, за плечи, морщась от боли, которую ее ногти оставляют на моей коже даже через одежду. Наташа предпринимает еще одну попытку обнять, но на этот раз я грубо разворачиваю ее лицом вперед.

Она действительно крепко набралась, и в общем за все время, что я ее знаю, это чуть ли не впервые. Видимо, не такая уж сладкая семейная жизнь, даже если на пальце — целое маленькое состояние.

— Что?! — в наглую накидывается на мужика, который изображает соломенного бычка и в наглую нас рассматривает. — Не пошел бы ты к жене?

Он как-то очень нагло показывает ей средний палец.

— Тебя муж ищет, верная ты наша. — Мужик говорит с ней нагло, грубо. Вызывает уважение, которое, чувствую жопой, вот-вот закончится.

Со стороны мы выглядели как парочка, которая настолько «оголодала», что решила в наглую поебаться прямо под носом у своих вторых половин. И нет ни единого повода думать, что на самом деле я пытался избавиться от этой бабы даже еще сильнее, чем когда вывозил ее тряпки в камеру хранения.

Возможно, в голове Наташки случается проблеск просветления, потому что она перестает корчить крутую телку, смотрит на дверь, потом на меня и на мужика, и все-таки уходит. Но на прощанье так лупит дверь, что мы с мужиком синхронно морщимся.

Вспомнил, его Вадим зовут.

— Не трогай ее, — без вступления, вдруг, говорит он.

— Я не таскаюсь с чужими женами, — спокойно встречаю явную попытку меня прессовать. — Но ты можешь думать, что угодно.

— Я не про эту... — Брутала корчит, а вот назвать Наташку крепким словом язык не поворачивается. Могу поспорить, что в детстве играл на пианино, был отличником и не

дергал девочек за косички. — От Йени отстань. Она хорошая. Не для говна.

А вот это уже что-то новенькое и интересное.

На друга детства вроде не похож, хотя по возрасту явно ровесник моей малышки и ее подруги. За столом они с Йени не обмолвились и парой слов, значит, общаются редко и явно не стремятся наверстать упущенное. Но вот эта интонация, эти обиженные бровки-домиком.

— Ого, — прищелкиваю языком. — Ревнивец в полный рост?

— Ну ты и мудак, — кривит рожу Принц печального образа. — Хочешь трахать эту курицу — забирай и трахай, всем вообще по херу. Йени оставь в покое. Она слишком хорошая для вашего романа на троих.

Он явно собирается поучить меня еще и кулаком, но я успеваю угадать и шаг, и руку, и даже место, куда Пьеро собирается меня двинуть. Так что ловлю его руку на лету, прямо за запястье, и заламываю за спину. Научили друзья-товарищи таких вот сохатых успокаивать, да и должность обязывает на всякий случай держать себя в форме.

Больно я ему не делаю, просто фиксирую, чтобы замер в идеально пригодной для внимательного слушания позе.

— У тебя, дружок, жена и пацан. А мы с малышкой свободные люди и как-нибудь сами разберемся, что нам делать. Будешь на нее и дальше слюни пускать — что-нибудь тебе сломаю. Возможно даже ноги.

Он что-то мычит, но, нужно отдать должное, пытается достойно сопротивляться.

— Вот и ладненько. — Отпускаю Вадима и не без удовольствия наблюдаю, как он морщится от боли в плече. — Все, свободен. Следующий, блядь, кто еще не поучил меня жизни?

— Думаешь, ты один такой? — не унимается гандон. А ведь я наивно поверил, что одного раза ему будет достаточно. — Что можно заморочить девчонке голову, получить в наследство папочку со связями, счета в банках, золотой билет в жизнь и спокойно трахать всех вокруг?

Что он, блядь, несет?

Спросить я не успеваю, потому что в дверях появляется Очкарик, несколько секунд переводит взгляд с него на меня и обратно и с тревогой спрашивает, ничего ли у нас не случилось. И мое профессиональное чутье подсказывает, что она знает, из-за чего может быть сыр-бор.

Хорошо, что Пьеро сваливает, хотя бы под конец спектакля догадавшись заткнуться.

— Что-то случилось? — не унимается Йени, и глаза за стеклышками очков становятся огромными зелеными блюдцами.

«Может, это ты мне скажешь, что случилось?» — мысленно спрашиваю я, а вслух говорю:

— Да мы так, просто поболтали. Странный он.

Малышка даже не подозревает, что выдох облегчения выдает ее с головой. Точно знает повод, по которому мы с этим сохатым могли бы пободаться.

— Мы все одноклассники: я, Вика и Вадик. Он часто за меня вступался.

— Значит, малыш, скажи ему, твои косички больше не его проблема.

И хрен с ним, что звучит ванильно.

Моей писательнице это нужно, иначе бы она не улыбалась сейчас до самых ушей.

Глава тридцать первая: Антон

И все же этот благородный Пьеро испортил мне весь день, потому что хрень, которую он нес о золотом билете и пропуске в жизнь, занозой торчит в моей голове.

Пока второй день застолья в самом разгаре — к счастью, Наташки за столом уже нет, и ее благоверный сказал, что у жены разболелась голова — я цепляюсь взглядом за детали, накладывая их на то, что уже отложилось в памяти.

Дача у Воскресенских — не землянка и не бревенчатый сруб. Явно построена недавно, внутри все удобства, полный комплект необходимой даже для постоянной жизни бытовой техники. Раза в три больше моего дома, который стоил мне почти всех сбережений. Машина у подполковника — «Лексус» последней модели. Ну и малышка снимает квартиру в элитном ЖК, а там цены не просто «кусаются», а любого неподготовлено загрызут насмерть.

— Может, хочешь погулять? — шепотом предлагает Очкарик, когда за праздничным столом называется «своя свадьба». — Дождь закончился.

Я соглашаюсь, тем более, что нам как раз есть, о чем поговорить.

По дороге она снова начинает нервничать, потому что болтает без умолку. Что я понравился папе, и что очень хорошо, что приехал, и что она подсматривала за мной, пока я спал и выучила на память расположение всех моих татуировок. А потом, смущаясь и заикаясь, сообщает, что мама посмеивалась над ней все утро за устроенный нами переполох.

— Я бы не отказался его повторить, — перехватываю подходящую для разговора тему. — И развить. И углубить.

Йени прикрывает рот ладонью, потом сама себя одергивает.

Не умею я «делать красиво». Взять за руки, заглянуть в глаза с собачьей преданностью, толкнуть прелюдию о том, что я стал другим человеком, когда наши взгляды встретились. Потому что все это — хрень.

Поэтому, пока мы идем по дороге, и писательница держится руками за мое предплечье, без всяких реверансов говорю:

— Малыш, как ты смотришь на то, чтобы сменить квартиру на загородную жизнь?

Она останавливается, опускает руки и выглядит так, словно ее только что ударила молния.

Забавная и милая. Интересная, даже когда говорит о фигне и банальщине.

И несколько дней, которые мы провели вместе, были комфортными для нас обоих.

— Я не уверена, что правильно тебя поняла, — начинает заикаться Очкарик.

— Ты все правильно поняла. — Подхожу к ней впритык, но руки нарочно прячу в задние карманы джинсов. — Я хочу проводить с тобой время, малыш, но у меня вся следующая неделя загружена по максимуму. На свидания, прости, у меня не хватит сил. Если я не посплю хотя бы шесть часов, то башка отключится — и я похерю всю работу.

— Я... понимаю, — кивает она, и уже на этом этапе понятно, что она услышала что-то свое, а не то, что я сказал. — Я не буду тебя беспокоить. Работа... это очень важно. Мы можем... иногда... просто обмениваться сообщениями.

— Малыш, мне мало сообщений.

Йени снова кивает и начинает втягивать ладони в рукава кофты. Прячется, как улитка.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне. — Не выглядела бы она такой испуганной с глазами на мокром месте, я бы не отказался от пары шуточек по поводу ее непонятливости.

Но я точно не хочу видеть, как она расплатится. И не собираюсь становиться тому причиной. — Я все равно буду целый день на работе, весь дом в твоём распоряжении — лови вдохновение, где хочешь. Гуляй, дыши свежим воздухом. Помоги мне обжиться. Встречай с работы. Когда с работой устаканится — будут рестораны, кино, прогулки и вот это вот все.

Она молчит и поочередно кусает то нижнюю, то верхнюю губу.

— Ну скажи что-нибудь, — пытаюсь расшевелить ее.

— Я не люблю рестораны, — шепчет Очкарик.

— Значит, их вычеркиваем.

— Ты серьезно? — до сих пор не верит она.

— Абсолютно. И лучше соглашайся по-хорошему, госпожа писательница, или я напомню, что в моем доме ты можешь кричать громко и сколько угодно, и кроме меня это больше никто не услышит. А я буду слушать с удовольствием.

Она упирается лбом мне в грудь и тихонько говорит:

— Еще бы я отказалась от такого соблазнительного предложения, вредный ты мужчина...

Где-то внутри меня сидело огромное сомнение, что она вот так сразу согласится, так что я заранее подготовил парочку увесистых аргументов на этот случай. Хорошо, что негодились. Жаль, что жопой чувствую — так легко и с первого раза у нас будет ой как не часто. Но это всего лишь вопрос принятия. Либо сразу валить подальше от проблем, либо принимать как есть, со всеми тараканами и причудами, и пытаться работать с этим вместе с ней.

По крайней мере уже сейчас ясно одно: у нее не отваливается язык спросить, как сделать так, чтобы мне было хорошо. И мне вдвойне приятнее отвечать ей тем же.

К счастью, когда мы возвращаемся, народ уже всю собирает вещи, так что нам остается только присоединиться. Пару раз замечаю, что долговязый борец за права малышки зыркает в мою сторону, а когда Очкарик вертится рядом, показывая, сколько всякого добра мама сложила нам с собой, так чуть не скрепит зубами. Я уверен, что даже слышу звук крошева эмали.

Тут не просто благородная защита.

Но у чувака, если он реально любит малышку и при этом женат на другой, явно проблемы с кукушкой. Хотя, судя по тому, что я успел увидеть и услышать, с головой тут дружат только Воскресенские. Вот отец у Очкарика просто мировой мужик. Но что-то с этой семьей все-таки очень странно. Потому что живут они, мягко говоря, на широкую ногу. Не понтуются, как люди, которые отхватили на дурака хорошую сумму денег и орут о своем богатстве на каждом углу, но все эти мелочи — «Лексус», дом за городом, детали разговоров, шутки, которым подполковник обменивался с Сергеевым-старшим...

Ладно, не один ли хрен?

По дороге в город — мы уезжаем самыми первыми, потому что у нас меньше всего вещей — малышка засыпает. Сбрасывает кроссовки, подтягивает ноги прямо на сиденье и засыпает как ребенок. Только иногда хмурится во сне и забавно шевелит кончиком носа.

Мы договорились, что сегодня она останется у себя, завтра соберет вещи, которые ей будут нужны на первое время — и я заберу ее после работы.

И самое главное — она должна поговорить с родителями о том, что собирается переехать ко мне. Когда говорила об этом, у нее было такое лицо, будто на завтра назначен расстрел без суда и следствия. Я даже предложил сделать это вдвоем, чтобы принять удар на

себя, но Очкарик категорически отказалась. Сказала, что разговор будет тяжелый и лучше бы мне в этот момент находиться как можно дальше.

Она очень странная.

С одной стороны, стопроцентная трусиха. Тот случай, когда поговорка «боится собственной тени» — ни разу не преувеличение.

А с другой — ограждает меня, взрослого и, уж буду честным, наглого мужика без комплексов и принципов от какой-то фигни.

И почему-то на ум приходит старый советский мультфильм про льва и зайца, который бил себя в грудь, кричал, что самый сильный, а потом от страха грохнулся в обморок. Даже не сомневаюсь, что у Очкарика вот это полуобморочное состояние — не такая уж и редкость. И как тут угадать, если она и так бледная, словно глубоко больна?

Даже жаль ее тормозить, когда притормаживаю у подъезда. Минуту просто смотрю на немного сползшие очки, на то, как смешно расслабила губы, совсем как маленькая.

Вообще, дружище Антон, вляпываешься ты по самые вот их.

Плюс девять лет разницы на помойку не вынесешь. Мало ли что она там говорит про нелюбовь ходить по ресторанам и клубам. Надолго ли хватит этой нелюбви?

— Малыш, приехали. — Осторожно, чтобы не испугать, глажу ее щеке тыльной стороной ладони.

Она сонно моргает, вскидывается и смешно трет глаза за очками.

— Давай, помогу тебе все это занести.

— Вообще-то... — Йени осторожно заглядывает мне в лицо. — Я думала... может быть, для разнообразия, ты сегодня... останешься у меня? Мама столько всего сложила «на перекус», что я это никак не осилю в одно лицо.

Кстати, корзина и правда увесистая, а у меня дома в холодильникемышь повесилась, и я как раз собирался заехать в свое любимое кафе и купить себе что-то на ужин.

— Мне... хочется еще раз проснуться с тобой рядом. — Ее щеки снова розовеют, как будто говорит что-то такое, о чем даже на «ПорноХабе» кино не снимают. — Но если ты устал и хочешь побыть один...

— Так, малыш, — на всякий случай заранее перебиваю очевидную глупость. — Я тебя вроде как жить к себе позвал. Не знаю, в каком мире ты живешь, а в моей вселенной если мужчина зовет женщину на свою территорию, то это означает, что он в ней очень заинтересован и обычных встреч по два часа в день ему уже мало.

Она внимательно слушает и дрожащими пальцами теревит кисти странного толстого шарфа.

— Поэтому, писательница, я с удовольствием останусь у тебя на ночь, тем более, что мне от тебя до работы — десять минут ехать. Найдется куда поставить машину?

— У меня целых... — Запинается. — Есть парковочное место.

— Ну и отлично.

Я оставляю машину между припаркованным «Кайеном» и «БМВ». Можно сказать, влезаю своим «ведром» почти впритык. Тут, конечно, целый люкс-набор, как на прошлогодней автовыставке: новенькие «Гелики», «Мерсы» и «РенджРоверы».

— Малыш, а чем ты занимаешься кроме того, что пишешь книги? — интересуюсь я, когда поднимаемся на лифте.

— Иногда работаю волонтером, — осторожно, после натянутой паузы говорит она. — Еще есть небольшой фриланс-заработок, но тебе это будет неинтересно.

Ну да, конечно. Она так часто и много рассказывает обо всякой ерунде, что не может не понимать — тема ее личной жизни мне намного интереснее обсуждения очередной главы известной фэнтези-эпопеи, которую фанаты перевели и на днях слили в сеть. А ее мы обсуждали целый час.

— В следующий раз, Очкарик, просто скажи, что пока не готова о чем-то рассказывать, — предлагаю я. — Не расписывайся за меня в том, что мне интересно, а что — нет. Договорились?

Она виновато улыбается, чмокает меня в щеку и неуверенным шепотом говорит:

— Прости, пожалуйста, я просто... пока не обо всем готова говорить. Это мои тараканы. И это касается не только меня.

И потихоньку вкладывает мне в ладонь ключ от входной двери.

Глава тридцать вторая: Йен

Разговор с мамой.

Я думаю о нем всю ночь, так и не сомкнув глаз. В пять утра встаю, чтобы приготовить завтрак и в итоге сижу на кухне со второй чашкой кофе, мысленно перебирая в голове подходящие слова.

У меня совсем не пуританская семья. Мама даже искреннее радовалась, что мы с Антоном устроили небольшой переполох, хоть потом сказала, что отец «очень громко сопел по этому поводу».

Они искренне рады, что я, наконец, двигаюсь дальше и пытаюсь строить отношения с мужчинами. После семи лет перерыва первым был Саша. И Антон, спустя три месяца после него. Возможно, для чьих-то родителей это неприлично короткий термин, но для моих это хороший знак.

Но переезд — это совсем другое.

И я знаю, что мама никогда на это не согласится.

А если бы узнала, что мы знакомы всего неделю и Антон — бывший парень Сашиной жены, она бы зарубила эту идею на корню. Так что мне предстоит сделать две вещи, каждая из которых будет огромным ударом по моим нервам и внутреннему покою, где пасутся с таким трудом откормленные розовые пони.

Убедительно соврать о том, что мы встречаемся уже долго — и я ему абсолютно доверяю.

И... еще раз соврать, что с появлением Антона мои «проблемы» ушли за горизонт.

Хоть последнее отчасти правда, потому что рядом с ним многие пугающие вещи хотя бы ненадолго, но прекращают существовать.

— Йен? — мать звонит мне как раз, когда я собираюсь спуститься в метро, чтобы поехать к ней.

Она еще ничего не сказала, но я слышу строгую и колючую интонацию всего в трех буквах. И «Йен» она меня называет только когда собирается поговорить о чем-то неприятном и серьезном. Когда я успела провиниться?

— Мам, что-то случилось? Я как раз собиралась к тебе. Сделала панкейки с бананом, думала, поболтаем под липовый чай.

— Хорошо, тогда жду тебя, — сухо говорит она. — И осторожнее переходи дорогу.

Дверь она открывает абсолютно молча, пропускает меня и уходит на кухню, демонстративно игнорируя протянутый пакет с угощениями.

Я иду следом, быстро осматриваю кухню: стол пустой, чашек нет, электрочайник пустой.

— Что случилось? — начинаю первой, потому что от паники уже трясутся колени. Я всегда грудью на амбразуру, чтобы не мучиться.

— Одно слово: ты знала, что он бывший мужчина Сашиной жены?

— Мам...

— Только одно слово, Йен, — строго требует она. — И что он ее преследует? Угрожает испортить жизнь ей и Саше?

Что?!

Я безжалостно комкаю бумажный пакет с панкейками — так торопилась, чтобы не

остыли, а все зря — и без жалости выбрасываю его в мусорное ведро. Мне теперь неделю кусок в горло не полезет.

— Ты повторяешь чьи-то глупости, — из последних сил стараюсь держать себя в руках, защищаю своего мужчину. — Ты ничего о нем не знаешь. Он совсем не такой.

— А ты знаешь? — Мать пытается не повышать голос, но мы обе взвинчены до предела. Этот разговор рано или поздно все равно перейдет на крик. Скорее рано. — Господи, Йен, я думала, вы давно встречаетесь. Ты сказал мне, что вы уже давно вместе. А вы знакомы сколько?.. Неделю?

— Это не имеет значения.

— Это единственное, что имеет значение! — Она прикладывает к горлу дрожащую ладонь, цепляется за край стола, чтобы не упасть. — Я допускаю, что что-то из тех ужасов, которые рассказала Вика — не правда, потому что Сашина жена не очень-то похожа на жертву тирана. Но... Йен, боже мой, чем ты думаешь?

Значит, Вика.

А Вике, стало быть, рассказала несчастная жертва домашнего насилия.

Тошнота снова бултыхается в желудке, но во мне всего-то пара чашек кофе, так что даже вырвать нечем.

— Йен, ты должна притормозить. Ты знаешь, что... — Мама поджимает губы, выбирая правильные слова, как будто весь набор неправильных не написан у нее на лбу. — Солнышко, — все-таки смягчается она, но это злит еще больше, — ты... нездорова, ты же знаешь.

Я грубо, намеренно грубо отбиваю руку, которой пытается погладить меня по голове.

Плачу. Не знаю, когда начала, но мокрая соль щиплет свежие ранки на губах.

— Мам, я никогда не буду здорова! — ору так, что закладывает уши. — Никогда не буду нормальной! Надо было рожать себе правильную дочь, пока еще была возможность! Новую игрушку взамен испорченной.

Она наотмашь бьет меня по лицу, а я даже не чувствую боли. Только язык прикусываю и жмурюсь, проглатывая как будто ком железной стружки.

— Прекрати, — зло и сухо, сжимая и разжимая ладонь, отметина от которой горячим отпечатком расцвела на моей щеке. — Я защищаю тебя, потому что люблю.

— Ты контролируешь каждый мой шаг! — На этот раз крик возвращается вкусом крови во рту. — Постоянно, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Я вздохнуть не могу, чтобы ты тут же не прибежала с волшебными таблеточками, запаивать деточку до состояния овоща!

— Да! — не выдерживает и взрывается она. — Да, Йен, контролирую! Потому что видела!..

Она запинается, резко тормозит, как стреноженная на всем скаку лошадь.

— Ну, заканчивай, — шепотом, потому что сил уже нет. Голова так сильно кружится, что кухонная мебель заводит вокруг меня хоровод, словно ожившее «Федорино горе».

— Потому что видела то, что не дай бог увидеть никому, — идет до конца она. — И я не готова увидеть это еще раз. Снова.

Мы смотрим друг на друга в полумраке кухни, потому что за окнами сизые тяжелые тучи и дождь стеной. Как будто жизнь только что замерла — и за окном не день и не ночь, а нечто размытое, серое.

— Надо было разрешить мне уйти, — говорю с горечью и обидой. — Надо было

просто... меня отпустить.

Мама что-то кричит, но я выбегаю из квартиры и даже не пытаюсь понять логику своих поступков.

Душно. Отчаянно не хватает воздуха.

И жжет в груди, как от сердечного приступа.

Всем было бы лучше, если бы...

Я оступаю и падаю с лестницы. Бьюсь головой обо что-то твердое и холодное, и испытываю невероятное облегчение, когда проваливаюсь в свой привычный сырой колодезь.

Здесь больно и темно.

Но мне, по крайней мере, знакома и привычна эта боль.

Глава тридцать третья: Йен

Abel Korzeniowski — Forbidden Love

Меня вытягивает чей-то голос.

Я не узнаю его из-за сильного фона, в котором почему-то солирует оркестр без дирижера, и все инструменты играют одновременно разные мелодии. Кажется, военные марши, от которых у меня наверняка идет кровь из ушей.

— Солнышко... Ну что же ты...

Это мама.

Она плачет навзрыд.

Незнакомый молодой женский голос говорит, чтобы она отошла и не мешала доктору меня осматривать. Раздраженный голос, высокий и «в нос». Наташа? Что она тут делает? На мгновение я почти вижу ее в сексуальном халате медсестры и с огромным шприцем в руке, который она приставляет к моему виску.

Снова проваливаюсь в пустоту, но на этот раз она давит меня, всасывает, как зыбучий песок, и не дает дышать. Барахтаюсь, чтобы всплыть на поверхность, но хватает только на полвздоха — и снова туда, где холодно и сыро, как в могиле.

— Мам... — Это мой голос? — Мам, не плач... Тебе нельзя.

У нее же до сих пор после инсульта все нервы в хлам.

Почему так болит щека? И голова? Где я?

Вспышками, словно вырванные из темноты светом фар, проносятся образы: утро, Антон, которого целую, провожая на работу, горячая сковородка, обожженный палец, горка панкейков в фольге и двух бумажных пакетах, чтобы довести еще горячими, пешеходный переход...

«Ты не здорова» — трагический взгляд матери.

И пустота.

Меня штормит и укачивает, но на этот раз есть причина — машина «неотложки», в которой меня, как важную шишку, везут с мигалками.

Потом травмпункт.

Меня тошнит и качает, качает и тошнит.

Хочу попросить маму не плакать, но уши заложило, и я оказываюсь неспособна говорить, если не слышу свой голос.

Врач рекомендует стационар хотя бы на пару дней.

Меня снова тошнит.

— Мам... Антон... где мой телефон?

Я должна позвонить ему, сказать, что я — ужасная спутница. Рассказать, сколько со мной проблем. Он не вынесет. Он не заслуживает. Мама права была — я должна была сказать.

«Прости, но тебе подбросили бракованную обезьянку с тарелками, она заводится, но не работает, и может сломать твой мозг».

А потом я снова засыпаю, кажется, от укола в плечо — и на этот раз его делает не химера с лицом бывшей моего уставшего мужчины, а пожилая медсестра с пухлыми мягкими руками.

И я снова проваливаюсь в пустоту. На этот раз, к счастью, абсолютную.

Когда открываю глаза, за окнами все тот же застывший серый день и монотонный дождь длинными нитками по стеклу. Голова раскалывается, мысли путаются. Во рту горечь и язык распух справа так, что больно разговаривать. Шарю под подушкой в поисках телефона, но его нет.

Что случилось? Помню, что мы с мамой поругались. А потом просто уродливая черная клякса на строчках воспоминаний. А еще осмотр, рентген, доктор с седыми волосами и укол в плечо уже в клинике.

Я лежу в большой светлой палате с огромным телевизором на стене, белоснежным минималистическим дизайном и всеми удобствами. Кое-как спускаю ноги, даже не удивляюсь, что тут уже стоят красивые новые тапочки с опушкой из натурального меха. Мама привезла. И пижаму, в которую меня, кажется, переодели вчера. У меня никогда не было шелковых пижам, мне в них неуютно, как будто ношу кожу с чужого плеча.

Телефона нет ни в тумбе, ни на подоконнике. Вообще нигде.

Включаю телевизор, прощелкиваю до первого новостного канала и медленно сползаю на пол, потому что дата в нижнем углу экрана — вторник следующего дня. И время — почти пять вечера.

Антон...

Я не позвонила ему, не смогла написать даже пары слов, предупредить, что у нас ничего не получится. Он приезжал? Конечно, приезжал, мы же договорились, а он, кажется, из тех, кто всегда держит слово.

Мне нужно поговорить с ним. Необходимо так сильно, что от паники больше никогда не услышать его голос горло намертво сводит судорогой. Дышать нечем. Совершенно нечем. Меня вышвырнуло в пустой открытый космос, и конечности стремительно покрываются инеем.

Это паническая атака.

Я могу в любой момент потерять сознание.

Может, если меня не будет...

Звук открывшейся двери и торопливые шаги немного приводят в чувство.

— Доченька, ну что же ты так. — Это не моя мама, это совершенно незнакомая мне женщина. Берет меня под подмышки, как инвалида, и укладывает обратно в кровать. — Нельзя вставать пока.

— Где мои родители?

Маме стало плохо, так что ее накачали успокоительными, чтобы отец мог забрать ее домой. Наверняка за ней уже присматривает медсестра: после инсульта мы часто пользуемся их помощью, и пара безотказных, готовых прийти даже посреди ночи, в номерах телефонов есть и у меня, и у отца. Папа был у меня всю ночь и все утро, не спал и рычал на всех, пока мой лечащий врач не сказал, что со мной все будет хорошо, ничего серьезного не случилось, у меня простое сотрясение мозга средней степени тяжести.

— Мне нужен телефон.

Медсестра поджимает губы и отрицательно качает головой. Пытается уйти, но я сползаю следом и цепляюсь ей в спину, чуть не падая на слабых ногах.

Снова реву, только на этот раз слезы невыносимо жгут щеку, как будто у меня там настоящий ожег, а не отпечаток пятерни.

— Пожалуйста, мне очень нужен телефон. И... еще интернет.

Я не помню номер телефона Антона, но все мои контакты автоматически сохраняются

в гугл-аккаунте.

— Вам нельзя, пока врач не разрешит.

— Пожалуйста. — Я снова падаю, чувствую себя тряпкой и размазней, неспособной рывкнуть и вытребовать любые привилегии. — Пожалуйста, умоляю...

Меня как будто ударили тараном в грудь.

Боль такая сильная, что хочется умереть, лишь бы не чувствовать себя горячей заживо изнутри. Огонь растекается по плечам до подмышек и потом опускается на локти и кончики пальцев.

— Что ж ты плачешь-то так и убиваешься, — причитает медсестра и на этот раз просто помогает мне сесть на край кровати. — Ну, не конец же света. Что там у тебя такое важное?

У меня?

У меня человек, без которого я не знаю, как дышать.

И это очень-очень плохой симптом, но бороться с ним уже бессмысленно.

Через пять минут в палату украдкой заглядывает молоденькая медсестра в белой униформе и шапочке. Ставит около меня ноутбук и протягивает свой телефон.

— Только на пять минут, — смотрит с мольбой. — Я тут всего месяц работаю, если главврач узнает — меня попрут, а где я еще такое место найду?

Мне нужна минута, чтобы зайти в свой аккаунт, открыть контакты и с облегчением выдохнуть — вся моя телефонная книга там и номер моего мужчины в погонах тоже. И даже с красным сердечком в конце его имени.

Но набирать Антона ужасно страшно.

Может, он подумал, что я его обманула?

В запасе пара минут, и я, собравшись с силами, почти наугад тыкаю в кругляшки кнопок на экране.

Двумя руками прикладываю телефон к уху.

Гудок, второй, третий...

До боли жмурюсь, пытаюсь убедить себя, что происходящее — всего лишь дурной сон перед рассветом. Белиберда, которая мучает мозг, если очень устал, но никак не можешь заснуть.

— Да? — слышу в трубке знакомый и непривычно сухой официальный голос.

— Антон? — Все, я больше не могу произнести не звука, хоть вырывай гортань.

— Йени?! — Он произносит мое имя громко, удивленно. Мне кажется или действительно с облегчением? — Малыш, что случилось? Я телефон задрочил тебе названивать вчера и сегодня!

Мотаю головой, пытаюсь сбросить неуместное волнение. Он же вот тут, рукой не потрогать, но рядом. Я даже чувствую его запах, который остался утром на подушках. Он говорит со мной, не посылает куда подальше, не набрасывается с упреками.

— Не молчи, — уже напряженно. Слышу грохот ключей на заднем фоне, пару крепких слов, когда что-то с грохотом падает на пол.

Если бы только я могла не молчать.

Беззвучно открываю и закрываю рот как обреченная сдохнуть на солнце рыбина.

— Ты где?

Меня хватает впритык на одно слово — название частного медицинского центра, куда меня определили родители.

— Еду. Не плачь.

Глава тридцать четвертая: Антон

Дерьмо случается.

Эта фраза с идиотского демотиватора торчит в моей башке весь вчерашний вечер, сегодняшнее утро и день.

Я не верю, что люди без причины куда-то пропадают.

Так не бывает.

Разве что они вляпались в крупные долги или засветились в одной из тех бумажек, которые мне порой приходится класть на стол самому высокому начальству. Но Очкарик точно не из тех товарищей, хоть все эти мелкие детали...

В общем, не суть.

Первый раз я набираю ее около шести. Выдается свободная минута и мне просто хочется услышать ее голос и веселую болтовню обо всем и ни о чем.

Она не отвечает.

«Бывает», — мысленно говорю себе и на всякий случай не прячу телефон далеко, абсолютно уверенный, что она перезвонит самое позднее через полчаса.

Но она не перезванивает.

До восьми — ни слуху, ни духу. Я ношусь с жопой в мыле, буквально тупо и нагло стряхиваю с себя важные и неотложные дела, потому что хочу слинять хоть на час пораньше, чтобы забрать Очкарика и заехать в торговый центр за всем, что нужно забросить в холодильник на неделю вперед.

Я снова набираю ее в половине девятого — и снова никакого ответа.

Еще раз — через полчаса. Тишина.

Отправляю пару сообщений: почему молчишь, все ли в порядке, как наши планы?

Сообщения доходят, но она их не читает.

Пробую дозвониться еще несколько раз, хоть чувствую себя тем еще дерьмом. Да что за херня вообще? Что-то случилось — возьми трубку, скажи, я на хрен отстану!

В одиннадцать, когда все коллеги давно расползлись по домам, ухожу с работы. Мелькает шальная мысль заехать к ней, но вовремя вспоминаю, что ей — двадцать шесть, и она — замороченная. Разговор с мамой, видимо, внес необходимое просветление в дебри романтической чуши в голове писательницы. Ну а хули? Девять лет разницы, в клуб не повел, цветы не подарил, сразу напруг готовкой и уборкой.

Сплю я хреново.

Что, блядь, случилось-то?!

Утром еще раз набираю ее номер, и на этот раз «абонент вне зоны действия...»

Дерьмо случается, Антон. Хрен знает, какое в этот раз.

Когда около четырех я вижу на экране незнакомый номер, первая мысль в голове — это Очкарик. Судя по тому, что мне так и не пришло уведомление, что она мелькнула в сети, ее телефон до сих пор выключен. Потеряла? Украли?

Что случилось что-то серьезное, я понимаю еще до того, как она заканчивает проговаривать мое имя. Голос у нее на надрыве, как будто ревет и прячет слезы в подушку. Когда не отвечает на элементарный вопрос, но часто-часто всхлипывает, понимаю, что вот так, по телефону, дела не будет.

И даже не удивляюсь, что она не дома и не у родителей, а в медицинском центре.

Я не пытаюсь подготовиться к встрече. Без причины люди не оказываются в больнице полностью отрезанные от внешнего мира.

Но все равно, когда медсестра проводит меня в палату и снова говорит, что у пациентки сотрясение мозга и она сидит на транквилизаторах, я оказываюсь не готов к увиденному.

Очкарик сидит на кровати, буквально, как огромная запятая цвета кофе. Не в одном из тех прикольных комбинезонов, в которых мягкая, смешная и домашняя, а в одежде, которая ей ни хрена не идет. Держит себя за колени и тихонько, как те ненормальные в фильмах про психов, шатается право-влево, изображая маятник.

Волосы завязаны в лохматый пучок на макушке, на тыльной стороне правой ладони длинная свежая царапина.

А когда поднимает голову на звук, я мысленно громко матерюсь.

У нее же эта вечная болезненная бледность, так что красный отпечаток на щеке горит, как будто ожог. И искусанные в кровь губы, которые малышка уже знакомым мне жестом прикрывает ладонью с двумя пластырями на костяшках пальцев.

Но «убивает» не это.

«Убивают» ее опухшие заплаканные глаза.

Блядь, да что случилось-то?! Целая трагедия из-за удара головой? Она что — решила повесить шторы и кубарем скатилась со стремянки?

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, а потом Очкарика начинает трястись.

И я, здоровый циничный мудака, даже не очень понимаю, как оказываюсь рядом, как она вдруг оказывается на мне: обнимает за шею и тихонько отчаянно скулит в воротник свитера.

Я не умею утешать, не умею вытирать слезы и находить правильные слова. Я умею решать проблемы, а не разводить сопли и корчить жилетку.

Но на голых инстинктах обнимаю свою писательницу, потому что с ней творится какой-то полный пиздец.

— Не уходи, пожалуйста! — Это так громко и отчаянно, как будто я вдруг встал, сказал херню в духе «Был рад тебя повидать» и сваливаю. — Я... дышать не могу. Без тебя.

В моей жизни были женщины, которые говорили всякую романтическую хрень: что любят меня, хотят от меня детей, хотят засыпать со мной рядом. Да много всего, что я, по причине природной толстокожести, всегда пропускал мимо ушей. Вот так если подумать — а любил ли я кого-то, чтобы какая-то романтическая хрень цепанула за самое нутро?

Нет.

Но то, что говорит Очкарик — это нифига не романтическая чушь счастливой женщины. В основном из-за того, как она это говорит, как у нее зуб на зуб не попадает от страха, как она изо всех сил скребет ногтями по моему свитеру.

С ней точно много заморочек, и пока я глажу ее по волосам, в собственной голове малодушно зреет мысль: на хрен мне все это надо? Легко не будет — это я понял и принял еще когда предложил ей перебраться с вещами. Но тогда я не видел ее вот такой — маленькой, сломанной и зависимой от человека, на которого я бы и сам не всегда согласился положиться. Не потому, что могу обмануть и предать — хотя, конечно, могу и делаю, но это все плоскость работы и с личным не пересекается — а потому что она, скорее всего, смотрит на меня через розовые очки. И не видит, какой я в сущности черствый хер.

— Прости, что я это сказала, — всхлипывая, извиняется Йени и пытается освободиться. Видимо, пауза моего молчания уже разродилась в ее чудной голове новым выводком

тараканов. — Я... на таких лекарствах, что не очень понимаю, что несу. Не думай... В общем, ничего такого, я почти адекватна.

Снова она защищается, снова лезет в свою раковину, закрывается у меня на глазах. Только что была перепуганная, до чертиков странная, но живая и настоящая, и вот — снова какие-то натужные реакции, попытка выдать себя за правильную и безопасную. Она слишком умная, чтобы не понимать, как на самом деле пугающе прозвучало ее признание.

— Снова за меня решаешь? — стараюсь не повышать голос, переспрашиваю я. Чтобы напомнить наш уговор — не отбирать у меня право распоряжаться своими яйцами. — Уверена, что знаешь, что у меня в голове и что я думаю?

Она шмыгает носом и с облечением вздыхает, когда снова притягиваю ее к себе.

С ее тараканами будет много возни.

Но с ней рядом мне хорошо. И есть большое подозрение, что хорошо именно из-за них, потому что вся она — очень странная экосистема, симбиоз минуса на минус, который в итоге превратился в плюс. Была бы она такой забавной и милой, если бы ее насекомые не тормозили реакции, которые в женщинах ее возраста обычно задавлены и похоронены под плинтусом? Я не узнаю ответ на этот вопрос, но опыт общения с самыми разными женщинами подсказывает, что нет — не была бы.

А раз так, то хули я тут корчу целку?

— Малыш, что случилось-то? Рассказать можешь? Кто обидел?

Я нечасто это говорю и сейчас не буду делать исключение, но если она скажет, что к ее состоянию приложил руку бывший или тот хер печального образа, то, пожалуй, устрою тому и другому сладкую жизнь. Благо, знаю, как, и всегда могу договориться не только с соответствующими органами, но и с совестью.

— Немного повздорила с мамой, — после небольшого раздумья говорит Очкарик. — Мы любим друг друга, но иногда стучимся лбами, доказывая, чья правда — правдивее.

— По причине?.. — подсказываю направление ответа, который хочу услышать.

Она не хочет отвечать: прячет лицо у меня на плече, обнимает тонкими дрожащими руками и тянет время. Не тороплю ее, чтобы не растревожить хрупкое душевное равновесие. Трястись перестала — и то хорошо.

— Я сказала, что мы с тобой встречаемся... уже какое-то время, — наконец, признается Йени. — Что начали встречаться до свадьбы. Не специально. Так получилось.

— Я помню — строгая мама и отец в погонах, — перевожу разговор в плоскость шутки.

Прекрасно помню, как у нее разрывался телефон. И помню, как ее мама разглядывала меня на застолье — словно примеряла на меня роль зятя и будущего отца своих внуков. Не удивительно, что с такой родительской опекой Очкарику пришлось приукрасить. Назовем это так. Вранье — это когда серьезно и с умышленной корыстной выгодой. А она просто... выдумала. Писательница же.

— И... — Она снова начинает заикаться, но берет себя в руки и на этот раз уже без моей помощи. — Я сказала, что мы познакомились на свадьбе. И ей это не понравилось.

— «Мы» случились слишком быстро?

— Вроде того, — натянуто улыбается писательница.

Мне ее родители не показались такими поборниками морали, особенно после того, как Очкарик сама рассказывала об утренних подколках мамы в адрес нашего ночного «душа». Но у меня слишком мало исходных данных, чтобы не доверять ее словам.

— И теперь малышку не отпускают жить к циничному мужику?

Если она скажет «нет», я ведь расстроюсь.

Блядь, а ведь реально расстроюсь. Даже разозлюсь. Ругаться точно буду.

Потому что успел настроиться на мысль, что дома меня будут встречать виляющим от счастья хвостиком, улыбкой и веснушками, и, хвастливо задрав нос, рассказывать, что сделала за день, к чему приложила свой женский взгляд и руки.

— Я... Я... — Она выдыхает, собирается с силами и выдает: — Я не собираюсь спрашивать их разрешения. И если ты не раздумал... Забери меня отсюда, мой мужчина в погонах. Забери себе.

Не хотелось бы начинать отношения конфликтом с родителями, но взгляд Очкарика многозначительно говорит, что либо мы сделаем это вот так, молча и по-своему, либо хрен мне, а не Счастливый хвостик и комфортные вечера с замороженной писательницей.

— Тебе здесь долго лежать?

— Я могу и в окно, — заявляет она с самым серьезным видом.

— У тебя сотрясение, блядь, какое окно?! — охреневаю я, ни на секунду не сомневаясь, что так и сделает.

— Не кричи на меня, — тихо просит Очкарик, прижимаясь щекой к моей щеке. — Мне страшно, когда кричат.

— Прости, малыш, издержки общения с дурами. — Когда не прав — у меня не отсохнет язык это признать. — Но в окно ты не полезешь.

— Антон, иначе меня тебе не отдадут. И я совсем не драматизирую.

Значит, не так уж я не прав, предполагая, что она снова что-то недоговаривает.

— Рядом с тобой и без запаха лекарств мне точно будет лучше, чем в этом изоляторе.

Все же в ней есть стержень. Вот как сейчас — прорезалось и упрямство, и крепкие нотки, и желание переть до конца. Видимо, не один я представил, что вдвоем нам будет пизже, чем каждому в своем углу.

— Хорошо, малыш, придется тебя украсить.

Йени счастливо сияет.

Даже когда я дарил своим бывшим дорогие подарки, они не выглядели такими довольными, как эта, не получив ровным счетом ничего.

Глава тридцать пятая: Антон

Конечно, в окно мы не лезем и даже не сбегает украдками перебежками, как в комедийном шпионском боевике.

Я просто иду к врачу и говорю, что собираюсь забрать пациентку Воскресенскую, потому что в состоянии за ней присматривать. Он сперва делает вид, что вообще меня не слышит и не видит, так что приходится «засветить» должность и намекнуть на то, что в нашем государстве частные клиники попадают под финансовый мониторинг и прочую херню, которая творится у них «за кадром». Не люблю так делать, но раз уж решился, то иди буду напролом и до конца. Тем более, Очкарик в трезвом уме и здравой памяти, и может написать заявление об отказе от дальнейшей госпитализации. Оказалось, даже в частных клиниках эта фигня работает, потому что никакие деньги на лечение не могут удерживать человека силой.

Когда она, довольная, в тапках и пижаме уютится на соседнем сиденье, я понимаю, что оно того стоило.

— Что ты ему сказал? — спрашивает шепотом, как будто собирается выпытать у меня секрет.

— Что ты моя невеста и что во мне бурлит кровь моих предков-горцев, — тоже шепотом подыгрываю я.

Пусть у нее будет эта «правда», тем более, что в ответ Очкарик опять прикрывает рот рукой и громко удивленно икает.

По дороге домой она засыпает, а я проворачиваю в голове план действий.

Кто-то должен присматривать за ней хотя бы днем, пока меня не будет рядом.

А моя мама — хирург, пусть и на пенсии.

Хороший повод их познакомить. Уверен, на этот раз мать скажет: «Антон, наконец-то ты нашел хорошую девочку, не проси теперь ее».

— Ты меня на руках понесешь? — удивленно, как будто с ней такое впервые, спрашивает Очкарик, когда я беру ее на руки, чтобы отнести из машины в дом. После дождя грязь и лужи, еще не хватало, чтобы она промочила ноги в своих этих тапках от пыли.

— Ага, — подмигиваю ей, — и через порог брошу, так что советую подготовиться и сгруппироваться.

Тупая американщина, но если Йени так счастливо жмурится — не по хер ли?

На самом деле на руках отношу ее на второй этаж, в кровать, укладываю под одеяло и обещаю наказать, если без моего разрешения начнет бродить дальше туалета.

— Малыш, нужно забрать твои вещи. Есть мысли как это сделать?

— Ключи остались в сумке, а сумка у родителей. — Она сосредоточенно хмурится, потом на секунду «светлеет» и снова хмурится. — И телефон тоже, наверное, остался там.

— Значит, придется встретиться с папой.

— Нам придется встретиться с папой, — пытается переиграть по-своему.

— Госпожа писательница, еще раз — меня достало, что ты снова пытаешься прятать меня за свою юбку. Я — мужик, я тебя забрал. До тех пор, пока ты в моем доме — ты моя ответственность, а я — твоя. В следующий раз, Йен, буду ругаться матом, извини.

Она натягивает одеяло до самого кончика носа, снова икает и говорит по слогам:

— Я — твоя.

— Женщина, надеюсь, ты услышала не только это.

— Зря надеешься, — хихикает она.

Присаживаюсь на край кровати, наклоняюсь над ней и нарочно тяну время, выжидаю, пока опустит одеяло и смешно потянет губы для поцелуя.

— В отношениях, малыш, кто-то должен быть ебанутым, чтобы «задавать ритм» и гармонию, — говорю я, наслаждаясь ее очередным приступом смущения. — И я даже знаю, кто это в нашей паре.

«Я!» — выразительно, одними губами, произносит она.

Когда через полчаса приезжает мать, Очкарик уже крепко спит.

Мать снимает пальто, молча берет у меня чашку с чаем и так же молча ждет, когда я продолжу свой короткий телефонный монолог: «Мам, у меня дома моя женщина с сотрясением, все не очень страшно, но за ней нужно присматривать, так что жду».

У меня хорошие отношения с родителями. Точнее, обычные. Как, наверное, у каждого второго в нашей стране. Отца в своем детстве я почти не помню: он много работал и часто не бывал дома, так что мать, как могла, заменяла обоих. Ставила на ноги, учила каким-то обычным жизненным вещам, пыталась вкладывать в голову житейскую мудрость.

Когда мне исполнилось двадцать, и я активно получал свое первое высшее, отец вдруг появился на горизонте. Нет, не лез с чувством вины за то, что бесцельно пропустил детство единственного сына, а потому что увидел — материнское воспитание дало о себе знать. И тогда в мою жизнь вошли три теперь уже постоянных спутника: цинизм, язвительность и сарказм. И жизнь как-то сразу стала проще, понятнее и спокойнее.

Но мать так и осталась подругой. В хорошем смысле этого слова. Тем человеком, с которым могу даже бухой в доску поговорить обо всем и вместо упреков услышать рациональное замечание, что когда в нашей стране такие цены на трансплантацию органов, надо бережнее обращаться с печенью.

Но больше всего я ценю ее даже не за умение трезво постебать редкие приступы моих слабостей, а абсолютное невмешательство в личную жизнь. С кем я живу, с кем сплю, что у меня за женщины — она одинаково вежлива со всеми. И советы дает только когда сам их прошу.

В двух словах рассказываю об Очкарике: где познакомились, кто она, как проводили время и почему сейчас она спит в моей кровати после падения с лестницы.

— Ты знаешь ее десять дней, но забрал к себе? — Мать просто уточняет, правильно ли поняла.

— Типа того. — Почему-то только сейчас дошло, как наши с Йени реактивные отношения выглядят со стороны. Хотя, не по хер ли? Если бы меня волновало мнение окружающих, я бы никогда не «забил» тридцать процентов своего тела.

— И какие планы?

— Ма, слушай, ну какие могут быть планы? Поживем-увидим. Все, — гремлю ключами от машины, — присматривай за ней, а я поехал дергать тигра за усы.

Еще одна нестыковка: родители Очкарика тоже живут не на отшибе, а в старинном доме прямо посреди Смольного парка. Насколько я знаю, в таких вот «памятниках архитектуры» квартиры реставрируют с нуля и потом продаются за большие деньги.

Ладно, пора свыкнуться с мыслью, что малышка не так проста, как хочет казаться, но спрашивать ее об этом не буду. Мне глубоко по фигу, даже если ее семья окажется олигархами первой руки. Может, я и живу в своей деревеньке, но зарабатываю достаточно,

чтобы хватало на хорошую сытую жизнь.

Перед тем, как зайти, еще раз прокручиваю в голове предстоящий разговор, пытаюсь предугадать несколько вариантов развития событий и готовлюсь вырливать из каждой. Главное, чтобы у меня дверь перед носом не захлопнули.

После звонка дверь долго не открывают, но, когда замки, наконец, щелкают, по ту сторону стоит хмурый и явно очень раздраженный отец Очкарика. Он знает, что я должен приехать — перед тем, как уснуть, моя писательница все же набралась смелости позвонить. Понятия не имею, о чем они успели поговорить меньше, чем за тридцать секунд, но малышка отдала мне телефон со словами «Он тебя ждет», свернулась клубком и почти сразу уснула.

— Здравствуйте, Владимир Юрьевич, — здороваюсь я, намеренно отступая подальше от порога. Входить внутрь не хочется. — Могу я забрать вещи Йени?

Он молча и долго смотрит на меня. Не рычит, не угрожает. Просто смотрит мне между бровей, и этот взгляд ощущается как прямая наводка двухстволки. Не самые приятные ощущения в моей жизни, но я знал, на что шел.

Подполковник выходит, достает из кармана пиджака сигареты, зажигалку. Закуривает, скупко предлагает мне, но я отказываюсь — травить себя никотином в мои планы точно не входит. Если уж так херово, лучше накатить и завалиться спать до просветления.

— Кто с ней, если ты тут? — спрашивает, опираясь на перила и глядя куда-то перед собой.

— Моя мать. Йени под присмотром, не переживайте.

— Поздно просить не переживать, — дымит подполковник. — Что у вас за хуйня такая скороспелая, Антон? Она маленькая и глупая, но ты-то вроде мужик серьезный, понимать должен.

Это не упреки, скорее констатация фактов.

— Я поступил так, как считал нужным, — отвечаю я, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Он все-таки смотрит на меня, но о чем думает — хрен разберешь за этими клубами дыма.

— Ты понимаешь, что она — особенная? — Отцовская любовь не дает сказать «странная» или «придурковатая». Это хорошо слышно по интонации. — Что не девочка на раз?

— Я забрал ее в свой дом не для разового перепихона.

И еще один взгляд, но на этот раз как будто даже с одобрением.

Полковник заканчивает курить, заходит в квартиру и возвращается уже с двумя небольшими спортивными сумками и телефоном. Вручает вещи молча. И когда я забрасываю одну сумку на плечо, говорит:

— Береги ее, Антон. Ничего не говорю потому что повода нет. Надеюсь и не дашь. Обидишь мою дочку — тогда и разговор будет другой.

Могу сказать, что не обижу, что не совсем уж тупой долбоеб и понимаю, во что лезу по собственной воле, но двум взрослым мужикам все эти слова на хуй не нужны.

Как и пустые обещания.

Глава тридцать шестая: Йен

Первое, что чувствую, когда открываю глаза — покой.

Может, для кого-то странное чувство после пробуждения, но у меня словно развязаны руки и ноги, и в голове светло, ясно как после сильного дождя с грозой.

Часы на противоположной стене показывают начало пятого. Я проспала всего час с небольшим. Приподнимаюсь на локтях, осматриваюсь, но Антона нет. И даже позвонить ему не могу, чтобы узнать, как все прошло с отцом. Хуже всего то, что повлиять на ситуацию тоже никак не могу, и единственное, что остается — как в детстве: закрыть глаза, скрестить пальцы и загадать, чтобы все прошло хорошо — и мои мужчины нашли общий язык.

Потихоньку, стараясь не делать резких движений, спускаю ноги с кровати и босиком по полу до ванной. Из зеркала на меня смотри какое-то совершенно измученное существо с красным пятном на щеке. Дурацкая особенность кожи и организма в целом: на мне даже простая царапина может заживать пару недель, любой удар превращается в здоровенный синяк и может «цвести» хоть месяц.

Я жду, пока вода из-под крана станет очень холодной, набираю ее в ладони и, задержав дыхание, окунаю в нее лицо. Жду, пока кожа не начнет гореть, и стряхиваю воду вместе с последними каплями напряжения.

Влажными руками привожу в порядок волосы, собираю их в пучок на затылке и спускаюсь вниз.

— Здравствуйте, Йен, — здоровается со мной симпатичная пожилая женщина со светлыми волосами чуть ниже плеч, в простых джинсах и свитере.

Антон говорил, что не уедет, пока не оставит меня под присмотром, но я все равно оказываюсь совершенно не готова к встрече с его матерью. Они похожи формой губ и глаз, и когда она точно так же, как и мой майор, улыбается уголками губ, я невольно улыбаюсь в ответ.

— Здравствуйте...

— Вера Николаевна, — представляется она. — Мама Антона. Но это понятно, да?

Утвердительно киваю головой и чувствую себя абсолютно не в своей тарелке.

Потому что это первый раз, когда я знакомлюсь с родителями мужчины, с которым встречаюсь. Сашину семью я знала с детства, и никому даже в голову не приходило перепредставлять меня в качестве девушки.

И вот я стою перед мамой человека, к которому непостижимым и самым болезненным образом успела привязаться, но выгляжу как побирושка с улицы, бледная, с синяками и мешками под глазами, еще и босая в придачу, потому что тапочки исчезли в неизвестном направлении.

Почему нельзя добровольно провалиться под землю?

— Как ты себя чувствуешь? — Пока я пытаюсь одернуть пижаму, поправить волосы, прикрыть ладонью красное пятно на щеке, женщина берет меня за плечи, уверенно, но аккуратно усаживает на диван и проводит какие-то несложные медицинские манипуляции. Убедившись, что прямо сейчас в обморок падать не собираюсь, осматривает с ног до головы и снова приветливо улыбается. — У вас с Антоном разница в возрасте... сколько? Лет семь?

— Девять, — настороженно отвечаю я.

Я знаю, что обычно мамы не очень одобряют отношения сыновей с девушками, намного

младше. Тем более, когда это не сорок и тридцать лет, а тридцать и двадцать, грубо говоря. Со стороны я выгляжу молодой женщиной, которая еще толком не состоялась в жизни, не набралась мудрости и опыта, но уже лезет в постель ко взрослому мужчине, веря, что резвость и молодость помогут не замечать пропасть в интересах и взглядах на жизнь.

Только я не молодая и резвая.

Но ведь на лбу не написано, что девять лет назад одна сопливая и не в меру романтическая девушка за один день превратилась в моральную старуху.

— Ну девять не девятнадцать, — все так же доброжелательно улыбается мама Антона, и, роняя взгляд на мои босые ноги, подталкивает стоящие у края кофейного стола его домашние тапки. — Чем занимаешься?

— Когда не падаю лестницы? — пытаюсь пошутить, чтобы сбросить внутреннее напряжение. Еще немного — и взорвусь от коктейля Молотова, смешанного из паники и страха.

— Всегда знала, что мой сын в итоге выберет женщину с экзотическими увлечениями, — посмеивается Вера Николаевна.

— Он еще не в курсе, что это хобби, — продолжаю этот странный пинг-понг из шуток.

— Ну тогда лучше повременить с такими откровениями. — Она хлопает себя по коленям, смотрит на часы и, кивая в сторону кухни, говорит: — Я привезла кое-что, может быть, составить мне компанию, пока буду готовить ужин?

Только через пару минут, когда я пытаюсь подключиться к готовке, мама Антона усаживает меня на стул, грозит пальцем, как маленькой и говорит, что позвала меня просто болтать. Но видимо у меня очень несчастный вид, потому что в итоге я получаю задание мне по плечу: чистить овощи и готовить салат.

Как-то незаметно для себя втягиваюсь в разговор: говорю, что закончила филологический с красным дипломом, что всегда была страшной заучкой, поэтому хваталась за любую возможность испытать мозг. В итоге была помощником редактора университетской газеты, потом начала писать небольшие заметки для одного интернет-издания, позже меня взяли в другое — более продвинутое, популярное и солидное. И именно там я получила свои первые деньги. А чуть позже, когда писала юморную заметку к Дню святого Валентина, поняла, что хочу писать свое, то, что торчит в голове и мешает нормально спать.

— А что ты пишешь сейчас?

Я поджимаю губы.

Ничего не пишу. Уже три месяца, с того самого дня, как Саша пришел ко мне красивый и нарядный, с полным ртом счастливых рассказов о своей новой любви. Меня не подкосила эта новость. Мне было плевать, что человек, которого я бы все равно никогда не сумела полюбить, нашел себе женщину. Но меня подкосило предательство. Он мог просто порвать со мной, тем более, что, когда мы договаривались попробовать быть парой, сразу расставили четкие приоритеты: никаких истерик, никаких скандалов и, если одному из нас становится некомфортно, он должен сразу сказать об этом.

Правда, я тоже не была честна.

Я тоже не сказала, что мне с ним плохо.

Потому что мне хотелось хотя бы казаться нормальной и защитить всех от своего тараканьего цирка. В том числе и человека, о котором мне искренне хотелось заботиться. Пусть это и не имело ничего общего с любовью.

— Это тайна? — напоминает о себе Вера Николаевна и потихоньку забирает у меня нож, взамен предлагая канапе с кусочками вяленого мяса и сыра. Когда только успела сделать?

— Я пока... в поиске идеи и вдохновения. — Это лучше, чем сказать, что у меня абсолютно пустая голова. Я закончила свой фэнтези цикл, над которым работала почти два года, и собиралась взяться за новый мир и новых героев, или даже попробовать себя в другом жанре, но пока что в моей жизни не произошло ничего и близко похожего на искру. — Нужно наполнить творческий колодец.

Мне нужно браться за новую историю.

Но я, кажется, разучилась писать что-то сложнее СМСок.

Глава тридцать седьмая: Антон

Забрав вещи Очкарика, я не спешу ехать домой. Мать на связи и находит минутку написать короткое сообщение, что у них с «моей девочкой» все хорошо, они нашли общий язык и хуже ей не стало.

Значит, есть время заехать в аптеку. Когда «похищал» Йени из больницы, переговорил с врачом и получил длинный список таблеток с дозировками и количеством приемов. А заодно надо купить все, что должно быть в доме для двоих. Думал, что мы все это купим вчера, но раз так, придется справляться самому.

Надеюсь, она взяла всякие женские принадлежности?

Спустя пару часов, когда я забираю из аптеки увесистый пакетик с лекарствами, звонит телефон. С забитыми руками говорить не очень удобно, но это может быть мать, и мало ли что там случилось за то время, пока я гоняю по магазинам.

Даже не глядя на экран, на автомате нажимаю на иконку ответа и только задней мыслью понимаю, что звонит мне не мать и не Очкарик, а абонент «Н».

Послать ее на хуй что ли?

Первое, что я слышу в трубку — плач. Громкий и на грани истерики. Плачет Наташа редко, в основном устраивает скандалы с криками и театральными сценами и крепкими выражениями. Нужно отдать должное — характер у нее железный и непробиваемый, слезы Наташка никогда не жаловала. За три года наших отношений, кажется, видел как ревет всего-то пару раз.

Забрасываю вещи на заднее сиденье и продолжаю молча слушать всхлипы и непонятное бормотание. Правда. Терпение тает на глазах.

— Антон? — Она как будто только сейчас поняла, кого набрала.

— Что на этот раз?

— Мы с Сашей... — Наташа натужно хлопает носом. — Мы разводимся.

— Поздравляю. — Завожу мотор, мысленно давая ей еще десять секунд, чтобы закончить разговор хотя бы на паузе приличия, а не доведя меня, как обычно, до белого каления очередной хуйней. — Искренне советую не тупить и подать заявку в книгу рекордов Гиннеса на самый короткий брак. Люди каждый день женятся и разводятся, вдруг прямо сейчас где-то на Аляске из ЗАГСа выходят молодожены, который тут же побегут разводиться?

— Какой же ты... — Наташка внезапно замолкает.

Ясно-понятно.

— Что тебе нужно? — Я так устал за последние сутки, что даже не хочу тянуть кота за яйца.

— Почему ты сразу подозреваешь...

— Не было бы нужно, — перебиваю ее, — был бы я мудаком, говном, ну и дальше по стандартному списку.

Она молчит.

— Нам с Лешей нужно где-то жить. Пожалуйста, Антон... Хотя бы какое-то время. Его только-что привезли, он снова с заложенным носом и температурой! Больше никогда не отдам его отцу — они калечат мне сына!

Я знаю, на что она намекает.

Сын болеет, значит, в гостиницу с ним нельзя. Снять квартиру прямо сейчас, как всегда, не вариант: снова ничего не отложила на черный день. Ничего нового в общем.

— Ты же все равно сейчас в доме живешь ...

Молчу.

«Зачем эти паузы, Наташ? Мы же не первый год замужем, я тебя знаю, как свои пять пальцев».

— Мы проживем в квартире пару дней, пока не найду постоянное жилье. Пожалуйста! Мне не к кому пойти! Юлия уехала на курорт, вернется только в понедельник, у Оксаны карантин, сама гриппует со всей семьей, куда мне туда с больным ребенком? А больше... нет никого, кроме тебя.

Вот же блядство.

Ну и что с ней делать?

Поступить так как заслуживает — послать прямо сейчас, выключить телефон и сделать так, чтобы ее голос и сообщения больше никогда не фонировали в моей вселенной? Мне в общем по фигу, что там с ней, но как-то... да ну хрен его знает. Это не жалость и точно не привязанность. Я тупо не могу просто так отпинать женщину, с которой, как бы там ни было, пытался строить отношения целых три года. А сын у нее действительно сильно болеет, и если бы Наташка хоть раз прислушивалась к советам моей матери, возможно, ребенок бы давно забыл, что такое сопля после каждого сквозняка.

— Антон, пожалуйста... — Моя бывшая продолжает хлюпать в трубку. Так натурально жалобно, что даже хочется верить в искренность.

С другой стороны, однажды она уже проворачивала такой фокус. После очередного расставания и очередной попытки наладить отношения с учетом полученного опыта. В обе стороны, потому что иногда и я был тем еще поганим хером. Но суть в другом: она очень быстро перепрыгивала через порог внутрь моей жизни, но потом очень крепко цеплялась за каждую мелочь, лишь бы остаться в ней, даже когда я в открытую посылал ее на хуй. И если бы в наш окончательный разрыв я не вывез все ее вещи, она бы возвращалась снова и снова, делая вид, что приехала забрать серьги или свитер, а на самом деле «случайно забывая» еще один мешок своих тряпок.

Если я пушу ее к себе, ситуация повторится один в один. Не верю, что взрослая упрямая — упертая! — женщина могла кардинально измениться за каких-нибудь несколько месяцев.

— Ты тоже меня предашь? — не успокаивается она.

Если помолчу еще секунд тридцать, снова начнет орать. Не сдержится. В этом вся проблема: она не способна делать выводы, не понимала, как нужно, даже когда говорил об этом четко и ясно.

Ну и я все же никогда ее не любил. Если бы были чувства, наверное, прощал бы и, хрен с ним, шел на уступки и был терпеливее. В теории.

— Ко мне ты не поедешь, Наташ, — говорю спокойно и четко. Вдруг, в этот раз она, наконец, меня услышит и сделает правильные выводы. — Ты в курсе, с кем я, а я знаю, кто ты и как ты любишь создавать видимость отношений, когда их нет и в помине.

— Снова будешь вспоминать старое? Ты совсем не способен прощать?

Все-таки зря надеялся, но попытка не пытка.

Она больше не выводит меня на эмоции, поэтому говорить с ней легко, почти как с посторонним человеком. И если бы прямо сейчас на заднем фоне не заливался кашлем больной пацан, я бы просто закончил разговор, потому что все это уже совсем не интересно

даже как эксперимент «Можно ли остаться друзьями с бывшей». Нет, нельзя. Не с Наташкой так точно.

— Я сниму тебе квартиру на неделю.

— Антон, я просто...

— Либо пошла на хуй.

Что она там просто — мне уже все равно.

— Спасибо, — после длинной паузы соглашается бывшая.

— Будь на связи.

Найти жилье — не проблема. Пара звонков, заехать за риелтором, поехать по нужному адресу, заплатить и получить ключи. На все уходит около часа. После моего сообщения с Адресом, Наташка приезжает через тридцать минут. С одной большой сумкой и Лешкой, у которого красные температурные щеки. Я снял однушку с большой двуспальной кроватью, так что спать им будет где. Все необходимое для жизни тоже есть, даже набор хорошей посуды.

— Лекарства есть? — спрашиваю я, когда она быстро снимает обувь, раздевает сына и укладывает в постель.

Наташка мотает головой.

Аптека тут рядом, и у меня эффект дежавю: снова я спасаю принцессу из беды, как будто в огромной Северной столице перевелись принцы. А ведь у меня даже не белый «мерин», а старое американское «ведро», которое нуждается в хорошем ремонте.

Когда возвращаюсь, малой уже спит, а Наташка топчется в коридоре и теребит волосы.

Сразу бросается мне на шею, совсем как на даче у родителей Очкарика, только на этот раз от нее не разит алкоголем, и гигантский брюлик больше не царапает мне шею. Чтобы подтвердить догадку, разжимаю ее руки и бросаю взгляд на безымянный палец.

— Что? — Она нервно одергивает руку.

— Я же говорил, чтобы была осторожнее с булыжником — такие на раз теряются.

— Останься с нами сегодня. Ты знаешь, что когда Леша болеет, я...

— Нет. Дальше сама, Наташ. Неделя — нормальный срок, чтобы устроиться. В крайнем случае, отожди что-то у мужа, по закону или по взаимному, уж как там решите.

— Боишься, что не сдержишься? — подначивает Наташа.

— Ага, очень боюсь, что не сдержусь и устрою тебе акт домашнего насилия.

— Ну, конечно, это же ты только со мной такой сильный и брутальный, весь из себя мужичище! — Кажется, ей уже по фигу, что ор может разбудить бедного мальчишку. — А стоило на горизонте появиться золотой девочке — Антон сразу стал послушным и пушистым. Конечно, она же вся такая индивидуальная, уникальная и богатая, не то что я, которая от тебя только и видела, что унижения и постоянные упреки.

Я бы на хрен свалил из этого цирка, но раз уж второй человек упрекает меня какими-то корыстными мотивами, нужно понять, что к чему. С Пьеро разговора все равно бы не получилось, а вот Наташка сама язык развяжет, даже стараться не нужно.

— О какой золотой девочке речь?

Бывшая удивленно вскидывает брови, ждет, как будто я должен признаться, что пошутил. А потом начинает смеяться тем самым противным смехом, от которого у меня чуть не натурально идет кровь из ушей.

— Ты серьезно не в курсе? — Злорадство написано у нее поперек лица, как предупреждающая кислотно-желтая лента вокруг места происшествия. — Твоя расчудесная

психичка ничего не рассказала?

Да ну на хер все!

Я выхожу на площадку, поправляю воротник пальто и тянусь за телефоном, чтобы написать, что буду дома через час. Но все-таки Наташку «рвет»: громко, на грани истерики, как будто она собирается нокаутировать меня подлыми ударами в спину.

— Ее папаша владеет «Меридианом»!

Знакомое название. Строительство и вот вся эта хуйня, где крутятся большие деньги и всякие-разные «теневые» схемы.

— Пять лет назад за твоей психичкой начал ухаживать один парень, но девочке показалось, что он ее обидел. Она прибежала домой вся в слезах, пожаловалась папочке и, знаешь, что случилось?

Куда больше судьбы какого-то ноунейма меня интересует, почему Наташка упорно продолжает называть Очкарика — психичкой. Просто так? Или это еще одна высота айсберга?

— Бедняга совершенно случайно оказался в темной подворотне, а потом — на больничной койке.

— Психичка, — пропускаю мимо ушей весь предыдущий высер. Про «Меридиан» понял — и тут есть, о чем подумать, а все остальное просто пустой звук. Я знаю, как рождаются такие сплетни и, к сожалению, знаю, что выдумки в них как правило намного больше, чем правды. — Ты назвала ее психичкой.

— А ты думал, что к золотым девочкам не прилагаются проблемы? — Наташка босая выбегает следом, становится передо мной злая и со впавшими щеками, на фоне которых губы смотрятся неестественно огромными. — Она поехавшая. Даже лечилась.

— Это тебе благоверный рассказал?

— На него тоже пытались повесить деточку, чтобы пристроить обузу. Саша вовремя спрыгнул.

— Ну да, — усмехаюсь я, — сначала спрыгнул с наивной девчонки с причудами, а теперь вот — с хваткой бабы. Прямо растет парень в моих глазах, эволюционирует, бля! Все, удачи.

Она продолжает орать мне в след, но я даже не пытаюсь слушать.

Интересно, малыш, я прошел проверку на жадность и корысть?

Глава тридцать восьмая: Антон

Когда возвращаюсь домой — и Очкарик выбегает встречать, губы сами растягиваются в улыбку. Она так искренне улыбается, хоть ее явно немного штормит, и по-хорошему нужно бы отчитать, что ослушалась и выбралась из кровати, но так сияет, что язык не поворачивается прямо сейчас обломать эту радость.

— Как прошло с папой? — осторожно спрашивает она, притормаживая около меня, потому что из кухни как раз выходит моя мать.

— Все хорошо, видишь — руки ноги на месте, лишних дырок во мне не появилось.

Мать качает головой и снова уходит, и на этот раз малышка все-таки подбирается поближе, глядя на меня с немым вопросом.

С ней точно не все в порядке, но, может, дело не во всей той херне, которую несла моя бывшая? Она не говорит сама с собой, не ходит на голове, и я даже ни разу не видел, чтобы ковырялась в носу или грызла ногти. Немного инфантильна для своего возраста, но это может быть последствиями отсутствия опыта. Сколько мужчин у нее было? Что-то сомневаюсь, что много. А что лечилась... Да у нас в стране в принципе здоровых нет. Невозможно быть в порядке с головой, когда каждый выпуск новостей похож на трейлер фильма ужасов.

На самом деле, грызет другое. Даже не грызет, а, скорее, заставляет чувствовать себя лягушкой под микроскопом. Йен не должна была в первое же свидание вывалить, кто ее отец, сколько у нее денег и на каких счетах. Но врать про съемную квартиру... Хотела проверить, свяжусь ли с ней, если она «как все»? Да мало ли я видел этих олигархов, чтобы бегать за сомнительной выгодой стать приживалой в богемной семье?

— Твои вещи и лекарства, — протягиваю то и другое. — Переодевайся и беги вниз. Я кексы привез.

— Те самые? — Зеленые глазища, покрасневшие и потускневшие от слез, внезапно вспыхивают.

— Вот уж не уверен, вдруг, мне память отбило.

Приятно, когда на кусок шоколадного бисквита в глазури реагируют так, вроде приволок обломок луны.

Мы ужинаем втроем. Получается спонтанно и по-домашнему. Болтаем обо всякой ерунде, смеемся, мама рассказывает, каким я был в детстве, малышка смеется и даже прекращает закрывать рот рукой, когда смущается.

Мама наотрез отказывается, чтобы я отвез ее домой, так что провожу ее до такси, по дороге слушая наблюдения.

— Антон, будь с ней аккуратнее. Такая... чудная она. — Чмокает меня в щеку, гладит по плечу и с теплой улыбкой добавляет. — И очень славная. Не просри.

Очкарика застаю за загрузкой тарелок в посудомоечную машину. Замечает меня и быстро поправляет волосы, потому что ее вездесущая заколка снова уползла куда-то на сторону.

Да, чудная. Да, «с приветом». Да, с инфантильными реакциями, но при этом в чем-то очень уж взрослая. Как будто ученые сшили старушку и школьницу, и то, что проклюнулось из Франкенштейна, запихнули в эту белокурую голову.

Зато Наташка абсолютно понятная, прямая и предсказуемая. Не стеснялась, когда я

озвучивал вещи, которые хотел бы сделать с ней в постели.

Только хорошо мне с этой, замороченной.

— Наши бывшие расходятся, — говорю я, когда Йени включает программу и поворачивается ко мне.

— Что? — Морщит лоб. — Откуда ты знаешь?

В двух словах, не вдаваясь в подробности, рассказываю о Наташкином звонке, о том, что снял для нее квартиру. Об остальном умалчиваю. Не надо валить на Очкарика с ее сотрясением гору инфы, которую она может трансформировать черт знает во что.

— Подумал, что ты должна знать, что я с ней виделся. Не по своей воле. Так получилось. И хуев натолкать ей не смог. Надо еще прокачать мудачество.

Очкарик долго молчит. Стоит в паре шагов от меня с опущенными руками и колченогими попытками спрятаться за «ниочемной» улыбкой. Потом сдается, подходит и несмело, кончиками пальцев, притрагивается к моей ладони.

— Спасибо, что сказал, Антон. Ты поступил как настоящий мужчина. Я... — Заикается, мотает головой, как будто тут есть целый театр зрителей, перед которыми ей совестно за испорченную роль. — Я очень тобой горжусь.

Я пчусь, опираюсь на край стола и притягиваю ее к себе, сжимаю ногами узкие бедра.

Запускаю пальцы в растрепанные волосы, склоняюсь к губам, которые малышка раскрывает с жадностью и голодом.

— С поцелуями у нас сложилось, — еле слышно повторяет она. — Хочу их много, много, много...

Провожу языком по ее губам, усмехаюсь, когда она неловко, но с рвением прилежной ученицы ловит его ртом и посасывает.

— Малыш, как ты себя чувствуешь? — Пусть скажет что-то обнадеживающее.

— Чувствую себя достаточно здоровой для... всего. — Все же краснеет, смущается от собственной смелости.

Я целую ее глубоко, цепляюсь языком за язык.

У нее сбивается дыхание.

Ладонью вниз, по животу, который Очкарик втягивает от малейшего прикосновения.

Ниже, до пупка, по лобку.

Между ног, надавливая пальцами на спрятанный за парой слоев ткани клитор.

Она вытягивается, приподнимается на носочки и выдыхает с коротким стоном.

Все, на хер все и всех, пора посмотреть, как она будет кончать от других «поцелуев».

И я даже не хочу ничего в ответ. Лишь бы покричала. Громче, чем в душе.

Massive Attack — Teardrop

Я чувствую, что она напряжена. Натянута под одеждой и остро реагирует на каждое прикосновение, хоть очень искренне и старательно храбрится. Спешить с ней точно нельзя, потому что Очкарик до сих пор сторонится любого вторжения в личное пространство, а то, что я собираюсь с ней сделать — очень личное и интимное для многих женщин. Не каждая раскрепощенная готова раздвинуть ноги и подпустить мужчину настолько близко, а здесь целая куча комплексов и железобетонная уверенность, что с ней не все в порядке.

Вот, у нас просто затянулась пауза, а малышка смотрит на меня с такой паникой, будто я сказал, что мне хватит этого поцелуя и побежал драть на развратное порно.

— Все... хорошо? — Эта ее личная стоп-фраза, уже успел выучить: прячется за нее, когда боится, что что-то идет не так, как в ее голове, в фантазиях, где она сама себе

придумала «идеальный секс».

Наверное, все-таки нужно задать это вопрос. Может и не ко времени, но я должен понимать, куда мы собираемся пойти, и хочу, чтобы она тоже это понимала. Будет хуево, если испугается и сбежит из постели. Будет очень-очень хуево для нас обоих.

Я продолжаю держать руку у нее между ног: не глажу и не беспокою, просто обозначаю территорию, на которую собираюсь зайти... ну, почти прямо сейчас. Второй рукой убираю выпавшие из заколки волосы Очкарику за ухо, осторожно ее целую и спрашиваю:

— Малыш, тебя когда-то лизали между ног?

Она распахивает глаза и краснеет быстрее скорости света. Пытается отодвинуться, но я держу ее рукой и ногами. Ни единого шанса ее стыду, ни единого миллиметра между нами. Это не страх сейчас — Йени паникует, что я собираюсь пойти дальше, и все наше романтическое и ванильное разобьется об ее фригидность.

Уебать бы тому придурку, который внушил ей эту херню.

— Нет... — неуверенно, как будто признается, что у нее заразная болезнь, отвечает Очкарик. И вдруг ее рвет, как дамбу: — У меня очень мало опыта. Совсем нет. Я плохая скучная любовница, я не умею делать минет, у меня... очень большие проблемы с проникновением, потому что мне все время очень больно! Я... Со мной скучно в кровати, Антон. Ты... если...

Притягиваю ее за шею, снова целую, проникаю в рот языком и глушу все попытки сопротивляться. Вышвыриваю из ее головы хрень, которая не имеет ничего общего с действительностью. Женщина, которая была со мной в душе, не может быть фригидной и скучной. Просто ей не повезло с мужиками. Конкретно сейчас я бы даже поспорил, что их было-то всего несколько, возможно, не больше двух. А раз Наташка меня «посвятила» в ее проблемы, то бывший был тем еще хуйлом с вялым членом.

Она так пылко отвечает на поцелуи, немного неумело, но даже перехватывает на себя инициативу, что позволяю побыть ее игрушкой: расслабляю губы, закрываю глаза, пока Очкарик прикусывает меня, лижет языком и дышит на влажную кожу губ. Перебирается в уголок рта, кусает там — немного больно, но приятно. И еще ниже, по щеке, до края челюсти, оставляя влажный след.

За затылок прижимаю к себе: крепко, до ее жадного укуса где-то за ухом, до стопа мне под кожу, когда снова надавливаю пальцами ей между ног. Через одежду — сильно и немного грубо, чтобы почувствовала. Снова потянулась на носочки, дернулась, переступая с ноги на ноги.

Притягиваю ее голову к себе, заставляю выставить кончик языка и провожу по нему своим.

Мы не целуемся — просто лижем друг друга, пробуем на вкус.

— Так хорошо? — спрашиваю, когда она издает странный долгий вздох.

— Да, — едва слышно в ответ, в мой рот.

— Я хочу лизать тебя между ног, малыш. — Не умею говорить и не люблю, но ей нужно «увидеть», что будет. Увидеть это моими глазами — и захотеть. Чтобы желание потрахаться стало сильнее стыда. — Хочу раздеть тебя, посадить на свой язык и вылизать всю. Хочу губами твой клитор. Хочу чтобы текла мне в рот.

Ничего романтического, малыш, только грубое мужское желание.

— Хочешь этого? — Нахожу пальцами молнию ее домашнего комбинезона, тяну до упора вниз.

Очкарик дрожит, но сама освобождает плечо.

Я помогаю со вторым. Ткань со смешным принтом из овечек плывет по ее узким птичьим плечам, опускается до локтей.

Малышка вытряхивает руки — нервно, кусая губы, вздрагивая от любого моего движения.

Комбинезон сползает до талии, по бедрам, падает на пол.

Под ним топ на широких бретелях, и возбужденная грудь натянула ткань.

Прикусываю сосок, нарочно мочу слюной, чтобы на темно-розовой ткани осталось влажное пятно. Йени что-то бормочет мне в макушку, скребет ногтями плечи, и я помогаю снять с себя свитер. Футболка и джинсы — моя броня. Сегодня хрен она меня вытащит из этого, потерплю до нашего полноценного секса и кончу в нее.

— Хочу, — наконец, отвечает Очкарик. У нее ошалелый взгляд, в нем хочется заблудиться.

И пока я подбираю подходящий ответ, сама снимает топ.

Грудь у нее отличная. Я сжимаю ладонями, потираю соски большими пальцами, наслаждаясь рваными стопами в ответ. Когда-нибудь хочу потереться об них членом, кончить и смотреть, как она соберет все пальцами и оближет, с похотью глядя мне в глаза.

Я беру ее за руку и тяну в комнату, к лестнице, совершенно не уверенный, что на этот раз мы все-таки доберемся до кровати.

Глава тридцать девятая: Антон

Попытка просто идти за руку провалена через пару шагов.

Прилипаем друг к другу, путаемся в ногах, чуть не падаем, когда Очкарик выходит вперед, ставить ноги мне на ступни, поднимаемся, вжимается ртом в мою шею.

Как маленький вампир.

Оставит след?

Два шага к лестнице, но меня хватает на один.

Цепляю ее трусики большими пальцами тяну вниз.

Она вздрагивает, мотает головой.

Останавливаюсь, жду, чтобы сказала, чего хочет, но в ответ только сжимает губами мою губу и ерзает животом по пряжке ремня моих джинсов.

Еще шаг.

Клочок розовой ткани остается где-то за нашими спинами, но я так спешил, что на белой коже ягодиц остались красные полосы.

До кровати целый этаж.

На лестнице все-таки спотыкаемся.

— В жопу, — я тяну ее на себя, растягиваюсь прямо на ступенях, забрасываю голову, словно приговоренный в гильотину. Затылку неудобно, но плевать. — Иди ко мне.

— Ты одет, а я совсем голая, — пытается прикрыть грудь предплечьями, но я успеваю взять ее за запястья, завести малышке за спину, сжать в одной ладони. — Я... боюсь.

— А я — нет. Перебрось ногу.

Она садится мне на колени, и я немного толкаюсь бедрами в ее задницу, чтобы охнула, вцепилась руками в мою футболку. Вид снизу то, что надо: белая полная грудь, темно-розовые тугие соски. Надавливаю ей на спину, заставляю прогнуться. Прихватываю зубами тугую плоть, оттягиваю, лижу, пока Очкарик не начинает трястись.

И отодвигаю, заставляю сесть.

Охеренный вид, когда ее соски — во влажных следах моей слюны, моих поцелуев.

Она немного ерзает, когда проталкиваю ладонь между нашими телами.

Такая мокрая, что в голову ударяет дикое желание.

Мои пальцы легко скользят между горячими складками. Не тороплюсь, даю ей привыкнуть. Очкарик ведет бедрами навстречу, неосознанно подхватывает ритм. Краснеет и шумно дышит, но я невольно усмехаюсь, когда безошибочно угадываю слабую попытку сесть так, чтобы мои пальцы скользили вглубь, задевали клитор.

Хочешь кончить, малыш?

Тогда будет по-моему.

Осторожно, направляя, толкаю ее бедра выше и выше. Вверх по мне, держась одной рукой за перила. Расставляет ноги у меня над головой. Такая мокрая, что припухшая кожа блестит и течет.

— Антон... — Глаза такие испуганные, будто собирается меня убить.

За лодыжки уверенно наклоняю ее к себе, заставляю встать на колени.

— Сядь мне на лицо, малыш. Хочу тебя...

Правда хочу, до приятного покалывания в области копчика. И член встал, и трется об узкие джинсы, хоть матом ори.

Йени закрывает глаза, перестает дышать, когда приподнимаю голову и притрагиваюсь к ней губами. Просто целую сгиб бедра, но крепко удерживаю ладонью за ягодицу, чтобы не вздумала сбежать.

У нее гладкая кожа, все абсолютно идеально убрано под «полный ноль», как я люблю.

— Не... надо... — умоляет малышка, но вряд ли осознает, что разводит колени шире, опускаясь прямо на мои губы.

Втягиваю ее в рот — сразу всю. Слизываю влагу: с нее, с собственных губ.

Вдавливаю пальцы в бедра, прогибаю еще немного, чтобы наш «поцелуй» был идеально плотным.

Закрываю глаза.

Черт, как хочется, чтобы ее рот был вокруг моего члена.

Языком провожу по тонкой линии промежности, пока у моей наездницы не срывается первый громкий крик.

Осторожно и глубже — в нее, между гладкими складками, по влаге, которой так много, что течет по губам и подбородку. Если посадить ее на свой член, она запросто возьмет весь до конца. От предвкушения твердеют и подтягиваются яйца.

Я фиксирую ее руку на перилах, провожу пальцами по промежности, раскрываю для своего языка. Клитор прямо здесь, в сантиметре от губ: напухший, потемневший от желания.

Провожу по нему сначала пальцем, и ее бедра приподнимаются в произвольном желании убежать от слишком острого удовольствия.

Когда лижу языком, Йени кричит. Громко, до звона в ушах, от которого все равно приятно.

Втягиваю в рот, сжимаю возбужденную точку губами.

Порция влаги мне в рот, глотаю и накрываю ртом всю. Вталкиваю язык в тугую дырочку, приподнимаю за бедра — и снова опускаю. Трахаю языком до судорог, в которых Очкарик сдавливает мою голову коленями, цепляется пальцами мне в волосы. Подается навстречу уже сама, объезжая рот и губы: бесконтрольно, плавными яркими движениями вверх и вниз.

— Да да... — Прижимает мою голову к ступеням, вталкивает клитор мне в рот. — Да...

Я сосу ее уже сильно и туго, слизывая языком каждый ответный крик.

Она раскаляется прямо в моих губах.

Я глотаю каждый оттенок ее вкуса.

Успеваю сжать бедра, когда малышка подается вперед, теряет равновесие в попытках окончательно заткнуть мой рот своей промежностью.

Опирается на ладони где-то на ступеньку выше моей головы.

Раскрывается вся сразу: какая-то откровенно похотливая, с блядскими горящими глазами, с распахнутым ртом, криком на губах, пока сама же насаживается на мой язык.

Еще пара движений.

Клитор между моими жестко сжатыми губами. Тру его языком.

Йени дергается: раз, второй, третий. Живот втянут до предела, мы оба рвано дышим, но она все-таки срывается в длинный стон, запрокидывает голову, скребет пальцами по моей голове.

Больно — ну и хуй с ним.

Клитор дрожит у меня на языке, малышка дрожит надо мной, хнычет и выдыхает, в конце концов падая сверху.

Вся абсолютно голая в руки полностью одетому мне.

Волосы растрепаны, закрывают лицо, но я чувствую кончики пальцев на своих щеках.

Выдох, короткий неестественный смешок.

Поцелуй — глубокий и жадный.

Язык, слизывающий влагу с моих губ.

Ноги, переплетенные с моими.

Грудь под моей ладонью.

И частые хаотичные удары сердца.

Мы перебираемся в постель только через полчаса. Хоть неудобно и жестко, но валяемся на ступеньках, прижимаясь друг к другу, и даже на разговоры нет сил. Только приятная тишина и мое не очень приятное возбуждение, которое до сих пор упирается в молнию джинсов. Пару раз, когда Очкарик пыталась опустить ладонь мне на ширинку, я успевал ее остановить.

И сейчас, когда голым забираюсь к ней в постель, снова пробует «сделать что-то мне в ответ». На этот раз прижимаю запястье к матрасу, перекатываюсь сверху, чтобы лежала подо мной зафиксированная и неподвижная. Хорошо бы, чтобы даже задницей не вертела, потому что я как раз между ее ногами, и член упирается в горячую влагу тугого входа. Если там для языка было тесно, то что будет, когда вставлю в нее член?

Приятная дрожь перетекает с затылка на плечи, заставляет на мгновение прикрыть глаза.

— Малыш, секс — это не торгово-рыночные отношения, где баш на баш. Мне сейчас не то, чтобы комфортно, но нормально. Терпимо, — поправляю сам себя. — А чем больше терпишь, тем ярче потом оргазм. Так что кончу я, когда займемся любовью по-взрослому.

Она хлопает глазами и вдобавок кивает головой.

В чем-то — это тот еще геморрой: объяснять вроде как взрослой женщине элементарные и понятные вещи. Но я опять же знал, на что подписывался.

— Я — твой чистый лист, — как будто услышав мои мысли, говорит Йени, потираясь о мою щеку кончиком носа. — Что на мне напишешь — то и получишь.

— Да я в курсе, женщина, — усмехаюсь в ответ и возвращаюсь на свою половину кровати.

Мы поворачиваемся друг к другу спинами, совершаем этот ритуал уже почти синхронно.

Прижимаемся задницами, но Очкарик снова умудряется лечь так, чтобы тереться об мою поясницу.

Кажется, я начинаю к этому привыкать.

Глава сороковая: Йен

О том, что с мамой предстоит серьезный разговор, я, конечно, знала.

И даже пыталась подготовить пару правильных фраз, которыми собиралась прикрыться как щитом.

«Мам, Антон мне правда очень нравится, он понимает меня и бережет».

«Мам, не имеет значения, что и кто о нем говорит, потому что я знаю, какой он, когда со мной».

«Мам, Антон не сделает мне больно, потому что он — не такой».

И чем больше я «проговаривала» эти фразы, тем сильнее становился мой внутренний страх.

Я же правда привязалась к нему.

Я, закрытая в толстой броне драконьего яйца больная на голову дурочка, пустила в себя чувство, сделавшее меня зависимой. Привязанной. Нуждающейся в том, чтобы этот человек стал частью моей жизни. За... такой ничтожно короткий срок, что когда подсчитываю в голове количество дней от момента знакомства и до сейчас, начинают трястись руки. Я смазано провожу краем утюга по большому пальцу, вскрикиваю и трезвею.

На автомате вешаю рубашку на «плечики», убираю доску и утюг.

Сажусь на пол и поджимаю колени до самого подбородка.

Что со мной будет, если «мы» перестанем существовать через неделю или две? Если случится один из тех идиотских поводов, которые происходят каждый день и просто так, вообще без причины, и мы станем просто еще одной парочкой, которая прожила вместе меньше, чем падающая звезда?

Мне страшно сознаваться в этом даже себе самой, потому что ответ не сулит ничего хорошего.

Мой мужчина в погонах просто оказался самым понимающим, терпеливым и внимательным. Оказался наркотиком, от которого я «заторчала» с первой же дозы. И если бы кто-то на проклятой свадьбе предупредил меня об опасности влететь в зависимость, я бы сбежала до того, как тамада свела нас в дурацкой игре с прищепками.

Я слишком долго не разрешала себе ни к кому привязываться.

А если не кривить душой, мне и не хотелось.

Но, может быть, рано паниковать и стоит просто отпустить ситуацию?

Около четырех звонит Вика. Я смотрю на ее имя на экране телефона и пытаюсь предугадать, о чем пойдет разговор. Пытаюсь слишком долго, потому что в итоге так и не беру трубку. А когда Вика тут же перезванивает, интуиция подсказывает, что отвечать не нужно. Что я просто «не вывезу» этот разговор. Она хочет вывалить на меня кучу дерьма о том, каким плохим был мой Антон со своей бывшей? Мне плевать, даже если он плохой со всем остальным миром.

После десятка пропущенных Вика присылает сообщение, которые выбивает меня из колеи.

«Я все знаю».

К чему это? Что она знает, я убедилась пару дней назад, когда собственная мать выплюнула ее знания мне в лицо.

А еще через полчаса звонит Вадик. А ему что нужно? Последний раз мы разговаривали

лично и без свидетелей полгода назад, когда она помогала ему выбирать кольцо для Вики, которое она бы носила вместе с обручальным. До того и после того — только на семейных торжествах, где ни разу не оставались одни. А после признания Вадика я даже перестала отвечать на его письма, хоть мы переписывались еще со школы: по старинке, нарочно игнорирую удобные мессенджеры.

— Йени? — Голос в трубке надорванный. Слышу, как дыми сигаретой, хоть Вика говорила, что он пытается бросить после рождения сына. Который уже раз? Дымит как паровоз с девятого класса. — Прости, я такой долбоёб.

— Мне Вика названивает уже целый час, — говорю я, на всякий случай присаживаясь на край дивана. Чувствую, что эти звонки как-то связаны. Если копнуть глубже, то даже понимаю, как, но до последнего хочу верить, что это просто недоразумение. Возможно, они с Викой снова не договорились насчет даты крестин? — С малым все хорошо?

— Она нашла фотографии у меня в телефоне, — как и не слышит Вадик. Возится, кажется, сминает пустую пачку сигарет и вскрывает новую. — Я все ей сказал. Мне надоело это в себе носить, Йени. Я заебался жить с женщиной, которую никогда не любил!

Я кладу телефон на стол и ладонями сжимаю колени.

Что он несет? Зачем все это?

— Не молчи! — Вадик говорит так громко, что его прекрасно слышно даже без громкой связи. Но все равно переключаю вызов на внешний динамик. Почему-то страшно брать телефон в руки, как будто это тоже могут приписать в обвинительное дело о нашей измене. — Йени, я люблю тебя. Всегда любил. Всегда буду.

— Ты пьяный? Какие фотографии?

— Я не пью, ты же знаешь.

Знаю, но лучше бы пил. Тогда это хоть как-то бы объясняло происходящее.

— У меня в телефоне были наши фотографии. — Вадик чиркает зажигалкой. — Помнишь, как на озеро ездили в прошлом году?

Мы ездили семьями. Вадик и Вика встречались уже почти два года, а я была с Сашей. И родители тоже были с нами. Какие «не такие» фотографии могли быть, когда мы с ним даже толком и не разговаривали?!

— Помнишь, я попросил Сашку сфотографировать нас вдвоем? — говорит Вадик. — Он сказал, что не хочет попасть под горячую руку Викиной ревности, а она ответила, что не ревновала бы к тебе, даже если бы я захотел сфотографироваться с тобой голой?

Я пытаюсь выудить из памяти этот разговор. На ум приходит только закат, озеро после дождя и запах дымящихся углей, в которых мой отец запекал рыбу в глине. Фотографировались ли мы вдвоем? Возможно. У нас после каждой поездки кланом целые сотни фотографий, которые моя мама обожает выкладывать в свой фейсбук.

Но даже если так — Вика должна знать, где была сделана та фотография, о какой ревности может идти речь? Это же просто смешно.

И тут я с опозданием вспоминаю, что Вадик сказал не «фотография», а «фотографии».

— Йени, я развожусь с ней.

— Вика нашла не одну фотографию?

Вадик почему-то громко смеется.

— Я говорю, что хочу быть с тобой, что люблю и подыхаю без тебя, а тебя волнует, что там у меня в телефоне? — Я не отвечаю, и он все-таки признается: — Я сохранял все твои фотографии, Йени. Все, какие ты выкладывала в инсте, все, которые были с тобой на

странице твоей мамы. Не знаю, сколько их. Много.

Много?

Я еще не совсем пришла в себя после падения, поэтому головокружение приходит вместе с болезненной резью в глазах, как будто в лицо направили лампу дневного света.

— Вадик, ты что наделал? — На корне языка, в самом горле, появляется знакомый горький вкус тошноты. — Ты что наделал?!

— То, что нужно было сделать уже давно, — спокойно отвечает он. — Послушай, пожалуйста. Не клади трубку! Я оставлю Вике все: квартиру, машину, все, что в квартире. Буду платить алименты на сына. У меня есть однушка — и я кое-что скопил. Вика не знает. Мы с тобой... Мы должны хотя бы попробовать. Наплевать на всех и пожить для себя.

— А меня ты спросил, хочу или я украсить собой твою большую фантазию?!

Меня трясет и выворачивает.

Вадик пытается докричаться, но я заканчиваю вызов.

Хочу спрятать телефон под подушку, но на экране всплывает сообщение от Вики: *«Ты — сука. Ты забрала моего мужа, а я заберу твоего мужика»*.

Мне кажется, что мир разваливается прямо у меня под ногами. Как в фильме Нолана об осознанных сновидениях, где вдруг что-то идет не по сценарию, и герой понимает, что сцена под ним превращается в кубики, которые летят в пропасть. Еще секунда — и он рухнет следом, в полную неизвестность.

Может быть, я просто сплю?

На всякий случай несколько раз щипаю себя за сгиб локтя, до слез из глаз, до красного следа на коже.

Не сплю. Но и не понимаю, каким образом меньше, чем за минуту, оказалась в реальности, где один мой школьный друг оказался влюбленным в собственную влюбленность идиотом, а лучшая подруга, самый близкий человек, только что пообещала разрушить мою жизнь. За то, к чему я не имею ни малейшего отношения.

Толстые стены вокруг моего внутреннего покоя начинают покрываться трещинами. Я хватаю все, что попадает под руку — варианты решения проблем, яркие приятные эмоции, воспоминания, и пытаюсь «стереть» разломы, но это почти не помогает.

Голова болит еще сильнее.

Телефон разрывается почти непрекращающимися звонками. Я закрываю экран ладонью и сую его под подушку, бегом, почему-то на цыпочках, по лестнице вверх, но на пролете спотыкаюсь, подворачиваю ногу и усаживаюсь прямо на дощатое перекрытие. В окне напротив моя любимая петербургская погода: серый дождь без ветра и небо в тяжелых тучах, больше похожих на сахарную вату со вкусом дыма.

Умом я понимаю, что должна что-то сделать: ухватиться за тот самый кирпичик, который не даст рухнуть моему внутреннему спокойствию, чтобы собраться с силами и подумать, как поступить. Вика... Она всегда была очень целеустремленной, всегда рвала вперед на полных скоростях, как и Саша. И я немного завидовала ее характеру и даже пыталась подражать, чтобы язык не прятался в известной место при первой же трудности.

Если Вика чего-то хочет — она всегда это получит.

Я пытаюсь вспомнить хоть одно исключение из правила, но ничего не получается. Она всегда получала вещи, которые хотела, поездки, которые хотела. И мужчин, которых хотела, даже просто ради развлечения, потому что любила «цеплять» просто для личного удовольствия, на один вечер без продолжения.

Голова взрывается приступом тупой боли, когда в ней появляются образы красивой уверенной Вики с харизмой и аурой сексуальности — и моего Антона рядом. Я пытаюсь вытолкать их, влезть между силуэтами, разорвать в клочья, но чем больше стараюсь — тем больше плоти нарастает на их костях. Как в Гарри Поттере, когда бедный Рон вскрыл крестраж — и мерзкий Волан де Морт отравлял его желчной ревностью.

Они общались на Дне рождения моего отца? Сидели рядом? Успели сказать друг другу те самые пару слов, которые высекают искру взаимной симпатии?

Сколько проходит времени, прежде чем до меня начинает доходить, что я снова накручиваю себя и сгущаю краски? Уже темно и свет фар за окном подсказывает, что Антон вернулся с работы.

Это глупо, но я чуть не прилипаю к окну, пытаюсь разглядеть выражение его лица.

Может быть, Вика уже звонила ему? Как всегда, как она умеет, включила харизму на максимум, нашла причину, по которой они должны увидеться.

Сжимаю виски запястьями, сильнее и сильнее, до отрезвляющей боли.

Это просто паника. Я снова пытаюсь вернуть прошлое и исправить свою недалекость.

Пока Антон возится с воротами, успеваю подняться в спальню, достать сумку и пластинку с таблетками. Выдавливаю капсулу на дрожащую ладонь, забрасываю в рот и проглатываю даже без воды.

Перевожу дыхание.

Встаю.

Смотрю на себя в зеркало, примеряя подходящую улыбку. Пожалуй, вот эта, как у ванильной дурочки, подойдет идеально.

Антону навстречу выбегаю пулей — и сердце приятно сжимается в груди, когда он улыбается в ответ и протягивает бумажный пакет с логотипом «Black Star Burger».

— Я же ужин приготовила, — говорю немного растерянно, но охотно прижимаю к груди еще теплый пакет.

— А я такой голодный, что сожру все, — скороговоркой говорит Антон и прижимает к уху телефон. — Мальш, работа, я на телефоне сегодня вишу.

Рассеянно киваю, и угощения вдруг становятся такими тяжелыми, что еле-еле успеваю донести их до стола на кухне.

Он даже в щеку меня не поцеловал, но это ведь ничего не значит?

Просто мой мужчина в погонах очень занят.

Просто он... совсем не романтик.

Просто... Вика...

— Йени, тут твой телефон! — кричит из гостиной Антон, и я киваю, хоть он не может этого видеть.

— Выключи, пожалуйста! — кричу в ответ. — Не хочу ни с кем разговаривать.

Все хорошо, я просто снова «сорвалась».

Родители не виноваты, что у них сломанная дочь, поэтому я берегу их от себя самой.

Мои близкие — пара человек, а теперь уже минус один — не виноваты, что по неосторожности делают мне больно, и я тоже прячу от них себя настоящую.

Антон не виноват, что я боюсь верить мужчинам. И я тоже буду беречь его от себя самой.

Маску милой дурочки я могу носить почти без изъянов.

Милая дурочка удобна всем: она всегда понимает, принимает и радуется, не грустит и не боится спать без света.

Глава сорок первая: Антон

На работе бывают дни, когда просто аврал.

Бывает пиздец.

А бывает полный пиздец, вот как сегодня.

Обычно, когда случается вариант три, я стараюсь свалить домой, как только появляется возможность, и завалиться спать, чтобы к утру голова снова была работоспособной. Но сегодня пришлось немного покататься по городу, потому что дома у меня девчонка после сотрясения, и мне тупо страшно, что она может сделать что-то такое, из-за чего я взорвусь. Или я сделаю что-то такое, из-за чего она пустится в слезы.

Так что покупаю бургеры — которые люблю, но сегодня вряд ли есть аппетит — и потихоньку, черепащим шагом, рулю домой.

По дороге звонит мама, спрашивает, как дела у нас с Очкариком, и только потом очень нехотя говорит, что ей звонила Наташа. Спрашивала, не сменил ли я номер, потому что у нас с ней «общее дело и мы должны быть на связи». Не на связи я потому, что заблокировал ее номер. Этот цирк уже перестал развлекать даже в научно-познавательных целях.

Да и вообще: заебало быть понимающим мужиком.

Йени встречает меня счастливой мордашкой: улыбается, с любопытством заглядывает в руки — что я там привез? Все же ее реакции удивительно забавные: то строгий взгляд, когда не очень удачно шучу, то вот такая детская непосредственность, когда огорчается, что я привез ужин к ужину.

Она пытается быть комфортной. Удобной для меня. Никогда у меня такого не было, и это нереально тешит ЧСВ^[14].

Так что приходится запихнуть подальше злого Антошку и, чтобы не натворить дел, сбежать в другую комнату, разговаривать по телефону. Когда я зол — меня совсем нельзя трогать. А когда мне изошренно имеют мозги весь день, пытаются доказать, какое я говно и как меня в легкую прижмут ногтем большого пальца — я предпочитаю быть абсолютно один в принципе.

Расслабиться помог бы секс: быстрый, без долгой прелюдии, просто чтобы физиологически снять напряжение. Потом ужин и еще потрахаться.

Но Очкарик, кажется, «не вытащит» этот сценарий.

На экране ее телефона, который нахожу в гостиной, имя и фотография печального Пьеро. Какого хера он ей названивает в десять часов вечера? Не без удовольствия выключаю ее телефон, решаю еще пару вопросов — и в животе урчит, когда из кухни тянется аппетитный аромат. Так замотался, что даже толком не поел в обед.

После душа мышцы немного расслабляются, голова перестает пульсировать от переизбытка мыслей, и пока в пару движений привожу в порядок свою щетину, у меня уже есть пара работоспособных вариантов, которые завтра же попробую провернуть.

Когда выхожу из ванной, натыкаюсь на Очкарика. Стоит у противоположно стены и смотрит как-то... ошалело что ли?

— Малыш, что случилось?

— У нас все хорошо? — вопросом на вопрос отвечает она. — Я немного беспокоюсь.

За много лет тесного общения с самыми разными женщинами этот вопрос успел попасть в мой личный топ нелюбимых бестолковых фраз. Потому что никогда не понимал,

что женщина хочет услышать в ответ? Что все хорошо? А если это вранье? Или что все плохо — и тогда она с чистой совестью закатит скандал? Когда я был молодым и неопытным, пару раз честно отвечал, что все неплохо, но вот тут, тут и тут... После пары истерик понял — женщина не хочет знать честный ответ. Просто в ее голове что-то перекаливает — ПМС, сломанный ноготь, пятно на любимой блузке, Венера в Меркурии и другая похожая лабуда, которая выливается в желание устроить конфликт на ровном месте.

Обычно, если у меня хорошее настроение, я врубаю классного Антошку и говорю что-то вроде: «Да, у нас все отлично». Если исхожу на говно — могу послать на хуй.

Но Очкарик спрашивает не просто так и не потому что у нее зачесалась пятка. Она пытается прикрыть тревогу улыбкой удобной девушки, но прилагает усилия, чтобы держать уголки губ достаточно приподнятыми.

— У нас все хорошо, — спокойно, держа в уме, какая она замороченная, отвечаю я. — У меня правда завал на работе, я злой и дурной, и меня лучше пока не трогать. Отойду — и все будет хорошо.

Она осторожно кивает.

— Ты говори мне... ладно? — пытается подобрать правильные слова. — Вот прямо с порога: «Йен, меня не трогать». И я буду тихонько ждать, пока ты выдохнешь. Я... не хочу попасть под горячую руку. Испугаюсь, начну разводить мокроту, ты будешь раздражаться.

— Договорились, писательница, буду все тебе говорить.

За последние годы — или вообще за всю жизнь? — это первая женщина, которая говорит: делай со мной вот так, чтобы я не натворила дел.

А ведь это реально охуенно.

Мы делаем по два шага навстречу друг другу.

Все же, пусть меня еще бомбит, абсолютное доверие в ее глазах заставляет притянуть Очкарика к себе, с удовольствием обхватить ладонями ягодицы и потянуть вверх, чтобы живот плотно потерся об член.

Хочу ее — хоть разорвись.

— Антон? — Она стаскивает с волос несчастную заколку. — Пойдем трахаться?

Вот так запросто, практически транслируя мои мысли. Красная и горячая от стыда, но с затуманенным как будто пьяным взглядом.

— Ну слава яйцам, — усмехаюсь я, откровенно довольный.

До спальни отсюда — метра три.

Их можно пройти за пару секунд, упасть в кровать и оторваться друг с другом, как это обычно бывает, когда люди впервые занимаются сексом: с любопытством, огнем, драйвом и особенным вкусом познания новой женщины.

Но с Очкариком все это не будет работать, потому что хоть она и сказала, что хочет и готова, уверен — сбежит, как только почувствует опасность. Есть в ее поведении что-то от дикой кошки: боится любой близости, не хочет подходить на опасное расстояние, но голод толкает вперед. Если перегнуть или поспешить — убежит и закроется в себе.

А мне этого не хочется, потому что сейчас хочется ее, и по фигу, что я голодный и злой после работы, и голова до сих пор пытается «работать на работе».

По шагу за раз, прижимаясь друг к другу, мы сокращаем расстояние до двери.

Очкарик трусливо поджимает губы, когда снимаю с нее очки и роняю на домашние штаны, которые она сама с меня стаскивает. Отстраняюсь, чтобы посмотреть в эти огромные глаза, попытаться угадать, чего она ждет от этого секса?

А, ну на хрен.

— Малыш, ты... точно хочешь? — Я должен это спросить, чтобы она развязала мне руки. Если это не импульс, инициатива будет в моих руках.

Она думает. Несколько долгих секунд, за которые успеваю пожалеть о дурацком вопросе. Не всем женщинам нужно давать шанс одуматься, даже если они замороженные, как эта.

— Точно хочу, — осторожно говорит она. — Только я... У меня правда нет опыта.

Я обнимаю ее лицо ладонями и, кажется, впервые целую так, как это показывают в женских фильмах: просто обхватываю губами ее нижнюю губу, легко посасываю, чувствуя теплое дыхание на коже и ответные неумелые движения.

«С поцелуями у нас сложилось», — почему-то слышу ее голос в своей голове.

И ловлю себя на мысли, что мне хочется целовать ее по-разному, всеми возможными способами, под разным углом, даже если моя голова будет у нее на коленях и я превращусь в манекен для тренировок. Готов отдать этому замороженному чуду в безраздельное пользование.

— Опыт, писательница, — приподнимаю ее и оставшиеся несколько метров проношу на руках, как фарфоровую куклу, которая может треснуть, если быть с ней нетерпеливым, — не всегда и нужен.

Ставлю ее на кровать, и теперь она смотрит на меня сверху вниз, цепляясь в плечи. Царапает, но сейчас это даже приятно и немного отрезвляет.

Молния на комбинезоне податливо расходится, воображение взрывается образами, когда не нахожу под ним ни намек на бюстгальтер. Только подаренный мною медальон, который Очкарик, словно талисман на удачу, крепко сжимает ладонью.

Никогда не понимал прикола медленно раздевать женщину, хоть некоторых это правда заводит. Но ведь все самое интересное начинается, когда оба голые, и никто не пыхтит над пуговицами и крючками, изображая страсть а-ля софт-порно.

И все же стаскиваю комбинезон по ее узким воробьиным плечам, на локти, нарочно тяну на себя уже наполовину пустые рукава, заставляю сделать шаг. Прямо перед глазами — сексуальная ложбинка между полными полушариями. У нее здесь маленькая родинка, слева, и я поддаюсь желанию лизнуть ее, как будто это часть особенного ритуала для сегодняшней ночи. На языке остается вкус ее духов: те самые льдистые колючие цветы, почему-то белые в моем воображении.

Очкарик вздрагивает, пытается отодвинуться. Всегда так делает, когда происходит что-то вне зоны ее контроля. Даже удивительно, как успел так быстро выучить ее повадки, хоть она самая непростая женщина в моей жизни.

Удерживаю на месте, перехватывая локти до приятного покалывания в запястьях.

Хочется просто бросить ее на спину, раздвинуть ноги и посмотреть, как закроет глаза, когда вставлю ей по самые яйца, как потом задрожат эти колени с парой очень несексуальных синяков и царапин, как будет кричать, пока буду трахать ее.

От злости, что все это явно будет не сегодня, прикусываю родинку, как будто она виновница всех моих бед.

Малышка пытается освободить руки, и на этот раз я даже ей помогаю.

Ее темно-синяя «защитная скорлупа» падает по бедрам до лодыжек.

Мы снова целуемся, теперь притягиваясь друг к другу с жадной страстью. Стучимся зубами, смеемся от этого и снова присасываемся ртом в рот, языком к языку.

Обхватываю ее грудь двумя ладонями, сжимаю, сглатываю потребность попробовать соски зубами.

У нее прохладная кожа, под моими пальцами покрывается колючей россыпью мурашек. А у меня стоит так, что впервые в жизни немного больно от желания.

Меня странно выкручивает, ломает, хочется заполнить ее рот своим дыханием, подчинить себе влажный язык, посмотреть, как она выставляет его, когда ждет моего прикосновения. Хочется стащить с кровати, надавить на плечи и смотреть, как белокурая голова с растрепанными волосами прижмется к моему животу, тонкие пальцы обхватят член у самого основания, как этот язык будет пошло слизывать с меня первые влажные капли.

Сдавливаю ее бедра руками. По хер, что больно нам обоим: мне ломит костяшки, она вздрагивает от того, что пальцы продавливают кожу куда-то почти до самых костей.

Она повторяет мои движения руками: скребет ногтями по бокам, оставляя следы, которые я точно проношу пару дней, задевает пальцами резинку трусов, стаскивает их нервно и неумело.

На нас больше ничего нет, кроме двух «ошейников»: ее медальона со звездой и моего с волчьей головой, который сам не понимаю, зачем ношу до сих пор.

Я все-таки толкаю Очкарика на спину, стараясь придержать рукой.

Матрас пружинит под ней. Малышка громко выдыхает, пытается сжать ноги, но я вовремя вставляю между ними колени. Она инстинктивно скрещивает руки на груди, и мне хочется ругаться, потому что от стыда у нее покраснели даже уголки локтей. Если бы я знал, что она не закроется после этого — привязал бы к кровати в позе Х. Чтобы была вся передо мной, чтобы орала от стыда и удовольствия, пока буду делать с ней все, чем напичкана ее голова. Не знаю откуда и почему, но даже не сомневаюсь, что под этой кожей с веснушками прячется та еще маленькая блядь. Для своего мужчины, которому доверится и откроется в своих желаниях.

Хочу вытащить ее наружу.

Хочу показать, что я тоже люблю не ванильно потрахаться.

Глава сорок вторая: Йен

Мне так страшно, что внутри все натянуто до предела. Как будто я старая кукла и мои конечности держат натянутые под кожей резинки, и несущий стержень, на котором держится эта примитивная конструкция, вот-вот сломается.

Нужно просто отпустить все это.

Не вспоминать.

Закрыть глаза, открыть и...

Снизу-вверх у Антона совершенно невероятное лицо. Этот прищур уже не кажется веселым, от него хочется закрыться, как грешнице от искушения. И на приоткрытых губах — влажные следы моих поцелуев. Я притрагиваюсь к ним пальцами, невольно вытягиваюсь, когда он ловит один зубами, языком повторяя на коже все то, что вчера делал у меня между ног.

И снова хочется сгореть от стыда.

Свести ноги.

Сжать его коленями за бедра.

Я как будто выставлена вся напоказ — не сбежать и не отмотать назад.

Но ведь я и не хочу.

Это же... мой мужчина. Не тот другой. И вместо шрама — пара родинок.

— Если я попрошу остановиться — остановишься?

— Конечно, малыш, — без заминки, уверенно и честно, одновременно поглаживая ладонью мой живот, задевая пальцами пупок и усмехаясь в ответ на волну дрожи, которая поднимается вверх по моему телу. — Но ты не захочешь останавливаться. Не обманывай себя, Очкарик.

Да, наверное. Я цепляюсь за шанс ничего не менять, не усложнять свою и без того очень непонятную жизнь.

Ладонь спускается ниже, по невидимой дорожке от пупка вниз, двумя пальцами между ног.

Это почти касание.

Хочется больше, ярче.

Антон усмехается своей дьявольской улыбкой, когда до меня доходит, что сама подаюсь навстречу, верчу бедрами на одеяле, пытаюсь получить больше и сильнее, почувствовать поглаживания клитора, от которых у меня кружится голова.

Я хочу перестать вспоминать... все.

Хочу, чтобы он сделал для меня маленькое чудо — чистую память, прошлое, в котором в моей жизни есть только он.

И я просто поднимаю руки, обхватываю его шею, притягиваю к себе, чтобы задохнуться от поцелуев.

Он прикусывает меня за острый край челюсти, одновременно надавливая пальцами между ног.

Мне стыдно, что я такая мокрая. И хорошо, что так впервые. А значит, может быть, хотя бы сегодня мне не будет больно.

Мой мужчина целует меня, раскрывает рот своими губами. Осторожно вводит язык, повторяя то же пальцем. Я напрягаюсь, сжожу колени и заживаю руку. Нужно послушать

себя.

Я не хочу, чтобы снова было больно, чтобы потом бежать в ванну и смывать слезы, «придумывая», что это просто неправильная физиология.

Мы размыкаемся, смотрим друг на друга.

Не хочу больше бояться.

Развожу ноги максимально широко, сама толкаюсь навстречу. Давление проникает в меня — настойчивое, тугое. Не больно. Плотно и жестко, но не больно.

Это так тесно, что хочется задохнуться. Горло сводит от желания попросить сделать со мной... все. «Все» — это мое личное и запретное, табу, о котором не сказать, чтобы не быть грязной и плохой. Не быть... шлюхой, которую не целуют после секса, словно пластиковый стаканчик, который никто не ставит на полку с домашними многоразовыми чашками.

Я несколько раз свожу и развожу ноги, начинаю толкаться навстречу нестройному ритму.

Закусываю губу, когда пальцев уже два — и я сама насаживаюсь на них до самой ладони.

Замираю.

Мотаю головой, когда Антон убирает руку. Он прижимается губами к моей шее, грубо и нетерпеливо трахая меня пальцами. В тишине комнаты влажное эхо этих движений закипает стыдом под кожей.

Он становится на колени между моих ног, фиксирует меня свободной рукой.

Намного разводит пальцы внутри, и когда я с шипением втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, тянет за ногу себе навстречу.

Я вся мокрая на его пальцах и ладони. Чувствую это даже с закрытыми глазами.

Сейчас так туго, что боль прокалывает куда-то вверх, как игла в сторону пупка. Но это приятная боль. Можно представить, что все это... впервые? Мне нужно перекрыть старые воспоминания новыми, приятными и острыми. Забить старый шрам красивой татуировкой.

— Застонешь еще раз — терпение у меня лопнет, — очень мрачно усмехается Антон.

Его член в паре сантиметров от моей промежности, и я, как дикая и сумасшедшая, приподнимаю бедра.

Зову его по имени — хрипло, как дурное животное в течке.

По фигу.

Пусть даже будет очень больно — я хочу обнять его ногами и руками, чувствовать, как будет трахать меня глубоко и жестко, даже если мне захочется плакать.

Эта боль меня оживит.

Я верю. Я знаю.

И мне больше не страшно.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга. Я дышу открытым ртом и кажется, что с губ срываются облачка пара. Внутри все раскаленное, кровь пузырьками колет вены.

«Не останавливайся больше, — умоляю одним взглядом. — Не бойся меня сломать — я выдержку».

Антон забрасывает мои ноги себе на колени, водит головкой члена у меня между ног, как-то очень открыто, откровенно за нас обоих, задевает клитор.

Я приподнимаюсь на локтях.

Хочу видеть, чувствовать, слышать. Проглотить все это всеми чувствами.

Подмахиваю бедрами вперед.

Хватит меня мучить!

Движение бедрами в меня — плавное и уверенное.

Я рву ногтями простыню, распахиваю ноги, задерживаю дыхание.

Член входит до конца, яйца ударяются о промежность, и этот звук — что-то совершенно пошлое, как порнография, от которой смущаются куда более смелые зрители, чем я.

Мы звучим вот так?

Мгновение полной тишины.

Мне нравится смотреть, как наши тела соединяются внизу. Нравится, что живот напрягается, что там, где во мне член моего мужчины — горячо, натянуто до предела. Я невольно сжимаю его внутри — это как будто что-то на чистых инстинктах, чего не понимаю.

И когда Антон медленно выскальзывает почти до конца — сама насаживаюсь на него.

— Просто давай уже... потрахаемся? — Мне кажется, голос звучит капризно и плаксиво. — Все хорошо. Можно... сильнее.

Господи боже, просто отдолби меня, как последнюю...

Я жить хочу! Быть той, кем хочу быть — с тобой и для тебя.

Он как будто ждал именно этого. Самоконтроль испаряется с его лица одновременно с тем, как Антон толкает меня на простыни, перехватывает обе руки и грубо, до боли в плечах, заводит их мне за голову.

Растягивает, как послушную игрушку.

Выходит, замирает, наслаждаясь моим громким воплем, и жестко входит до упора, с оттяжкой, сильно.

Снова выходит — и снова в меня.

Кажется, пытается не торопиться, но я не хочу играть. Не сегодня.

Боль и удовольствие накатывают, укрывают с головой.

В тишине комнаты мы стонем друг для друга, влажные хлопки ударов каждый раз раскрывают щеки красным.

И в какой-то момент ломаются тормоза у нас обоих.

Мы глубоко друг в друге.

Антон трахает меня в каком-то уверенном ритме, и каждый раз, когда мошонка колотится о мою промежность, хочется ругаться. Приличных слов не осталось. Только какие-то крики, просьбы, которые он, нависая надо мной, слизывает языком.

Мой мужчина уже не осторожный. Сорванный, яркий.

— Можно, можно... — зачем-то всхлипываю я.

Пусть знает, что его чистый лист больше не будет зажиматься.

Ее можно использовать, как хочется. Для своего удовольствия.

А потом мой внутренний стержень... ломается.

Я распахиваю губы, но не кричу. Просто руки и ноги больше не слушаются, просто дрожу, как больная, как будто нанесли миллион тонких ран и каждую посыпали сахарной пудрой. Так приятно, что сводит горло.

Антон отпускает мои руки, падает сверху, прижимая собой к кровати, грубо вдавливая в матрас.

Натягивает на себя, и я чувствую, как его спина напрягается под моими пальцами, как напрягается поясница, когда член вбивает в меня толчки спермы.

Несколько длинных секунд.

Ярче, чем вся моя жизнь до этой ночи.

Глава сорок третья: Антон

Я просыпаюсь посреди ночи от урчания в животе.

После секса мы с Очкариком выключились, даже не заметил, как. Просто лежали, пытались восстановить дыхание. Она прижималась щекой к моему плечу, я гладил ее по голове и вообще ни о чем не думал. После секса обычно хочется просто полежать, отпустить весь день и наслаждаться предвкушением пятницы, после которой у нас будет целых два выходных впереди.

Ужин, который приготовила малышка, давно остыл. На часах была половина третьего ночи, так что побросал в тарелку всего по чуть-чуть, вернулся в гостиную и растянулся на диване, без всякой цели переключая каналы.

И мысли сами уходят куда-то не туда.

Мне нравится, что я прихожу не в пустой дом. Что на пороге постоянно улыбка с веснушками и что она изо всех сил пытается сделать мне хорошо. При этом не корчит из себя мученицу, которой приходится прилагать невероятные усилия, чтобы подстроиться под меня. Для нее все это естественно. Это классно. Но и пугает, потому что где-то на уровне подсознания, если убрать в сторону комфорт, который создает Очкарик и мое стремительное к нему привыкание, есть что-то не совсем нормальное в том, как она пытается стать удобной.

Влюбилась в меня настолько сильно, что успела раствориться?

На ум приходят слова, которые сказала в больнице — что не может без меня дышать. До сих пор не по себе от такой откровенности. Даже в голову не приходило, что она могла лукавить. Это глупо и обычно я не позволяю себе так доверять людям, но почему-то она точно не похожа на человека, который может что-то скрывать или намеренно перекручивать.

Хотя, конечно, до сих пор не понимаю, почему делает такой большой секрет из того, кто ее отец и что она — не совсем обычная девочка. Я бы и в лоб спросил, но как-то... Да в общем. Это не имеет значения. В любом случае не похоже, чтобы Очкарик относилась к тому типу женщин, которые считают, что их более выгодное финансовое положение дает право прижимать мужика к ногтю. Хотя, чего уж там, Наташа сразу тоже казалась женщиной, которая примет меня как есть.

Я так и засыпаю на диване: сытый, расслабленный и довольный.

Но открываю глаза, когда слышу осторожные шаги. Очкарик осторожно убирает с кофейного стола посуду, кладет в тарелку пару бумажных полотенец, а уже в них — вилки, чтобы не греметь. Даже не видит, что наблюдаю за ней из-под полуопущенных ресниц. Поправляет волосы, прикусывает губу, когда случайно задевает чайную ложку в чашке — и громкий «дзынь!» эхом проносится ко комнате.

Мы смотрим друг на друга.

У нее смущенная улыбка и в уголке губ белое пятнышко зубной пасты.

— Прости, что разбудила.

Держится настороженно, как будто боится, что прошлая ночь ей приснилась. Типичное поведение женщины после первого секса. Когда сходит пелена оргазма, их мозг начинает анализировать, перебирать в памяти, как все прошло, где были их руки и ноги, не была ли видна складка на животе, эффектно ли смотрелась грудь. Начинают вспоминать, как вел

себя мужчина, поцеловал ли после секса, как он проснулся, куда смотрел, когда они впервые увидели друг друга после секса. Я встречался с одной болтливой малышкой, которая любила секс и не заморачивалась насчет количества партнеров. Она-то и раскрыла мне глаза на тонкости женской души. Сказала, что сама цеплялась за каждый пустяк, пока не набралась опыта и не перестала видеть в мужчине объект обязательного удовлетворения. Для нее все проблемы исчезли сразу после того, как она начала трахаться для собственного удовольствия.

Но Очкарик — это и близко не она.

Наверняка успела напридумать себе всякой хрени. Хотя бы потому, что выглядит все это так, будто после всего, что случилось, я не захотел спать с ней в одной постели.

— Я же говорил, что чутко сплю, — пытаюсь улыбнуться спросонья. Сажусь, потираю глаза и пытаюсь помочь ей с посудой. Правда, снова заваливаюсь на диван. Хочется снова завалиться спать, но на часах уже почти восемь — и так проспал, хоть это и не критично. Все важные дела на сегодня раньше обеда не решатся. — Ты в порядке, малыш?

Даже не знаю, как спросить, не сделал ли ей больно. Вроде сама хотела и просила, а я просто не смог тормозить, когда она провоцировала чуть ли не каждым движением.

Она снова смешно энергично кивает. Не девушка — а статуэтка собачки с головой на пружинке, которая трясется на каждой кочке.

Пока принимаю душ и одеваюсь, успевает приготовить завтрак и кофе.

Почему-то кажется, что ее что-то тревожит, но на прямой вопрос Очкарик отвечает, что просто немного беспокоилась, когда утром не нашла меня рядом. И снова спрашивает, не сделала ли чего-то неправильного. Смотрит на меня с паникой, как будто сгоняла в будущее и знает, что я отвечу совсем не то, что она хочет услышать.

— Йени, все было отлично. — Притягиваю ее голову за цепочку медальона, выжидаю паузу, пока зажмурится, потому что смотреть глаза в глаза на таком близком расстоянии не особо приятное удовольствие. — Я очень хочу, чтобы мы занимались сексом все выходные.

Ее веснушки снова теряются под стыдливым румянцем, но на этот раз Очкарику хватает смелости встать на носочки и обнять меня за шею, и даже поцеловать, хоть это просто касание губами моих губ, без страстного подтекста.

— Я тоже хочу, чтобы ты занимался со мной сексом все выходные, — говорит со счастливой улыбкой. — Кажется, это самое приятное, что случилось со мной в жизни.

Самое приятное? А ведь я еще и ничего такого и не сделал.

Нам же правда хорошо вместе, не важно, что мы делаем: готовим, ужинаем, читаем, сидя спинами друг к другу, смотрим мультики про джедаев и ситхов, или трахаемся. Я честно пытаюсь найти хоть одну брешь и ничего не получается. Это идеальное совпадение.

Кроме того факта, что Очкарик не говорит о своем «золотом статусе».

— Что хочешь на ужин? — Йени поправляет мой галстук, потом морщит нос и быстро — глазом не успеваю моргнуть — перевязывает его красивым узлом. В этом я точно не силен, потому что галстуки ношу в лучшем случае пару раз в год, но сегодня ситуация обязывает быть без изъяна.

— Сегодня ты отдыхаешь, я привезу что-то из грузинского ресторана.

— Любитель восточной кухни, — как кошка, фыркает она, но даже не пытается спорить. — Хорошо, мужчина, сегодня готовишь ты.

Может, есть что-то правильное в том, что мы так быстро совпали?

Глава сорок четвертая: Йен

Я всегда любила заниматься домашними делами, потому что находила в них что-то медитативное. Пока совершаешь простую механическую работу, мысли могут запросто собирать кирпичики сюжета нового мира, нового героя, новой книги. Мне нужно перестать цепляться за удачную трилогию и бояться, что это мог быть максимум, на который я способна, и что ничего лучше мне уже не написать, что каждая новая книга будет лишь самоповтором, попыткой скопировать то, что однажды уже удалось.

Поэтому первую половину дня привожу дом в порядок: перестилаю постель, загружаю все в машинку и успеваю переглядеть немного влажное белье. В наушниках гуляю с пылесосом сначала по первому этажу, потом — по второму.

В голове начинают появляться образы. Пока неясные, больше похожие на скетчи, которые художники рисуют в блокнотах в попытках поймать правильную идею.

Какой-то мир с пьющими кровь эльфами.

С деревьями, в которых живут целые семьи фей-людоедов.

Воины с черной, закаленной в драконьей крови броне.

Когда «стреляет» — бросаю все, хватаюсь за телефон и с ошибками, лишь бы ничего не потерять, записываю первые строчки: *«Казнь была назначена на утро, и воровка Ли'има на всякий случай еще раз заточила кинжалы...»*

На экране телефона появляется фотография мамы.

То, что она позвонит, было лишь вопросом времени, но я надеялась, что семья оставит меня в покое хотя бы на неделю. Пока я не приду в себя и не буду готова уехать от Антона, чтобы снова не бояться одиночества и пустых стен.

Нужно ответить, но я медлю, тяну время, пытаюсь предугадать, что она скажет. По голове точно не погладит. Снова упрекнет, что я ничего ему не рассказала? Или Вика успела пожаловаться на «предательницу»?

Когда прикладываю телефон к уху, несколько секунд там просто тишина и тяжелое сопение.

— Мам? — начинаю первой.

— С тобой все в порядке? — У нее так сильно дрожит голос, что меня кусает ядовитое угрызение совести. Она же просто боится потерять меня, потому что... знает больше, чем все остальные. — Ты... не думаешь о плохом? Он тебя не обижает?

— У меня все хорошо, мам. Правда. — Я не могу сказать ей, что «все хорошо» — это моя недостижимая мечта. Что за последние почти десять лет я только то и делаю, что пытаюсь уравновесить свой внутренний мир, и пока что не очень преуспела в этом. — Тебе нельзя волноваться.

— Он тебя любит? Понимает?

— Мам, мы знакомы пару недель, — пытаюсь казаться расслабленной. — Нам, по моему, хорошо друг с другом. Какие могут быть разговоры обо всем остальном?

Но бесконечный глупый романтик во мне, конечно, до боли в сердце хочет, чтобы была любовь, забота, нежность и звезды в глазах.

Мама тяжело вздыхает.

— Ты снова обманываешь, — не спрашивает — утверждает.

— А ты бы сказала? — Я очень хочу не нервничать, но сотрясение дает о себе знать, и

мои попытки держаться захлебываются в головокружении и тошноте. — Ты бы сказала, мам? Зная, что на тебя будут смотреть как на сломанную куклу в грязи? Что после этого ты больше никогда не будешь уверена, тебя любят или просто жалеют?

— Йени, он не знает, как с тобой нужно! Он может сделать тебе больно просто потому, что не понимает.

— И хорошо, что не знает, — огрызаюсь я. — Хотя бы для кого-то я — просто дура, а не девочка с диагнозом!

Бросаю телефон на диван, закрываю уши, чтобы заглушить противный голос: «На хер ты меня в гости звала, чтобы целку корчить?!»

Мама права. Я могу сколько угодно прятать голову в песок, но она права: мне нужно сказать. Даже если эта правда поставит жирный крест на моей, возможно, последней попытке быть счастливой и казаться нормальной.

Глава сорок пятая: Антон

— Антон? Это Вика. Мы встречались на Дне рождения у Владимира Юрьевича? Вика? Владимир Юрьевич?

Звонок застал меня в ювелирке, куда я приехал с вполне конкретной целью. Странной даже для меня самого, но логичной и правильной.

— Я не очень понимаю, с кем говорю. — Прижимаю телефон к уху и показываю пальцем на симпатичное кольцо с маленьким камнем, которое девушка-консультант вынимает с подушки и выкладывает на бархатную подставку под свет лампы.

Я, конечно, не олигарх, но и не нищий следак. Булыжник, как у Наташки позволить себе не могу, но раз уж собрался жениться в тридцать пять, то не буду позориться, даря своей женщине стекляшку. Вопрос в размере камня. Пусть размер и не впечатляет, но зато камень яркий и чистый. Пока женский голос на том конце связи рассказывает, о каком Дне рождения идет речь, разглядываю радужные блики, когда консультант вертит камень так и эдак, молча уговаривая остановиться на этом выборе.

— Вика, — повторяю я, вспоминая гламурную девушку с маленьким ребенком. Мать будущего крестника моей будущей жены, ее подруга со школьной скамьи, жена печального придурка. — Добрый вечер.

На часах уже шесть. Я мотался целый день, как в жопу раненый лось, но в итоге все порешал, всех натянул, кому надо — вдул, кому надо — проставился. Теперь, Антошка, главное крепко держать удачу за хвост и не тупить, и тогда моя карьера, наконец, рванет вверх. А если быть совсем оптимистом, то полетит со скоростью света.

— Мы можем встретиться? — спрашивает Вика.

— Зачем? — Я очень хорошо помню ее взгляд и слова, которыми они с Наташкой меня встретили. От баб я не бегаяю, но добровольно точно не сунусь в змеиное гнездо. Пусть жрут друг друга, обсуждая, какой Антон хуевый. — Я работаю, Вика. И не понимаю, о чем нам разговаривать.

— О Йен, — чеканит она.

Ого-го. Не очень похоже, чтобы мне хотели рассказать что-то приятное и радужное.

— А можно не темнить?

Я киваю в ответ на вопросительный взгляд консультанта и, когда она выставляет пару коробочек на выбор, останавливаюсь на простой квадратной белого цвета. Протягиваю карту и еще раз напоминаю собеседнице, что она тратит мое время.

— Есть кое-что, что вы должны знать, — продолжает юлить гламурная красавица.

В общем, все ясно.

— Уважаемая Виктория, — выбираю вежливо-едкий тон, — помня о вашем темном и доверительном отношении с моей бывшей, рискну предположить, что вас посвятили, чем я занимаюсь. Поверьте, я в состоянии узнать все и обо всех, если мне вдруг понадобится копаться в чужом прошлом. Ничего неожиданного вы мне не расскажете, а быть лапшевеской для ваших бабских склок мне не хочется. Так что вы уж сделайте над собой усилие и отъебитесь от нас обоих.

Она что-то неразборчиво шипит в ответ, а я как раз получаю из рук продавца пакет с покупкой и пожелания счастья в личной жизни.

— Мы с невестой, — нарочно выбираю эту формулировку, — сами разберемся и с

прошлым, и с будущим, и с костями в сундуках.

— Невестой? — переходит на шепот.

Я отключаю связь.

Хмм... Надо позвонить Михалычу — его жена, кажется, начальник ЗАГСа.

Роспись нам с Очкариком могут устроить и без обязательного месяца ожидания.

По дороге домой я пытаюсь подобрать правильные слова, которые вручу малышке в паре с кольцом. Сомнений о том, что не делаю глупость, нет. Мне тридцать пять, и количество женщин в моей жизни превышает три десятка, хотя я никогда не задавался целью их считать. Среди них были и короткие отношения, не перешагнувшие барьер пары месяцев, и длинные, с серьезным подтекстом. Однажды почти дошло до свадьбы: она была симпатичная, не глупая, нравилась моим родителям, и мы даже отнесли заявление в ЗАГС, купили костюм, платье и составляли список гостей на свадьбу. Но была одна загвоздка — я не нравился ее интеллигентной семье. Был слишком прямой и «деревянный», как любила говорить ее мамаша. И в конце концов, когда случилась неприятность, моя «невеста» сбежала почти из-под венца. А мне уже было так по фигу, что ничего внутри не екнуло догонять и исправлять.

Тогда мне было чуть меньше тридцати, и тогда же я понял, что женюсь только когда пойму — эта женщина подходит мне, а я подхожу ей.

В случае с Очкариком решение о женитьбе было логичным. Я обедал со своими «важными друзьями», чьи проблемы в очередной раз удачно разгреб, слушал, как они рассказывают о женах, детях, любовницах, и понял, что моя жизнь, какой бы классной она ни была в холостячности, все-таки вызрела для чего-то более серьезного. И одна замороженная малышка, без которой мои возвращения домой стали до чертиков унылыми, может стать идеальным дополнением моим успехам.

А если у нас вдруг ничего не получится — развод никто не отменял.

Детей мы в ближайшие пару лет точно заводить не будем.

Когда подъезжаю к дому, в окнах на первом этаже мелькает тонкий силуэт. Странно так мелькает, как будто она там танцует. Не хочу отказываться от желания подсмотреть за этим представлением, так что потихоньку, стараясь не шуметь, открываю дверь, стаскиваю ботинки и прямо в пальто прохожу в гостиную.

Очкарик в наушниках, держит в руках телефон и с закрытыми глазами что-то подпевает в такт музыке, которую я не слышу. Сегодня на ней не домашний уютный комбинезон, а мой свитер и длинные вязанные гольфы чуть выше колен. И снова держащаяся черт знает как на волосах заколка-бабочка.

Малышка явно в творческом процессе. Даже тревожить не хочется.

Прижимаюсь плечом к дверному косяку, достаю из кармана коробочку с кольцом, верчу ее в пальцах, как жонглер, предвкушая удивление во взгляде за этими огромными круглыми очками «ботана».

И только сейчас доходит, что у меня нет плана на случай отказа.

Если мужчина делает предложение, а женщина отказывает, какими бы умными адекватными они ни были, на отношениях после этого можно ставить точку. Это как признание в любви без аналогичных слов в ответ. Вроде ничего страшного не случилось, все будет так же, как и раньше, но в заднице зудит понимание: для одного из нас — это просто временный вариант. Так стоит ли тратить время?

К счастью, я никогда и никому не признавался в любви. Слишком я циник для всего

этого ванильного... ГМММ...

Очкарик делает странное па ногами, подмахивает головой, поворачивается — и, замечая меня, подпрыгивает на месте. Быстро стаскивает наушники, пытается восстановить дыхание, но грудь высоко и часто поднимается под одеждой, выуживая из меня парочку острых фантазий уровня «21+».

— Я... тебя не слышала, — пытается оправдаться и прикладывает ладони к горящим щекам.

— Я старался остаться незамеченным, — успокаиваю ее, потому что вид у Очкарика такой, что вот-вот грохнется в обморок от стыда. Видимо для некоторых женщин секс с мужчиной — не повод перестать стесняться даже совершенно обычных бытовых вещей. — Классно танцуешь. А можно попросить то же самое, но медленнее и под соответствующую музыку, приват, для уставшего майора?

— Антон! — Йени ошарашенно хлопает ресницами. — Прости, пожалуйста, я... Просто... В общем...

— Творческий процесс? — подсказываю я. Где-то читал, что все великие писатели были «с приветом». Кто-то даже любил писать совершенно голым.

— Я придумала книгу! — Она скачет на месте и громко, с каким-то оглушающе искренним восторгом хлопает в ладоши. А потом вдруг замирает, улыбка медленно тускнеет на губах, и Очкарик вдруг очень серьезно говорит: — И еще... нам нужно кое о чем поговорить.

Я стряхиваю пальто на диван, подхожу к ней и, пока ее восторженное выражение лица совсем не исчезло, вкладываю в ладони свой подарок. На всякий случай придерживаю ее ладони своими, сжимаю для уверенности, что это — не импульсивный поступок, а то, в чем я совершенно уверен.

Глава сорок шестая: Антон

Очкарик медленно разжимает пальцы, косится на коробочку, словно на маленькую гранату, чека от которой осталась в моих руках.

— Это что? — Вопрос такой тихий, что читаю его по губам.

— Посмотри и узнаешь.

— Это мне? — нарочно тянет время.

— Другой женщине, который бы я хотел это дать, и близко нет.

— Антон... — Она морщит лоб, огорченная отсутствием прямого ответа на свой вопрос.

— Тебе-тебе, — сдаюсь я. — Открывай уже.

Йени потихоньку, как будто боится случайно выпустить из ящика Пандоры все печали человеческие, приподнимает крышку. Моргает. Закрывает. Снова моргает и икает.

О любви между нами говорить точно еще очень рано, но уже сейчас я готов подписаться под тем, что ее вот такие смешные реакции вызывают у меня искреннюю довольную улыбку.

— Там кольцо? — переспрашивает Очкарик.

— Вроде да, что-то похожее.

— Там кольцо, — теперь уже не вопросительно, а как будто ставит точку под тем, что у нее не случились галлюцинации. — Оно... помолвочное?

— Ага.

— И... ты даришь его мне?

Я пару секунд делаю вид, что размышляю над формулировкой, а тем временем открываю коробку в ее руках, достаю кольцо и молча надеваю на безымянный палец. Надо же, и с размером угадал как раз. Скажем спасибо моей наблюдательности.

— Малыш, давай поженимся?

Она снова икает.

— Мне уютно с тобой, тебе безопасно со мной. Вместе у нас получается спокойно и комфортно. Ты умеешь заниматься домом, я неплохо зарабатываю и буду обеспечивать семью. Жить будем здесь. Летом планирую брать «Мини», если сдашь на права — будешь кататься в город к родителям, когда захочешь. О детях подумаем через пару лет.

Ей нужно время, чтобы переварить мои, совсем не похожие на романтическое предложение руки и сердца, слова. По крайней мере, я не сказал ни слова не правды, озвучил все то, на что опирался сам, когда пришел к логичному решению о браке.

— Звучит, как предложение о сотрудничестве, — наконец, нарушает молчание малышка.

— Оно самое и есть. Прости, что без соплей и клятв любить тебя до крышки гроба. Я надеюсь, что мы проживем долгую спокойную жизнь, так что пока не очень хочу готовиться к земле.

Она нервно смеется, кончиком пальца трогает камень и одергивает руку, как будто от горячего.

— Извини, что не такой большой, чтобы увидеть с Марса, — без намека на сожаление говорю я, — но он настоящий.

Почему-то девочкам важно знать, что мужчина готов ради них на такие финансовые подвиги.

— Мне все равно, даже если бы это был осколок с висюльки люстры твоей бабушки, —

шмыгает носом Очкарик, делает шаг, обнимет меня крепко — чуть не душит.

Чувствую влагу на щеке, всхлип, который проходит волной по всему щуплому телу, и обнимаю ее в ответ. Почему-то даже не сомневался, что выдаст что-то совершенно ванильное. Все же она точно немного без царя в голове, и пора привыкать не мерить ее реакциями других женщин. Это и хорошо, и плохо, потому что «читать» Очкарика может быть сложнее, чем я думал.

— Спасибо, мужчина, — сквозь слезы еле слышно выдыхает она.

— Женщина, подожди, я не понял — ты согласна или как?

— Согласна, согласна, согласна, согласна, согласна...

Приходится поцеловать ее, чтобы прекратить эту заевшую мелодию.

И только через пару минут, когда Йени перестает всхлипать, успокаивается и смотрит на меня сумасшедшим сияющим взглядом, вспоминаю, что она собиралась сказать что-то важное.

— Это... ерунда, — отмахивается малышка. — Просто голова до сих пор болит. Хотела съездить в больницу, если ты не против.

— Давай договоримся: все, что касается твоего здоровья — не ерунда, — стучу ее пальцем по носу, чтобы отложилось, наконец, в голове. — Завтра утром поедем. Заодно встречусь с приятелем, который поможет устроить нам быструю роспись.

— Насколько быструю? — продолжает сиять она.

— Допустим... через пару дней? На неделе получим свидетельство, в выходные можно сделать выездную церемонию. Только, малыш, давай без пышной свадьбы? Меня от пафоса и на работе тошнит.

— Я совершенно и полностью согласна с тобой во всем, мужчина, — торжественно, как брачную клятву, произносит Йени.

Значит, я точно не ошибся в выборе.

Уже за ужином, который мы проводим на балконе, на паре одеял и завернутые в плед, все-таки рискую рассказать Йени о том, что мне названивала ее подруга. Все это очень странно, и я бы не удивился, если бы за такими звонками и внезапными попытками разоблачить лучшую подругу, пряталось желание влезть между нами. Уж не знаю, кем сгенерированное — ее подругой или моей бывшей. Обычно, если начинаются женские дразги, лучше начать разговаривать друг с другом и не отмалчиваться, чтобы не помогать змеям плести их заговор.

Малышка внимательно меня выслушивает. Краем глаза наблюдаю за ней — и сразу видно, что происходящее для нее не новость: аппетит у Очкарика явно пропадает, и она как-то очень по-детски прячет руку с кольцом под одеяло, как будто я вдруг могу передумать и забрать назад свое предложение.

— Что-то случилось? — спрашиваю я, когда даже спустя время не слышу ни слова реакции в ответ на свой рассказ. — Малыш, я не то, чтобы не верю в людей, но как-то странно, что мне названивает твоя якобы_лучшая подруга и предлагает встретиться, чтобы поговорить о тебе.

— Я думаю... она просто злится на меня из-за Вадика, — наконец, открывает рот Очкарик.

— Того грустного Пьеро?

Она пытается улыбнуться в ответ на мою нелюбезную характеристику, но в конце концов сдается. Рассказывает целый детектив с фотографиями, с признанием в любви и

прочей лабудой, которая лично у меня никак не складывается с образом более-менее взрослого мужика. Хотя, сколько там ему лет? Двадцать шесть? Все равно как-то очень тупо: любить одну, тусить с ее подругой, чтобы быть рядом, заделать ребенка, жениться — и на собственной свадьбе признаться ей в любви.

Не зря он мне не понравился — всегда не любил идиотов.

— Вика сказала, что заберет моего мужчину взамен того, что украла я. — Очкарик еще больше втягивается голову в одеяло, как будто боится, что я тоже закачу скандал. — Но я правда никого не крала, Антон! Я даже перестала отвечать на его письма после того, как он... на свадьбе...

— Малыш, я тебе верю.

Мне кажется, она много чего недоговаривает, но все ее тайны явно не связаны с Пьеро.

— Я не знаю, что может сделать Вика, — продолжает накручивать себя Очкарик, и я, присаживаясь ближе, обнимаю ее и притягиваю к себе. На нее этот простой жест заботы всегда действует успокаивающе. — Но она же... Ты ее видел.

— Угу, и чё? — Как будто это первая салонная красотка в моей жизни.

— Она тебе правда не нравится? — Малышка задирает голову, доверчиво заглядывает в глаза.

Ответить я не успеваю, потому что у Очкарика звонит телефон, и я замечаю на экране имя: «Папочка». Никто не сомневался, что маленькая испуганная девчонка — стопроцентная папина дочка. И даже сейчас, когда она счастливо щебечет с ним по телефону, становится понятно, что у этих двоих настоящая связь папы и дочки. И если я накосячу с малышкой, подполковник «с удовольствием» погладит меня против шерсти.

— В воскресенье? — Йени прикрывает динамик рукой и шепотом говорит: — В воскресенье у бабушки пироги, отказываться нельзя.

Я пожимаю плечами: у меня самого не то, чтобы сильны все эти домашние традиции, так что будет даже интересно приобщиться к чужим. Тем более, если там целые пироги!

Очкарик говорит, что мы будем, что никогда не откажется от возможности «поколдовать» с бабулей на кухне, а потом осторожно добавляет:

— Заодно будет повод кое о чем сказать. — И, отмахиваясь от вопросов, прощается с отцом громким чмоком. — Ничего, что я сказала?

— А ты разве что-то сказала? Интригу только навела.

Как все же мало нужно женщине для счастья: всего-то захомутать старого убежденного холостяка.

— Только, Антон... Сергеевы тоже будет. Старшие точно.

— Да и хрен с ними.

Глава сорок седьмая: Йен

«Бабуля делает пироги» — это личный маленький праздник Воскресенских.

Обычно, она сама выбирает подходящие выходные. Не доверяют гидрометцентру и любит говорить, что мудрость предков и приметы — лучший прогноз погоды, чем «у вас там в телефоне». В выбранный день они с сестрой — бабушка Тома живет с ней уже больше пяти лет, с тех пор, как не стало дедушки — закатывают рукава и начинают делать пироги по всем правилам домашней выпечки. На выстоянном тесте, с разными начинками, в маленькой печке на дровах, которую сложили на заказ еще лет десять назад взамен старой, которая чуть не стала причиной пожара.

В общем, все это проходит весело, потому что все собираются к полудню и получают задания: мужчинам — колоть дрова и носить воду, женщинам — лепить пироги каждой свободной парой рук, а вечером бабуля достает домашние настойки из вишни и винограда, и мы устраиваем «праздник желудка».

Так что, чтобы доехать вовремя, мы с Антоном встаем часов в семь. Собираемся, плотно завтракаем — в следующий раз поесть получится только на пироговом пиру — по дороге заезжаем в магазин за угощениями и приезжаем к бабуле как раз почти к полудню.

Я сразу замечаю, что во дворе уже стоит Сашина машина и машина моих родителей. Сергеевых нет, но я даже в машине слышу громкий смех Сашиного отца. Он у него вообще большой любитель посмеяться от души, часто даже над гнутым пальцем. Мне всегда казалось, что это от него у Вики такой беззаботный характер и негаснущий оптимизм.

Машины Вадика нет. У Вики есть какая-то маленькая китайская машинка, но она разбила ее еще в прошлом году и говорила, что они с Вадимом решили повременить с ремонтом и вложили деньги в покупку внедорожника для него.

Первыми нам навстречу выходит моя мама. Сразу становится стыдно за то, что намеренно избегаю разговоров с ней уже который день. Не считая того ее звонка, все наши «переговоры» были через папу: он знал, как мое здоровье, что со мной и почему нам с мамой лучше какое-то время не разговаривать.

Поэтому, пока Антон ждет возле машины, я иду к маме навстречу, чувствуя себя провинившейся девочкой, которой придется признаться, что она разбила любимую фамильную вазу. Мама кутает плечи в вязаный шарф — сразу вижу, что это очередной подарок Анечки — и молча смотрит на меня, когда подхожу на расстояние объятий. У нее круги под глазами, красные венки в глазах и отсутствие маникюра, а моя мама, хоть и не любительница обманывать возраст, никогда не пропускает поход в салон, откуда возвращается с чумовой росписью.

— Йени. — У нее ломается голос. — Ты как будто повзрослела за эти дни.

Я просто прижимаюсь к ней, кладу, как в детстве, голову на плечо, и с облегчением выдыхаю, когда мама крепко обнимает меня в ответ и баюкает.

У нас с ней очень сложные отношения. У нас все очень запутано и непонятно, и совершенно не очевидно для окружающих, но только потому, что никто не знает, на каких костях и крови построено наше нелогичное сотрудничество. Одно я знаю точно, хоть и люблю делать вид, что это не так — она всегда будет биться за меня до последнего, даже если останется меньше одного процента надежды.

— Мам, прости, пожалуйста. — Очень стараюсь не реветь. — Я тебя очень-очень

люблю, правда. Ты во всем права. Я должна... Но я не могу сейчас. Обязательно все расскажу ему, обещаю.

Она молча кивает и заботливо поправляет заколку у меня в волосах. Если бы рядом не было посторонних — еще бы и косы мне завязала, совсем как в школе, когда вела за руку на сентябрьскую линейку.

— Мам. — Мы с Антоном договорились, что объявим об этом вдвоем, но я не могу сдерживать распирающее счастье. — Я замуж выхожу.

Она отстраняется, внимательно изучает мое лицо и на этот раз даже не говорит ни слова против. Только поправляет волосы дрожащими пальцами и пытается сдержать счастливую улыбку.

— Солнышко, он хороший? — Поверх моего плеча смотрит на Антона — и снова на меня.

— Самый лучший, мам.

— Ты счастлива, Йени? — Обхватывает мое лицо ладонями, пытливо смотрит не в глаза — прямо в душу. — Ты уверена, что это не слишком быстро?

— Я уверена, что он — мой мужчина, понимаешь?

Этим словам нужно было быть произнесенными, чтобы все пазлы моей больной души встали на свои места. Я ведь правда нашла Того самого человека. Не из девичьих фантазий, а настоящего, живого, которого приятно чувствовать рядом под одеялом, ждать после работы, видеть даже когда он злится и хмурится, и кому-то очень громко вычитывает в трубку.

— Только это пока секрет, хорошо? — Я потихоньку вытираю ей слезы пушистыми кистями шарфа. — Мы с Антоном хотели все сказать вдвоем.

Я хочу сказать что-то еще, но теряю мысль, когда мимо меня несется мальчишка лет шести и с громкими криками «Антон приехал!» бросается на шею моему майору.

Нетрудно догадаться, чей это ребенок. В нашем клане Сергеевых-Воскресенских кроме Саши, Вики и меня больше некому преподнести наследников. Викин не мог вырасти в почти первоклассника всего за неделю, у меня с детьми... все настолько зыбко и неясно, что я стараюсь вообще об этом не думать. Остается Саша, у которого как раз теперь есть уже приемный мальчишка подходящего возраста.

В голове толкаются мысли о том, что бывшая моего Антона и Саша разошлись. И что ее здесь быть не должно: ни одной, ни с ребенком. И что мне нужно радоваться, если они с Сашей помирились и раздумали разводиться так же скоропалительно, как поженились.

Но у меня начинают очень сильно ломить, кажется, все суставы в теле, когда я смотрю, как этот мальчишка обнимает Антона и что-то очень быстро ему рассказывает. Между ними какая-то особенная связь. Доверие, которое бывает между мальчиком и отцом.

Только мой Антон ему не отец.

И мне хочется орать об этом так громко, пока вся эта уродливая идиллия не испарится из моей головы и реальности.

Мама приобнимет меня за плечи, легонько сжимает и покачивает. Я для нее все та же маленькая зареванная девочка, которую нужно защищать от любой кляксы на идеальных каллиграфических строчках ее жизни. Клякс, похожих на эту.

Мне должно быть стыдно. Я ведь тоже женщина, должна понимать, что в жизни случается всякое: люди влюбляются, женятся, у них появляются дети, а потом что-то идет не так — и у ребенка остается только мать. Которая еще молодая и здоровая, и полная сил, и хочет устроить личную жизнь, не пряча ребенка, словно бородавку на пальце. И при таких

условиях ребенок так или иначе, но все равно знакомится с новым «избранником». А Антон был часть их жизни почти три года. Было бы странно, если б мальчик не успел к нему привязаться.

Мне хватило двух недель, чтобы теперь с ужасом представлять жизнь, в которой этого человека может и не быть...

Но эгоистка во мне хочет, чтобы этот ребенка здесь не было.

Потому что сейчас мне кажется, что это прошлое никогда не перестанет быть частью нашей жизни. Что Наташа с ее сыном будут постоянно где-то рядом, как болячка, от которой невозможно избавиться.

Я должна быть хорошей, милой, доброй и понимающей.

Но меня тошнит от этой идиллии, потому что она уродует мое счастье.

Мне нужно притворяться. Опять. Выбрать из арсенала подходящую вежливо-понимающую маску, улыбнуться и даже попытаться завести разговор с этим мальчиком, но хотя бы перед самой собой я останусь честной до конца, даже если эта правда так же безобразна, как и чужой сын, обнимающий моего теперь уже без пяти минут мужа.

Я не обязана любить этого ребенка только потому, что его мать ошиблась.

Я не обязана жалеть его и понимать, не обязана радоваться, что он вдруг хватает моего Антона за руку и тащит в дом, на ходу рассказывая полную чушь.

— Йени, просто дыши, — подсказывать мать, когда меня потряхивает в ее руках. — Хочешь, я сама поговорю с бабушкой? Она... поймет, если ты уедешь.

— Что? — не понимаю я. Мотаю головой и делаю громкий вдох полной грудью. Звуки получаются ужасные: что-то среднее между горловым пением и приступами астмы, но мне становится лучше. — Я никуда не уйду, мам. Это — наша семья, наша жизнь и, в конце концов, моя бабуля. Если кто-то сегодня и уберется, то это буду не я.

Надеюсь, что уберется Саша со своей «любимой», и заберут с моих глаз это... чернильное пятно.

Я не обязана проявлять сострадание.

Я хочу хотя бы раз в жизни быть эгоисткой.

Глава сорок восьмая: Йен

Бабушка для меня тот человек, которого я люблю безусловно и безоговорочно.

В ее доме мне хорошо всегда, и я даже рада, что она который год проявляет характер и не дает отцу превратить ее жилище в ещё один красивый дизайнерский проект.

Помню, как маленькая валялась на кровати с продавленным матрасом на панцирной сетке и слушала ветер за окном, если шел дождь или кусалась вьюга.

И потом, когда я повзрослела и сломалась, только здесь никто и никогда не смотрел на меня как на убожество с перегоревшими микросхемами. Бабуля всегда вовремя включала «трудотерапию», и только благодаря ей я научилась так хорошо и разнообразно готовить. И полюбила сам процесс.

Она встречает меня на крыльце: в переднике и с платком на голове. Время как будто заморозило ее еще лет десять назад. Как будто ни одной морщины не прибавилось, и в глазах тот же живой блеск. А когда обнимает, невольно охаю, потому что крепкие не по возрасту руки сжимают до приятной ломоты в ребрах.

— Такая же хилая, — машет рукой бабуля. Отодвигает на расстояние вытянутых рук, разглядывает с прищуром, от которого мне на миг становится очень не по себе. — Так, глаза как будто не запухли, но вот та шишка на лбу мне не нравится. Что случилось?

— Неудачно спускалась с лестницы, — отмахиваюсь я.

Бабулю таким не провести, но она никогда не лезет в душу. Ждет, что наберусь смелости и расскажу сама. Иногда и правда рассказываю, но в последнее время все чаще отмалчиваюсь, потому что ее тоже нужно беречь. В том числе и от сложного устройства головы собственной внучки.

— Это твой кавалер что ли? — Бабуля кивает себе за спину.

Наташин ребенок утащил Антона куда-то в дом, и мне нужно держать себя в руках, чтобы не выдать своих настоящих чувств. Нужно просто переключиться на что-то хорошее.

Я прикладываю палец к губам, намекая, что собираюсь раскрыть ей секрет, и показываю руку с кольцом. И снова чувствую себя маленькой девочкой, которая нашла под подушкой хрустальные туфельки.

Бабуля разглядывает кольцо очень пристально и внимательно. Я бы удивилась, залейся она слезами радости.

— Ну что тебе сказать, красота моя ненаглядная... Кольцо красивое, камень... сгодится. Ну а мужчина-то как? Обкатала уже? Выглядит простоватым.

Если бы Антон случайно услышал наш разговор, он, наверное, нашел бы в нем не один повод для обиды. А на самом деле бабуля только что выдала чуть ли не свой максимум позитивных реакций.

— Бабуля, что мы говорим об «обкатала»? — Помигиваю, потому что сама научила ее этой киношной фразе, ставшей для нас чем-то вроде кодового слова.

— «Не скажу», — ворчит моя старушка и еще раз крепко обнимает, на этот раз заливаясь соловьем, какая я стала красивая, как у меня глаза сияют — и что она ждет внуков к следующему новому году.

Я собираюсь пошутить насчет того, что мы с Антоном еще даже не поженились, но слова примерзают к губам под прицельным выстрелом темных глаз.

Наташа.

В паре метрах от меня. Бешеная, злая. Черт знает какая.

И смотрит она не на меня, а на мою ладонь с кольцом, которой обнимаю бабулю.

У каждой женщины, наверное, есть мечта умыть соперницу вот таким образом. Или не соперницу, а просто прилипалу-бывшую, которая вроде как давно ушла со сцены, но настойчиво пытается вернуть главную роль. А тут просто лучше не придумашь: и планы не сломала, и кольцо не получила, хоть билась за него если не все три года, то один, последний, точно.

Но мне хочется поскорее смыть с себя эту липкую злобу, от которой неприятно в груди, как будто насадили на раскаленную спицу и через отверстие медленно вынимают душу. Бабуля оглядывается и строго, в своей любимой грубоватой манере, командует:

— Раз в тесто с такими ногтями не полезешь, то хоть постели перестели.

Бабушка у меня очень прямолинейна, подчас даже слишком, но в ее возрасте уже можно позволить себе не расшаркиваться перед молодым поколением.

Наташа еще несколько секунд разглядывает мою ладонь, а потом, выразительно цокая каблуками, проходит мимо, до двери и оттуда — на улицу.

Бабуля громко фыркает.

— Вот же коза, — не особо таясь, ворчит себе под нос, а потом подталкивает меня в сторону кухни. — Пойдем, красавица моя ненаглядная, пирожки сами себя лепить не будут. Заодно расскажешь старой шарманке, из каких краев твой добрый молодец.

Я с облегчением выдыхаю. Это как раз то, что нужно, чтобы почувствовать себя в безопасном окружении людей, которые будут на моей стороне, несмотря ни на что.

Понятия не имею, сколько проходит времени, прежде чем бабуля дает отмашку сделать перерыв. По крайней мере лично я сделала несколько порций пирогов с консервированными вишнями и творогом, и часть из них Анечка уже забросила на большие чугунные сковороды.

Бабуля разливает всем чай — настоящий, липовый, с ложкой акациевого меда.

Я вижу, что пара человек, и Сашина мама в том числе, уже заметили мое кольцо, но тактично помалкивают, а я нарочно не завожу разговор первой, потому что мы с Антоном договорились сказать об этом вечером, когда наш клан соберется за столом. И, хоть с момента приезда мой мужчина как в воду канул, я буду придерживаться этого заранее оговоренного плана.

Но все же, когда до меня доносится все тот же неприятный «голос в нос» и детский смех, я оставляю чашку на край стола, поднимаюсь и иду на поиски Антона.

Глава сорок девятая: Антон

Я никогда особо не любил детей. Точнее, относился к ним как к чему-то нейтральному, чему в моей жизни нет места в обозримом будущем. Потому что ребенок — это крест на спокойной жизни, регулярном сексе и радостях для себя. Это как гиря на ноге: вроде никак не мешает, но к земле тянет, особенно когда душа просит полета.

Но с сыном Наташи как-то сразу нашел общий язык. О том, что она разведенная мать-одиночка было честно написано в ее профиле, и, когда я соглашался на встречу, примерно представлял, если у нас все растянется на дольше, чем пара свиданий, рано или поздно мне придется познакомиться с ее пацаном. Это случилось примерно через месяц, когда Наташа пригласила меня к себе — в съемную комнату, в которой ютились она и Леша, и изредка ночевала ее подруга-парикмахер. Мальчишка от меня не дичился, сразу пошел на контакт: приволок ящик с китайскими дешевыми игрушками, и мы битый час играли в монстров и драконов.

Наверное, я нравился Леше потому что никогда не сюсюкался с ним и никогда не забывал все наши игры.

Не удивительно, что сегодня так лихо бросился на шею. Когда я отвозил их с Наташей на съемную квартиру, он так температурил, что вряд ли понимал, что происходит. А сейчас чуть не волком затащил в дом, наперебой хвастаясь дорогими игрушками: каким-то крутым роботом из «Трансформеров», машиной на дистанционном управлении, коробочной обновленной версией «Монополии».

— Поиграй со мной! — требует Леша и, не дождавшись моего согласия, сам раскладывает поле для игры. — Со мной никто не играет, как ты.

Ему всего шесть, но иногда мне кажется, если отодвинуть в сторону все не совсем здоровые детские реакции и поведение, Лешка понимает куда больше, чем говорит.

— Вообще-то у меня тут дела, — пытаюсь отвертеться от приглашения. Я вроде как приехал со своей невестой, наверняка Очкарик уже начала себя накручивать, и лучше не доводить до обид. Но я сдаюсь, когда Леша смотрит на меня полными глазами слез, и его нижняя губа мелко дрожит. — Только один раз, идет?

Он рад и тому.

Хотя, что такое один раз в «Монополии»? Я понимаю, что прошло до фига времени, когда в комнате внезапно появляется моя бывшая и усаживается напротив, рядом с сыном.

Я выбрасываю кубики, мысленно заготовливая для мальчишки речь, почему эту партию мы доиграем в следующий раз. Будет лучше, если Наташа не найдет во мне повод устроить истерику на глазах у ребенка. Такое уже случалось.

— Тебя можно поздравить? — выразительно язвит она, нарочно сгребая кубики с поля и долго встряхивая их на ладони. — Надо же, а клялся, что никогда не женишься.

Началось.

Мне есть чем ударить в ответ. Даже не ударить — вьебать так, что она будет долго приходить в себя. Например, напомнить, что дней пять назад она ревела телефон, что разводится, что ей не на что жить и некуда пойти, и что мне пришлось в очередной раз впрягаться в ее проблемы. А сейчас она вдруг здесь, явно не потому, что стала настолько дорога родителям своего нового мужа. По тому, что я видел в прошлый раз, свекровь не питала к ней теплых чувств.

— Наташ, прекрати, — пытаюсь уладить все миром.

— Кольцо, Антон?! Ради бога, скажи, что это не настоящий бриллиант, потому что это будет просто... просто... плевков мне в лицо.

Леша переводит взгляд с меня на Наташу и обратно, и когда понимает, что между нами ссора, делает то, чему его когда-то научила моя мать: берет нас за руки и пытается притянуть друг к другу.

И в этот момент я замечаю длинную тень на клетчатом поле «Монополии».

Поворачиваюсь, чтобы убедиться, что мне не почудился знакомый запах колючих цветов.

Очкарик стоит в дверях и, пошатываясь, наблюдает за тем, как Лешка пытается «помирить» нас с Наташей.

Одергиваю руку, поднимаюсь.

— Мы не доиграли! — кричит мальчишка, и я морщусь от пронзительности высокого детского голоса.

Поэтому он «проблемный»: его не научили понимать значение слова «нет». Ни мать, ни родной отец. А я не взял на себя смелости ломать характер ребенка, который не был моим ни биологически, ни формально.

— Антон, можно тебя?.. — Голос Йени предательски ломается на последнем слове, и она быстро выходит в коридор.

Спешу за ней, мысленно посылая мою бывшую на хуй, потому что она все-таки выстреливает мне в спину попыткой взять «на слабо»:

— Твоя сумасшедшая боится, что мы для тебя больше семья, чем она? Что даже если разорвется и расстелется, не сможет нас заменить?

Спорить с обозленной бабой, все равно что совать руку в пасть крокодила и надеяться, что он ее не откусит.

Очкарик стоит на крыльце и, когда замечает меня, начинает идти вперед, огибая дом по правой стороне, где разбит небольшой сад. Останавливается, потирает плечи, когда нас обдает злым сквозняком. Пытаюсь приобнять ее за плечи, но она нервно отодвигается, поворачивается — и на этот раз причина ее лихорадочно красных щек не имеет ничего общего с приступом стыда.

— Это не твой ребенок, Антон, — говорит с дрожью и длинными паузами, как будто заново вспоминает слова. — Это уже не твоя женщина. У них есть муж и отец, и он здесь, на расстоянии вытянутой руки.

— И что?

— Ты приехал со мной. — Она неуверенно показывает на себя пальцем. — Но вместо того, чтобы быть рядом, познакомиться с моей бабушкой и быть моим мужчиной, ты развлекаешь ребенка бывшей. И ее заодно. Ты хотя бы понимаешь, как... ненормально все это выглядит?

— Ребенок не понимает, что человек, которого он три года считал чуть ли не отцом, теперь не имеет права с ним общаться, чтобы не дай бог не обидеть одну неуверенную в себе девушку.

Это грубо.

Я груб намеренно, чтобы пресечь любую попытку посадить меня на поводок или даже думать, что буду повиноваться любому щелчку.

— Что мне нужно было делать, Йен? Ну, блесни интеллектом. Стряхнуть его, как

старую рукавицу? Или может на хер послать? Я же просто пытался сгладить...

Она смотрит на меня так, словно парой этих фраз я только что избил ее до полусмерти.

Снова делаю шаг навстречу, но на этот раз она отходит на три назад и выставляет вперед ладонь, как будто обозначает невидимую стену между нами.

— А мне-то что делать?! — Очкарик судорожно всхлипывает. — Радоваться, какой ты понимающий для всех, кроме меня? Ты подумал, что мне от этого больно? Что меня уже тошнит от твоей бывшей. Господи, Антон, она хоть когда-нибудь исчезнет из твоей жизни? Оставит нас в покое?! Или, может, ты еще раз хорошо подумаешь, той ли женщине подарил кольцо?

Последняя фраза укладывает на лопатки мое самообладание.

Звучит так, будто я только то и делаю, что разбрасываюсь кольцами, совершенно, блядь, не думая, кому и зачем делаю предложение. Что все это — кольцо, предложение, роспись и даже попытка сделать ей красиво с выездной регистрацией — один из постоянных пунктов моего повседневного списка дел. Хули там, сегодня этой предложил — передумал, послал на хрен, через месяц потащил под венец другую, развелся — и снова-здорово.

— Да, знаешь, это у меня хобби такое — делать предложения посторонним женщинам! Развлекаюсь я так от трудовыебудней!

Первая мысль — послать их всех с пирогами, бывшими и настоящими, и просто уехать, чтобы сами греблись в их крайне сложных и ни хрена для меня не понятных семейных отношениях.

Но у Очкарика такой вид... Несмотря на всю тираду и тон с претензией, выглядит испуганной, особенно как-то совсем уж по-детски отгораживаясь от меня ладонью.

Дрожащей ладонью.

И испуганными глазами за стеклышками очков.

— Не кричи на меня, пожалуйста, — говорит глухо, как будто ей придавливают горло и лишают воздуха. — Мне... очень страшно сейчас. Правда, очень-очень страшно.

Блядь.

Я же знал, что с ней будет сложно. С самого начала знал, еще когда уводил ее со свадьбы наших бывших, и потом в машине, когда она пела ту дурацкую песню — и ее тараканы в полный рост выплясывали передо мной канкан. Понимал же, во что лезу. Принимал, что у нас будут случаться ситуации, когда именно мне придется совать в жопу тяжелый характер и объяснять очевидные для меня и совсем не прозрачные для нее вещи.

— Прости, малыш. Я не кричал. Просто вспылел.

Я еще не так хорошо ее знаю, чтобы предугадывать поступки, но интуиция подсказывает, что Очкарик может сделать глупость, о которой будем жалеть мы оба.

Она собирается с силами, переводит дыхание и, наконец, опускает ладонь. Нервно кивает, принимая мои искренние извинения. Она просила не повышать голос, и я обещал себя контролировать. Для меня это было бы равноценно ее попытке снова пытаться решать за меня, несмотря на то, что в свое время я тоже озвучил принципиально важную для себя позицию на этот счет.

Мы молчим еще пару минут. Йени отворачивается и дышит куда-то в сторону, обнимая себя за плечи. Замерзла? Обнять бы ее, чтобы успокоилась, а уже потом разговаривать с холодными головами. Но еще одно чутье — ее пока лучше не трогать. Это минное поле сперва нужно прочесать металлоискателем.

— Этот мальчишка ко мне привязан, — пытаюсь говорить спокойно и по фактам. — Я

не самый хороший в мире мужик и в общем-то, если откровенно, не вижу себя в роли отца, но умею находить с детьми общий язык. Когда мы с Наташей сошлись, у нее были большие проблемы с бывшим. Она сама все тянула, что-то там пыталась с него выбить, но без толку. Леша своему родному папаше на хрен не сдался, а мальчишке шел четвертый год, ему была нужна мужская рука. Я как мог, помогал. Он привязался. Мы хорошо ладили.

Очкарик молчит.

— У этого пацана очень непростой характер и куча проблем и пробелов в воспитании. В том числе и потому, что его мать — та еще «гуру психологии», хоть она учит его быть пробивным, настойчивым и вот это вот все.

— Почему я не удивлена? — едко иронизирует Йени. Впервые слышу от нее такой очень жесткий тон без намека на попытку сгладить и прикрыть обиду шуткой. — Я ошиблась, или этот наученный пробивной ребенок пять минут назад пытался вас помирить?

Даже если бы я хотел как-то скрасить эту попытку взять нас за руки — мне нечем это делать. Потому что именно это Леша и делал. Как в общем делал всегда, когда мы с Наташкой ругались и разбегались каждый в свой угол. Дети удивительно чутко подмечают эти вещи.

— Да, пытался. Казнить его за это?

Она бросает косой взгляд в мою сторону и снова отворачивается.

Разговор у нас будет точно не из легких.

Глава пятидесятая: Йен

Я прекрасно осознаю, во что может вылиться эта попытка защитить свой хрупкий мир за стенами и без того трещащей по швам башни. Антон дал достаточно подсказок, чтобы понимать всю степень «тяжести» его характера.

Даже мысленно готовлюсь сказать что-то в ответ к кольцу, которое он попросит вернуть вместе с предложением.

Но когда я увидела их втроем...

Мою до сих пор не пришедшую в порядок голову перетягивает болезненными спазмами.

Мой психиатр так много раз говорила о необходимости уметь говорить о том, что заставляет меня испытывать дискомфорт и душевную боль, а я так часто ее не слушала, что прямо сейчас хочется поклониться в ноги ее призрачному образу.

Жаль, что все это — разовая акция, и скоро мой язык снова может оказаться в том самом темном и неприятном месте. Но хотя бы в этой ситуации я должна — ради себя и ради него — довести начатое до конца.

Хотя бы попытаться.

— Антон, пожалуйста, просто увидь это моими глазами. — Делаю глубокий вдох, морально настраиваясь на любую, даже самую неприятную ситуацию. — Твоя бывшая — она везде. Она могла запросто заявиться к тебе домой в семь утра. Могла извлекать тебя в грязи перед Викой, прекрасно зная, в чьи уши выльется все это... дерьмо. Она, уже в статусе чужой жены, начала вешать на тебя свои проблемы. И ты их решил.

— И все тебе рассказал.

— А я поблагодарила за честность, — соглашаюсь в ответ. — Но ты же понимал, что мне это может быть неприятно? Что я промолчала и поняла, потому что не хотела конфликта, который дался бы нам обоим разбитыми нервами. Обычно женщинам неприятно, когда даже спустя три месяца разрыва бывшая ведет себя так, словно у нее пожизненный патент на этого мужчину. Тем более — бывшая, теперь уже чужая жена.

— Йен, слушай, — Антон морщит нос, — а можно как-то без вот этого менторского тона? Проще и по сути?

Мне снова хочется спрятаться от этого разговора. Как будто совершила смертельный грех.

Но я и правда говорю немного как мой психиатр. Не нарочно. Само получается. У нее так хорошо получается раскладывать все по полочкам — и мне невольно хочется донести все и ничего не упустить.

Слушать, наверное, не особо приятно.

— Твоя бывшая знает, как ее сын к тебе привязан? — Дожидаюсь его короткого кивка и продолжаю. — Знает — и все равно привозит. Ты же понимаешь, с какой целью?

— Да мне срать на ее цели, — снова огрызается Антон.

— А мне на что насрать, чтобы развидеть, как эта святая невинность пыталась вас помирить? Прости, что не могу умиляться ни на ребенка, ни на его мотивы. И прости, что мне эгоистично хотелось, чтобы твоя эпопея с бывшей, наконец, закончилась, а не сменила игровое поле.

Я говорю спокойно, но внутри меня все расшатало до состояния черных мошек в глазах, и будет просто чудо, если не грохнусь в обморок по крайней мере до того момента, пока мы

не выяснить отношения. Лучше бы, конечно, на положительной ноте, но надежда на это тает с каждой секундой.

— Прости, что была очень... категорична в начале разговора, — вынуждена это признать и мне не стыдно извиниться. — Но я просто чувствовала себя лишней. Ненужной. Ты ушел от женщины с ребенком от другого мужчины, значит, ушел и от этого ребенка тоже. Сейчас у него есть отчим. Не такой идеальный как ты, но ни меня, ни тебя все это уже не должно волновать. А теперь твоя бывшая получила просто вот такой, — развожу руки максимально широко, — повод думать, что за тебя можно и нужно продолжать сражаться. Как там говорят? Если мужчина любит женщину, он любит и ее детей?

На мгновение мне кажется, что Антон сорвется: он с шумом выдыхает через нос, немного нервно сует ладони в передние карманы джинсов и пару раз раскачивается с пятки на носок, как будто совершает примитивную медитацию.

— Я просто поиграл с пацаном в настолку, Очкарик. Без задней мысли. И не собираюсь извиняться за это.

Что-то такое я и предполагала. Как будто мне были нужны эти извинения.

Мое внутренне равновесие покрывается мутным илом всколыхнутой с самого дна боли.

— Тогда, наверное, я очень не права, что начала этот разговор, — говорю растерянно, но сухо. — Ребенок ни в чем не виноват. Даже в том, что его используют в качестве капкана на моего, кажется, теперь уже бывшего... будущего мужа?

Мне так сильно больно, что я топлю все эмоции и чувства, закрываюсь в самой глубокой башне подземелья, надеясь, что хотя бы там мне удастся пережить ковровую бомбардировку пары следующих необратимых фраз.

Кручу кольцо на пальце.

Моргаю, потому что блеск камня режет глаза.

— Прости, что... — У меня не хватает сил сказать, что если эта женщина и все, что с ней связано, и дальше будут вырастать на горизонте, словно ядерный гриб, я просто сойду с ума.

Пытаюсь обойти Антона, одновременно стаскивая кольцо, но оно, хоть не жмет, словно въелось в палец.

Антон перехватывает меня за локоть, резко и бескомпромиссно притягивает к себе.

Обнимает.

— Я не буду извиняться, но обещаю, что прямо сейчас закрываю свое прошлое на замок и выбрасываю ключ. Можешь дать мне по яйцам, если обману. Я выбрал тебя, малыш. Правда, не было никакой задней мысли вообще. Просто... ну реально жаль пацана.

Я всхлипываю, цепляюсь руками в свитер у него на лопатках.

Хоть бы не реветь, хоть бы не реветь.

Реву. И слезы оставляют пятна на крупной белой вязке.

— А вот если еще хотя бы раз попытаешься снять кольцо с такими идиотскими намерениями — заберу и поверю, что совершил ошибку.

— Больше не буду, — катаю лбом по его плечу и глупо улыбаюсь сквозь слезы. — Я боюсь таких зубастых соперниц, мой ты неумный мужчина. Я им закуска на один зуб.

Антон все-таки немного отстраняется, обнимает мое лицо ладонями и совершенно серьезно говорит:

— Но женюсь-то я не на зубастой суке, а на зареваном мопсе.

— Сам ты... — икаю, — мопс.

— Не, я уставший замученный Бетховен.

Мы стоим так еще минуту или две. Даже не хочется больше ничего добавлять к уже сказанному, потому что самое главное я уже услышала, и прямо сейчас даю себе обещание больше никогда не спешить с выводами и не торопиться решать недопонимания радикальными способами. Ведь я только что могла остаться... без него. Он мог бы не останавливать меня, позволить мне совершить импульсивную глупость — и наш короткий роман без продолжения стал бы просто вырванными из тетради страницами.

Но раз мы пережили нашу первую ссору и даже не пришлось использовать бинты, пластыри и шины, то самое время вскрыть еще одну проблему. И сделать это нужно прямо сейчас, пока я под завязку заряжена уверенностью в поддержке своего мужчины.

Я провожу Антона за дом, там, где у бабули сложенный из кирпичей мангал, и где мужчины готовят мясо. Антон пожимает руки всем, даже Саше, который протягивает ладонь с явной неохотой.

— Можно тебя на минуту? — спрашиваю его, и мой бывший удивленно приподнимет брови, как будто я призналась, что собираюсь устроить ему трепанацію.

— Что случилось?

— Можно поговорить с тобой не здесь? — с нажимом повторяю я.

Саша прекрасно разбирается в цифрах и у него идеальный нюх на удачные сделки, но иногда он не понимает элементарных намеков. Или, возможно, делает вид, что не понимает, когда это играет ему на руку.

Отец внимательно следит за нами, но не вмешивается.

Саша откладывает на край стола шампур, на который нанизывал замаринованные куски курицы, просит отца слить ему на руки и идет за мной. Пару раз пытается спросить, в чем дело, но я нарочно отмалчиваюсь.

Ребенок Наташи уже во дворе — играет с Анечкой. Возможно, это только мое буйное воображение, но когда мы случайно сталкиваемся взглядами, мальчик смотрит на меня, как на врага. С оглядкой на то, что я, нехорошая тетя, украла у него спутника для игры, это вполне логично.

— Ты можешь перестать играть в молчанку? — раздражается Саша, когда открываю дверь и жестом предлагаю ему войти в дом первым. — Что за очередная хрень у тебя в голове.

— Моя очередная хрень — ты и твоя жена, — огрызаюсь я.

Это... почти приятно.

Не держать в себе злость, не гасить ее собственным покоем. Расплачиваясь убитыми в хлам нервами и испорченным настроением, а быть как все — злой, когда хочется злиться, раздраженной, если что-то не нравится. И сухой, если окружающие этого заслуживают.

Наташа до сих пор в той комнате, где Антон играл с ее ребенком в «Монополию», и игровое поле разложено на том же ходе, как будто ей даже в голову не могло прийти, что Антон не вернется. Мне даже приятно чувствовать злорадство в этот момент и не стыдно за эти чувства.

Я снова пропускаю Сашу вперед, захожу следом и закрываю дверь до громкого щелчка.

Пора сделать то, что так часто делают героини моих книг — встретить врага лицом к лицу. Даже если это неравный бой двое на одну.

Глава пятьдесят первая: Йен

— Сейчас будет гроыхать? — язвит Наташа, скрещивая руки на груди. — В тихом омуте черти водятся?

— Лучше злые черти, чем хитрожопые суки.

— Так, а ну...

— Помолчи, — ставлю Сашу на место до того, как он задавит мою решимость.

Он знает, как это сделать, потому что много раз проворачивал этот фокус, когда я пыталась поговорить о проблемах в наших отношениях. Обычно пары фраз о том, что проблема во мне и я перекладываю на него свое нежелание работать над собой, было достаточно, чтобы обратно затолкать меня на территорию молчания.

— Мне все равно, что у вас за больные отношения, и почему твоя жена через пару дней после свадьбы бежит к своему бывшему, чтобы выкатить ему сцену ревности. Мне все равно, что вы то разводитесь, то снова сходитесь. Ебитесь, как хотите — мне плевать! — Я — дочка военного, я умею материться, если меня довести до белого каления. А сейчас у меня даже нет желания подбирать вежливую альтернативу, потому что эта фраза на двести процентов показывает мое отношение к этой парочке и их проблемам. — Но я больше не хочу видеть ни одного из вас, никогда и нигде.

— А ты не охренела ли?! — визжит Наташа.

— Помолчи, — все-таки осаждает ее Саша. Долго смотрит на меня, щурится. С таким же лицом он обычно проворачивал в голове какие-то финансовые схемы. Только сейчас он явно переваривает долю моих откровений. И явно не в курсе, что в то утро его молодая жена пыталась залезть в постель к своему бывшему. Следующий вопрос подтверждает мою догадку. — Ты откуда знаешь?

— Я была там, когда она прибежала в восемь утра выяснять отношения.

— Наябедничала, довольная? — Эта баба так зла, что ей даже не хватает ума попытаться что-то соврать.

— Ты была в восемь утра у мужчины, которого знала пару дней? — Сашу как будто только это и волнует. — То есть это только со мной ты играла в невинность, которой больно если в нее вставляют член?

Я просто запрещаю себе реагировать на провокации, хоть очередная попытка выставить меня обманщицей и шлюхой с противным скрипом царапает нервы.

Мне нужно было выпить таблетку.

Меня снова шатает от эмоций, с которыми я не в состоянии справиться сама. Слишком долго испытывала свое терпение и копила весь негатив сегодняшнего дня, чтобы это прошло бесследно.

Но все-таки я закончу этот разговор. Ради себя. Ради того, чтобы хоть что-то в жизни зависело от меня.

— Больше никаких визитов на семейные посиделки, Саш, — стараюсь держать ровный холодный тон. Его это всегда раздражало, всегда упрекал, что заранее готовлюсь к разговору, даже если конфликт возникал «онлайн». — Придумывай что хочешь, но я больше не хочу вас видеть. Со своей стороны, обещаю, мы с Антоном не будем ездить на праздники Сергеевых.

— Вы с Антоном?! — Наташа хватается за руку и размахивает ей у меня же перед лицом. — Думаешь, уже все, да? Поймала холостяка?! Окольцевала ветер? Знаешь, сколько

раз я ходила с обещаниями жениться и кольцами за пять тысяч рэ?

— Знаю, — вырываю кисть и с садистским удовольствием долго унижаемого, но вставшего с колен человека, даю ей пощечину. — Ни одного.

Она прижимает ладони к покрасневшей щеке.

Наверное, не будь так ошарашена, попыталась бы дать сдачи.

И все-таки пытается, когда через пару секунд справляется с первым шоком, но Саша отталкивает ее от меня, да так сильно, что она с размаху садиться на диван.

— Мы поняли друг друга, Саш?

Бывший смотрит из-под нахмуренных бровей. Тяжело, как будто отвинчивает мне голову.

Мне неприятно, что этот человек, на которого я в детстве смотрела, как на эталон мужества и силы, так стремительно скатился с пьедестала. И даже не когда у нас с ним не заладилось, и не в тот день, когда пришел сознаваться в измене с видом вырвавшегося из рабства пленника.

Именно сейчас он перестает для меня существовать. Становится посторонним мужчиной с дурными привычками и слабым характером.

— Поняли, — нехотя отвечает он и снова толкает Наташу на диван, когда она пытается лезть ко мне своими когтями цвета кислотной фуксии.

— Тогда начинайте прямо сейчас. — Он мотает головой, и я использую тот аргумент, который приберегла на самый крайний случай. — Либо забираешь свое семейство прямо сейчас, либо я рассказываю отцу все подробности вашего с этой... знакомства у меня за спиной. Твоя блестящая карьера очень быстро закончится.

— Не можешь по-хорошему, так решила поднасрать? — твякает из-за его плеча Наташа.

— Грязно играешь, Йени, — брезгливо кривится Саша.

— Я всегда была папиной дочкой, — отвечаю без намека на стыд и сожаление.

Его благоверная с психами толкает дверь и вылетает в коридор, что-то опрокидывая по пути.

— Надеюсь, это была не любимая бабулина ваза, иначе ты уже вдовец. И, Саш, хоть ты никогда не прислушивался к моим советам, сделай исключение хотя бы ради этого — разводись. Это существо тебя не любит и никогда не любило.

К моему огромному удивлению он согласно кивает — и на этот раз между нами только горечь.

— Знаю, маленькая. Проверил ее. На всякий случай. — Пока пытаюсь угадать, как и чем, берет меня за руку и стучит пальцем по камню. — Подарил ей «Сваровски» и сделал так, чтобы она об этом узнала. Отказался вписывать в свою квартиру. И повесил лимит на «пластик».

Тогда понятно, откуда выросли ноги у скоропалительного развода.

— А назад зачем принял?

— Ну должен же я получить хотя бы моральную компенсацию за кино про Золушку, снятое на мои деньги?

Права была бабуля, когда говорила, что бог не зря парует людей.

Эти сапоги друг друга нашли.

Глава пятьдесят вторая: Йен

— Мам, не плачь, пожалуйста. Ну мам, все хорошо же, не на расстрел иду.

— Да ну тебя! — Она снова громко сморкается в платок и смотрит на меня в отражении в зеркале. — Солнышко, ты... уверена?

Я поворачиваюсь, стараясь даже не вертеть головой и не делать ни одного лишнего движения, чтобы не испортить прическу и не «нарваться» на лишнюю складку на платье. До сих пор не верю, что все это происходит на самом деле. Еще месяц назад я думала, что буду жизнь одиночкой с тараканами в голове, фантазиями и мужчинами, которые существуют только в моих книгах, преимущественно с рогами и в чешуе.

А сейчас у меня белое платье, живые цветы в волосах и маленькая диадема, совсем как у принцессы. И через час я скажу «Да» человеку, который внезапно стал номером один в моей жизни, и ради которого я, наконец, готова попытаться совсем забыть прошлое.

Хоть это «Да» — просто формальность, и мне даже не хочется говорить об этом маме, чтобы не портить ее приятно-слезливое настроение.

В понедельник мы с Антоном поехали в ЗАГС и подали заявление.

Во вторник вечером ему позвонили, и он попросил отдать ему паспорт до конца среды. Я бы отдала ему не только паспорт, но и все конечности, и сердце, и душу, если бы он попросил, так что просто молча, ни о чем не спрашивая, протянула ему паспорт.

В среду вечером он привез мой любимый кекс из «Буше», безалкогольное шампанское, Мартини и свидетельство о браке.

Так у моей фамилии «Воскресенская» вырос маленький дефис и большой повод для счастья — «Сталь».

Я долго смеялась, потому что в нашей непростой истории я узнала фамилию мужа... в ЗАГСЕ, когда мы писали заявления.

А сегодня, как и обещал Антон, у нас просто формальная гражданская церемония, которую ведет не работник дворца бракосочетаний, а просто специально нанятый человек.

И я до сих пор не понимаю, как нам удалось все организовать за пару дней.

Та милая женщина из агентства, с которой я полдня просидела сперва на телефоне, а потом в кафе, где мы выпили много-много чашек сладкого капучино, навсегда останется в моей памяти сказочной феей-крестной.

А платье...

Я бережно провожу кончиками пальцев по вышивке ручной работы на итальянском шелке. То, что его привезли меньше чем за двое суток — еще одно маленькое волшебство, и то, что оно село по фигуре с минимальной коррекцией, которую девочки из салона сделали за несколько часов — тоже.

Так что, даже если на нашей свадьбе не будет никого, кроме родителей с двух сторон, у меня все равно самый лучший в мире жених, самое красивое в мире платье и самое идеальное настоящее счастье.

— Йени, ну что ты, тушь же потекла! — Мама быстро промокает платком уголки моих глаз, но я останавливаю ее, обнимаю крепко-крепко, чтобы разделить с кем-то слишком огромное для меня одной счастье.

— Мам, мы с Антоном уже три дня женаты, — говорю ей на ухо, и она отодвигается, чтобы посмотреть на меня ошарашенным взглядом. — Так что я... Воскресенская-Сталь еще

со среды.

— Солнышко...

— Сегодня просто... красивая церемония, мы так решили. — И чтобы разбавить этот шок, быстро перевожу тему: — Оказывается, работники ЗАГСа выезжают только в строго отведенные места.

— Как уже?.. — Мама, совсем как я, прикладывает ладонь к губам. Как будто все то, к чему она усердно готовилась с момента, как я сказала о нашем желании расписаться, вдруг случилось с ней за секунду. — Йени, но... но как же...

— Мам, опоздаем, — подталкиваю ее к двери. — Антон никуда не денется, а вот Константиновский дворец может сбежать.

Наша маленькая церемония назначена на два часа дня.

Все утро моросит мелкий дождик, но пока мы едем, тучи постепенно расходятся, и как по заказу навстречу выкатывается умытое яркое солнце. Даже обычно не очень веселые Петербургские цвета осени становятся яркими и сочными.

Всю дорогу отец сдержано молчит. Ему отведена особенная роль — провести меня по дорожке до «алтаря» — свадебной арки с живыми белыми цветами и кремовыми ленточками. Раз уж мы решили обойтись без банкета, то во всем остальном я, с молчаливого согласия Антона, решила добавить немного сказки. Правда, мои ворчливые мужчины не могли не сказать — практически хором — что вся эта американщина им не по душе — но в итоге мы нашли компромисс.

Оставить все как есть, даже американщину.

Я потихоньку улыбаюсь, вспоминая, как еще у бабули на пирогах отец отвел меня в сторонку и сказал: «Фамилию не менять, мои внуки будут Воскресенскими!» И гордо задрал нос, когда я ответила, что ни за что на свете не отказалась бы быть Воскресенской.

Дорожка до арки, которую разместили в парковом проходе как раз с видом на канал и дворец, посыпана розовыми лепестками. Я осторожно иду по ним, держа отца под руку, потому что, хоть на мне туфли от Джимми Чу — и это тоже не случайно — они никак не уменьшили мою фантастическую способность спотыкаться обо все на свете.

Маленьким шагами навстречу моему мужчине, который ждет меня в арке, похожий на Принца, который прискакал на свадьбу сразу после боя с драконом. Модный темно-серый костюм, расстегнутая на пару пуговиц рубашка, выглядывающие на пару сантиметров из рукавов манжеты с запонками.

И ветер немного шумит в еще не совсем облетевших кронах деревьев.

Наша музыка на сегодня.

Я хочу расплакаться, потому что этот момент просто не может быть лучше.

Отец, как сокровище, передает меня с рук на руки.

Если бы не бегающие фоном щелчки фотоаппарата, я бы подумала, что точно сплю.

— Ничего себе... — Как будто себе под нос бормочет Антон, разглядывая меня с ног до головы. — А как это снимается?

У меня закрытое до самой шеи платье с целой кучей пуговиц на спине. Пока мама застегивала их, раз десять сказала, что я жестокая бессердечная женщина.

— Сзади пуговицы, — отвечаю шепотом.

— И много? — Он делает притворно страдальческое выражение лица.

— Пятьдесят девять, кажется. Или шестьдесят девять?

— Ну на хрен, госпожа Сталь, ножницы у нас в доме точно есть.

Это «у нас» режет мое терпение без возможности сохраниться.

Наверное, Константиновский дворец еще никогда не видел такого моря слез, как за тридцать минут, пока длится эта ожившая специально для меня сказка.

Хорошо, что они абсолютно счастливые.

Глава пятьдесят третья: Антон

Я всегда знал, что свадьба, цветы, платье и вот это вот все — это фансервис для девочек. Мужчине по большому счету все равно, как пройдут формальности. Но все равно переживал, что Йени заставит меня придумывать свадебные клятвы и разучивать свадебный танец.

К счастью, ничего из этого не случилось.

Нам прочитали красивую — даже мне понравилось — речь о единстве душ и одном на двоих будущем, потом мы сказали друг другу «да» и «да», обменялись кольцами и я, наконец, заполучил принцесску для поцелуя.

С живыми орхидеями в волосах она и правда похожа на картинку из мультика, хоть изначально я был скептически настроен насчет платья. Но было бы просто свинством предложить Очкарику пойти замуж в джинсах и свитере, хоть даже в таком наряде она не стала бы для меня менее ценной.

— Между прочим, — Йени снова наклоняется к моему уху, когда мы едем в ресторан, — на мне Джимми Чу.

У нас на свадьбе нет лишних людей, так что машину веду сам. И до последней минуты это не доставляло дискомфорта. Пока моя жена вдруг не развернулась так, чтобы сидеть ко мне лицом, и не начала медленно, явно провоцируя, задирает шелк юбки вверх по ноге. Обнажая сперва убийственно острые каблуки белых с вышивкой туфель, потом затянутые в чулки лодыжки и колени, и еще немного выше, до края ажурной резинки.

— Я не понял, женщина, ты решила устроить первую брачную ночь прямо сейчас? — Пытаюсь казаться бесшабашно веселым, но на самом деле было бы реально круто забить на ресторан, свернуть в сторону дома, затащить добычу в берлогу и оставить в одних этих туфлях. И еще чулках.

— Просто озвучиваю один из сюрпризов, — загадочно улыбается она и быстро прячет ноги под платьем. Снова ни намек на соблазнительницу — все та же милая и замороченная малышка в очках, которую я три недели назад поймал на свадьбе моей бывшей.

— Один из?

— Нууу... под платьем же тоже все не просто так, — становится румяной и смущенной.

— Ты не оставила даже подсказки моему воображению, — делаю вид, что ворчу, потому что ее платье, хоть оно очень скромное, мне нравится. Никаких идиотских пышных юбок, всяких отваливающихся на каждом шагу бусинок.

— В том и интрига!

На светофоре вдруг снимает мою правую руку с руля, прижимается к тыльной стороне ладони рукой и на минуту застывает вот так, закрыв глаза.

— Ты правда настоящий? — спрашивает с опаской, шепотом. — Иногда я просыпаюсь ночью и боюсь открыть глаза, потому что ты можешь оказаться сном, который больше не ночует на соседней подушке.

Иногда мне кажется, что она привязана ко мне... слишком сильно. Нездорово сильно. Но, может быть, это все только потому, что я, наконец, встретил девушку, которая действительно искренне и всей душой меня любит? Просто так, потому что я — это я, даже с кучей недостатков, тяжелым характером и не самыми прогрессивными взглядами на жизнь.

— Я абсолютно настоящий, малыш. Можешь даже потыкать в меня пальцем.

К черту все, в конце концов, не во всем же есть какой-то подвох?

Мы отмечаем в ресторане, внутри пришвартованного на берегу Невы корабля. Сняли один из маленьких залов, и для нас его украсили цветами, лентами и всякой не попсовой свадебной мишурой. Нас всего шестеро, так что никакого отдельного стола для гостей, садимся все вместе.

Идеальная свадьба. Вынужден признать. Знаю, что Йени чуть не на целый день зависла с женщиной из агентства по оформлению подобных мероприятий, и хоть изначально был настроен скептически, кажется, у них все получилось.

И главное — никакой орущей и мешающей нормально есть тамады. Хоть одной я точно благодарен за то, что она вытащила меня из-за стола.

— У тебя такая загадочная улыбка, — потихоньку, пока ее отец разливает шампанское, говорит Очкарик.

— Подумал, если бы не та крикливая тамада, парочка наших бывших и наш нестандартный взгляд на расставание, я бы до сих пор был холостяком.

— Расстроен? — Она снова беспокоится.

Вот как с ней шутить, когда в каждой шутке чуть ли не трагедия?

— Думаю, тамада заслужила новогоднюю открытку и кулек с мандаринами.

Лицо Очкарика покрывается румянцем, глаза снова счастливо сияют, и я успеваю поймать момент, чтобы поцеловать ее за ухом, туда, где от нее оглушительно-сладко пахнет цветами.

Если бы во мне оставались какие-то сомнения, поступил ли я правильно, добровольно сдавшись в брачный плен, то сейчас от них не осталось бы и следа.

Нам будет хорошо вдвоем. Много-много лет, потому что мы не связаны неземной любовью, которая со временем угаснет, и у нас не останется даже тем для разговоров. Мы связаны общими взглядами на все и желанием уважать личное пространство друг друга.

Через пару часов, когда начинает темнеть, Очкарик тянет меня на улицу. День сегодня на редкость теплый и даже удивительно, что после пасмурного утра нам на головы не пролилось ни капли дождя.

— Так и скажи, что хочешь хвастаться платьем, — подшучиваю я, когда она утаскивает меня на небольшую смотровую площадку.

— Может быть. — Она неуклюже пытается быть загадочной. — Это же так несправедливо: быть принцессой всего один раз.

Чуть не говорю, что у многих гораздо больше, чем «не один», но вовремя прикусываю язык, зная, что она снова расстроится или увидит в этом повод заморочиться о будущем. Все же, вынужден признать, она учит меня терпению. Не в моем характере задумываться над каждым словом, но ее не хочется обижать. Потому что будет думать всякую ерунду, дрожать, смешно икать и снова прятаться в себя, куда мне пока нет хода.

— Можешь носить его дома, вместо халатика, — подыгрываю я, приобнимая жену за талию.

Надо же, вот эта неуклюжая и неуверенная в себе девчонка — моя жена.

Собираюсь сказать, что она для меня в некотором роде тоже чудо, потому что за две недели склонилась к тому, над чем я никогда всерьез не думал даже когда был в длительных отношениях, но Йени смотрит мне через плечо, в сторону набережной. И буквально на глазах вся ее игривость улетучивается.

— Мне кажется... — Она не заканчивает, почему-то отстраняется, хоть я пытаюсь ее

удержать.

Что ей кажется, я вижу через несколько мгновений, когда по трапу корабля-ресторана в нашу сторону, шатающейся походкой и размахивая бутылкой в руке, идет та самая гламурная «красавица», которая буквально вчера снова наяривала мне весь день, пока я просто не отправил ее в черный список.

Она абсолютно точно в хлам. На секунду мне кажется, что она свалится в воду, когда запрокидывает голову и прямо с горла бутылки вливает в себя порцию алкоголя, так крепко ее заносит. Но не зря же говорят, что пьяного и дурака бог бережет. Там, где трезвый уже давно кувыркнулся бы с трапа, эта балансирует почти как канатоходец. И нетвердой походкой направляется к нам.

Глава пятьдесят четвертая: Антон

Понятно, что Очкарик ее не приглашала и вряд ли сообщала о месте проведения праздника. Но у них же дружба семьями, возможно, мама Йени что-то сказала матери этой гламурной кисы. Да и по большому счету это неважно, раз дерьмо уже случилось.

— Йени, может зайдешь в зал? — Пытаюсь снова взять ее за плечи.

Она сначала как будто соглашается и даже пытается отойти в сторону, но пьяный голос Вики тормозит ее на ходу.

— Что, снова сбежишь, наша бедная несчастная... обманщица? — пьяным голосом кричит деваха.

Очкарик останавливается и в поисках поддержки жметя к моему плечу.

Делаю шаг вперед, закрываю ее спиной.

Вика останавливается в паре шагов от меня, мутным взглядом оценивает с ног до головы и снова глотает из бутылки. Пьяно хихикает, икает и поднимает ладонь, как будто хочет извиниться.

— Защитник в полный рост, — нарочито басит она, «отдавая честь» ладонью. — Ничего, что я без пригласительного? Кажется, оно потерялось в почтовом ящике.

— Шла бы ты отсюда.

— Да ладно, майор, мы же вот с ней, — пытается заглянуть мне через плечо, — подружки с самого детства. Уроки вместе делали, дневники вели с секретами, о мальчиках говорили. Вещи друг у друга одалживали. А потом твоя жена, — Вика нарочно театрально смеется, как будто все это — какая-то комедия, — решила одолжить моего мужа. Представляешь? Эй, милая и пушистая, это месть за то, что я не вернула те джинсы?

— Уходи, пока у меня не кончилось терпение, — все еще пытаюсь все решить миром.

Понятно, что у бабы сорвало крышу: найти в телефоне своего мужа кучу фотографий лучшей подруги, которую собиралась сделать кумой — не самое приятное открытие. И я даже могу допустить, что у нее есть повод заклинить на этой теме. Йени, насколько я понял, так и не захотела с ней поговорить. Я бы поступил иначе, но все-таки между ними много лет дружбы, так что не стал лезть с советами.

— Слушай, подруженька, а ты когда на моего Вадика глаз положила, а? До того, как мы стали встречаться? Или после? Или когда мы поженились? Это такая месть мне, да?

— Между мной и Вадиком никогда ничего не было, — слабо, как заранее проигравшая, защищается Очкарик. — Вика, ты все не так поняла.

Гламурная киса как и не слышит: снова пьет и на этот раз очень не по-женски, грубо, рукавом свитера вытирает с губ красное вино.

— Слушай, майор, а вот скажи мне, ты же следак: когда в телефоне мужика куча фотографий другой женщины — это просто так или все-таки повод для подозрений?

— Это повод думать, что твой мужик — баран, который залип на другую женщину.

— Вот! — вскидывает палец Вика.

— Но это не означает, что женщина отвечала или отвечает ему взаимностью, — заканчиваю мысль, но она проходит через голову кисы сквозняком, вряд ли посеяв хоть зерно сомнения в ее абсолютной уверенности во взаимной измене.

— Вика?!

В наш скандальный треугольник врзается вопросительный голос Светланы Алексеевны

— мамы Очкарика. Она становится так, чтобы видеть нас всех и неодобрительно смотрит на бутылку в руке Вики.

— Ты... что случилось?

— А что могло случиться, Светлана Алексеевна? — пьяно «делает глаза» гламурная киса. — Пришла поздравить со светлым днем подругу детства, за это же не расстреливают?

— Ты пьяная?

Мысленно прикрываю глаза рукой, в который раз задаваясь вопросом, почему в подобных ситуациях люди, как правило, начинают с констатации очевидных фактов? От нее даже без бутылки алкоголем прет с заносом на пару метров вперед.

— Светлана Алексеевна, вы же знаете, что иногда в жизни случаются огорчения. — Гламурная киса криво ей подмигивает. — И иногда с ними никак не справиться без... помощи. Я вот напиваюсь, — машет бутылкой, — а наша маленькая засранка голову лечила.

Она прикрывает рот ладонью, как будто разболтала большой секрет.

— Антон, пожалуйста, уведи Йени.

Я бы и рад, но она стоит сзади, как вкопанная. Смотрит куда-то сквозь меня стеклянными глазами и почти не реагирует на мои попытки окликнуть ее по имени. А когда встряхиваю ее за плечи, вырывается и вдруг сама идет Вике навстречу.

— Антон, забери ее! — почему-то кричит теща.

Ловлю Йени за запястье.

Она резко — как будто даже слышу хруст в ее плече — одергивает руку.

В пару шагов оказывается рядом с Викторией.

— Мечь? — слышу ее сухой и хрустящий, как гравий под ногами, вопрос. — Мечь за что?

На этот раз гламурная киса надолго присасывается к горлышку, а потом просто выплескивает вино на моего Очкарика. Красное пятно расплывается по ткани, стекает вниз по животу.

Йени столбенеет, не отзывается на наши с ее матерью попытки привести ее в чувство, как будто кто-то душа вышла погулять из этого тела.

— Убирайся вон! — орет женщина, пытаюсь оттолкнуть Виду, которая лезет к Очкарику, пытаюсь ударить.

Успеваю поймать ее, скрутить за руки, но гламурная киса брыкается, словно одержимая.

— Они тебе тоже не сказали, майор? Большой секрет Воскресенских, большая семейная трагедия. Большой пиздежь, который они вешают всем лохам вроде тебя!

Напоминаю себе, что женщин, даже если они ведут себя как твари, бить нельзя.

— Ну, Светлана Алексеевна, просветите зятя, что подсунули ему сумасшедшую, которая дважды хотела выйти в окно и живет на таблетках, потому что иначе у нее едет крыша и дохнет кукушка! Расскажите, что она нажаловалась папочке на мальчика, который не так ее поимел, и того мальчика потом нашлидохлым в лесу! Расскажите, что впарили нормальному мужику больную на всю голову психопатку!

Что за хуйню она несет?

Пока я пытаюсь понять, вранье это или страшный сон, становится странно тихо. Чокнутая перестает дергаться и, даже освободившись из моих рук, не пытается снова накинуться на Йени с кулаками. И даже пьяной уже не выглядит.

Протягивает мне бутылку.

— Выпей, Антон, за упокой своей беззаботной жизни. Потому что, знаешь, тебя конкретно наебали. И не расстраивайся — не ты первый. Они всех имеют, это у них такой жизненный принцип. Сашку не продвигали по работе, пока он не согласился встречаться с их сумасшедшей доченькой. — Вика впихивает бутылку мне в ладонь. — Не знали, на кого спихнуть счастье, потому что нормальные мужики с ней не могут, она же сумасшедшая. Чуть что — сразу жрет таблетки и становится овощем. «Здравствуй, яблочко» — так это называется.

Ее монолог прерывает пощечина тещи.

Крепкая, звонкая. У Вики чуть голова не отваливается, так резко ее сворачивает на сторону.

И только в наступившей тишине я вдруг замечаю, что Очкарик рассеянно пытается стереть красное пятно с ткани, прямо ладонями. Трет сначала медленно, а потом сильнее и быстрее, скребет ногтями и в кровь счесывает костяшки о вышивку.

Светлана Алексеевна пытается ее остановить, но она пятится и продолжает.

Без единого всхлипа плачет, и слезы текут по совершенно мертвому, без единой эмоции лицу.

Она такая потерянная, не живая, что внутри лопается какая-то странная струна, о которой я не знал еще минуту назад. Как будто... и мне больно тоже.

Она всегда успокаивалась, когда обнимал.

Всегда оживала. И переставала плакать, стоило погладить по голове и сказать какую-то забавную хрень.

Именно это я пытаюсь сделать, только краем уха, с опозданием, как будто сцена рассинхронизирована со звуком, слышу крик тещи:

— Антон, не надо!

Мои ладони только касаются плеч Очкарика.

Она резко вскидывает голову, смотрит на меня абсолютно темными глазами, потому что зрачки стали огромными и утопили всю зелень, словно черные дыры.

Что-то не так.

У нее ужас на лице: тихий, но настолько выразительный, что хочет переключить этот канал и не испытывать судьбу.

— Не... трогай меня, — просит затравленно, как будто я приставил ей нож к горлу.

— Йени, малыш, это я, все хорошо.

— Не трогай меня... пожалуйста, не трогай. — Она обнимает себя за плечи, совершенно неестественно заводит ладони куда-то как будто на лопатки.

— Йен, да ради бога, просто разреши мне...

Говорю, наверное, громче, чем собирался.

Потому что мне впервые в жизни страшно, потому что ситуация абсолютно вышла из-под контроля и просто не понимаю, что происходит.

Мой Очкарик... Она здесь — но ее здесь нет.

И я пытаюсь поймать ее, задержать, не дать влезть туда, откуда потом не достану.

Это просто интуиция.

Попытка повлиять хотя бы на что-нибудь.

Но становится только хуже, потому что она начинает трястись и громко, хрипло, как будто с ножом в горле, кричит:

— Не прикасайся ко мне!

Глава пятьдесят пятая: Йен

Девять лет назад

Полгода назад я просто смотрела на Него со стороны и боялась даже представить, что может так случиться, что мы обменяемся хотя бы парой слов.

Пять месяцев назад Вика заметила, как я на него глазею, когда он с парой приятелей иногда зависал на уроках информатики, где проходил практику его однокурсник. На них все девчонки смотрели, потому что для нас, выпускниц, они были похожи на богов: такие же недоступные, абсолютно идеальные и неприкасаемые.

Вика сказала, что я должна просто подойти к нему и завести разговор. Например, о том, что неделю назад мне исполнилось семнадцать. Она считала, что это очень хорошая тема. И еще, что через пять месяцев я закончу школу — и тогда ему не придется скрывать, что он встречается с малолеткой.

Конечно, я не подошла, хоть однажды, когда Он оказался рядом, смогла даже открыть рот. Правда, так ничего и не сказала, только безобразно мычала, как Нео в Матрице, когда агент Смит показал ему, что рот можно заклеить буквально.

И тогда Вика взяла ситуацию в свои руки: просто толкнула меня, когда мы спускались с лестницы, и Он шел нам навстречу.

Если бы Он не поймал меня со словами «Ты такая очаровательно неуклюжая!», я бы точно ее убила.

Но Он сказал это. А потом придержал за локоть, чтобы меня на смыво волной летящих с последнего урока школьников. Спросил, как меня зовут, долго переспрашивал, думал, что ему показалось.

А на следующий день, когда информатика была у нас последним уроком, предложил провести меня до дома.

Мы начали встречаться. Не «официально», а просто обмениваясь сообщениями, перезваниваясь, встречаясь на крыльце школы. Потом Он пригласил меня в парк. Потом в кино.

Он был моим ожившим сном: взрослый, обаятельный, веселый и достаточно сдержанный, чтобы меня, романтическую до мозга костей дурочку, тянуло к нему, словно магнитом. А еще он был очень красивым, и даже шрам на лбу был частью этой красоты. Я могла просто смотреть на него и представлять, что это метка какого-то маленького Большого подвига.

Я любила его невероятно. Совсем без головы. Всей собой. Впервые в жизни любила человека до такой степени, что не представляла дня, в котором не было бы его голоса или короткого послания, или наших прогулок по набережной.

Мое платье на выпускном — белое, в пол, почти как свадебное.

Только немного испачкался подол, потому что наотрез отказалась его укорачивать, и даже в паре с высокими каблуками оно волочится по земле.

Он ждет меня через дорогу от ресторана. Курит в темноте. Черная футболка и черные джинсы, растрепанные от ветра жесткие черные волосы.

Такой безумно красивый, что сразу падаю к нему в руки, даю себя обнять. Выпила три глотка шампанского, но пьянит меня его запах: какой-то терпкий парфюм и крепкий запах табака. Он всегда много курит, а я могу наблюдать за этим часами.

— Точно одна сегодня? — Он сам ловит такси, прямо на дороге.

— Одна, — так сильно смущаюсь, что краснотой моих щек можно разводить огонь. —

Тут все до утра будут.

— Ок, школьница. Неохота на злого папашку нарваться.

— Я больше не школьница, — делаю вид, что обижаюсь, но Он затаскивает меня в такси и начинает целовать.

Мне не очень приятно целоваться. Это мокро и скользко, но мне нравится, как Он меня обнимает: крепко, словно хочет раздавить. Как будто это такое мужское признание в любви.

В лифте сам достает из моей сумочки ключи.

Переступаем через порог.

Не дает включить свет, отводит руку от выключателя.

— Может, на койке твоих предков? — Он посмеивается, стаскивая обувь.

Отрицательно мотаю головой — и в животе внезапно холодеет.

Что это? Паника девственницы?

В семнадцать вроде не поздно, а уже как раз.

Я сама выбрала этот день. Приурочила к особенной дате.

И надела белое кружево под свое почти_невестино платье. Тысячу раз представляла, как Он медленно, терпеливо меня разденет, будет целовать... везде-везде-везде.

Он целует в губы, с языком. Мне снова немножко хочется, чтобы перестало быть мокро и случилось приятно, но на этот раз во рту немного немеет. Он снова много курил. Тоже волнуется? Для него это тоже особенный день? Особенная я?

Он толкает меня в мою комнату. Она прямо в конце коридора.

Последние метры практически несет, взяв за плечи, словно статуэтку.

— Подожди... — Я упираюсь коленями в постель. — Может быть...

— Все хорошо, школьница, хватит тормозить.

Поцелуй у меня на шее. Щетина неприятно царапает кожу.

Я увожу плечи, когда пытается стащить платье.

Может быть... это просто паника? Я столько раз представляла, как все это случится, что теперь, когда ситуация не вписывается ни в один сценарий, теряюсь, не знаю, что делать?

— Че ты жмешься, как маленькая? — Он грубо тянет на себя.

— Просто... может... сначала чай? — Я боюсь пошевелиться, потому что впервые слышу его таким злым и раздраженным.

— Ага, — Он усмехается, — чай-кончай. Сама позвала перепихнуться, чего теперь жмешься? Не бойся, ты у меня не первая, порву как надо.

Я пытаюсь расслабиться. Он ведь прав: сама позвала, сама хотела.

Мне просто нужно немножко времени, чтобы перестать бояться и дрожать.

Отодвигаюсь и даже отхожу к противоположной стене. Тяжело дышу. Шея в том месте, где он терся губами и щетиной, ужасно болит, словно от ожога.

— Давай просто... поговорим, чаю выпьем. Есть настоящий пражский торт.

Он пристально на меня смотрит, сначала хмурится, а потом пожимает плечами и говорит:

— Ну торт — так торт.

— Ты просто... мой принц, — сияю от счастья и несусь мимо него к двери.

Он захлопывает ее у меня перед носом.

Хватает за плечи.

Грубо бросает на кровать.

Мне страшно. Это совсем не так, как я представляла у себя в голове. Это просто кошмарный сон. Я открою глаза, проснусь — и мой принц снова будет принцем.

— Че ты ломаешься?! — Пытается развести мне ноги, но платье слишком узкое.

— Остановись, пожалуйста. — От страха и непонимания горло словно стягивает удавкой. — Я не хочу. Мне страшно...

На мгновение Он как будто даже задумывается, а потом зло усмехается и рвет платье от подола до самой талии. Тонкий шелк поддается без заминки.

— Знаешь, блядь, я заслужил моральную компенсацию за то, что подтирал тебе сопли! Хватит меня динамить, сука. Думала, мальчика нашла, чтобы цветочки-бабочки?!

— Остановись! — Я кричу из последних сил. Не знаю, почему не зову на помощь или не кричу «Пожар!». Не знаю, почему прошу его остановиться. Но в голове вертится только одна мысль: он должен услышать. — Я никому ничего не...

Закончить не успеваю — от удара перед глазами все плывет, комната переворачивается с ног на голову, и я со всего размаха падаю с потолка на кровать. Твердую, словно бетон.

— Что ты, тварь, расскажешь? Что сама меня позвала? Что сама вырядилась и жопой крутила? Кому ты что расскажешь, блядина?!

Это сон.

Кошмар, в котором у моей сказки изнанка Сайлент-Хилла.

Но это просто сон. Проснусь — и ничего не будет. Только плохие воспоминания.

Говорят, дурные сны забываются до полудня.

Меня парализует ужас, когда Он, царапая кожу, сдирает по ногам белье.

— Нет, нет, нет... — Я тараторю слово за словом, как будто кирпич за кирпичом выстраиваю защиту. — Пожалуйста, не надо... Я же...

Он переворачивает меня на живот, вдавливая лицо в подушку, коленом разводит ноги.

Я кричу во все горло.

Я боюсь.

Я боюсь...

Убейте меня кто-нибудь...

Брыкаюсь изо всех сил, кричу, умоляю, вою полным ртом крови.

За волосы поднимает мою голову и на этот раз бьет кулаком в висок.

Я надеюсь, что выключусь.

Но сознание до сих пор в моей голове, хоть я почти не чувствую конечностей и не могу пошевелить языком.

Он тяжелый сверху на мне. Одной рукой держит затылок, другой возится с ремнем. Шелестит фольга, что-то бормочет про «хрен докажешь без спермы...»

Я хочу умереть прямо сейчас.

Боженька, пожалуйста, забери меня. Один маленький сердечный приступ — и больно уже не будет.

— Что ж ты такая тугая, булки расслабь, кому сказал или еще раз загасить?

В голове так тускло, что я не понимаю смысла слов.

Если не дышать — можно задохнуться?

Я пробую, но от острой боли захлебываюсь криком.

Боженька, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Глава пятьдесят шестая: Йен

Девять лет назад

Я снова падаю на бетон.

В темной комнате одна.

На полу.

Свернулась клубком. Мне как будто оторвали ноги — ниже пояса ничего не чувствую.

Пытаюсь нащупать бедро. Натыкаюсь пальцами на липкое холодное пятно между ног.

Сажусь. Кровь растекается подо мной.

Без света она черная, как будто я — каракатица и мне проткнули чернильный мешок.

Во мне совсем ничего нет, только какие-то механические мысли: нужно убрать, пока не приехали родители.

Если я никому ничего не скажу, то этого как будто и не было.

Дрожащими рукамирываю платье до конца. Становлюсь на четвереньки и пытаюсь вытереть «чернила». На белой ткани даже в темноте они становятся красными.

Нужно взять моющее средство. Да. Что-то из тумбочки под раковиной.

Нужно в ванную.

Встаю, колени склеиваются. Еле-еле делаю пару шагов. Останавливаюсь, глядя на тонкие разливы крови на внутренней части бедер. Она течет по ногам, до самых косточек. На следующем шаге поскальзываюсь, падаю на ладонь, мизинец неестественно выворачивается на сторону.

До двери ванной — на коленях.

В душ — ползком.

Воду на максимум, ледяную, чтобы заморозила.

Все равно горячо, над кожей как будто пар.

Вода стекает по мне, становится розовой от крови и убегает в сток.

Я чувствую на себе его руки, его запах.

Выдавливаю на голову половину бутылки геля для душа, но вся грязь на мне, под носом, куда ни посмотри. Она просачивается под кожу, в кровь, в сердце, в душу.

Ее можно «снять» только вместе с кожей.

Скребу себя ногтями до красных вспухших полос. Сильнее и сильнее, но уже ничего не чувствую.

Кровь идет не переставая.

Голова кружится.

Самостоятельно я уже не встану.

Вот оно — облегчение. Я просто закрою глаза, усну — и проснусь в другой жизни. В этой быть не хочу.

— Йени?! Господи, солнышко, маленькая моя, господи... да что же это такое? Что ты с собой сделала?!

Мама?

Сколько прошло времени?

Почему я до сих пор дышу?

Она вытаскивает меня из душа — безвольную, тяжелую и мокрую, как медуза.

Кричит, плачет, тянет куда-то по полу, падает, снова тянет.

— Потерпи, солнышко, потерпи, маленькая...

Я отключаюсь.

Включаюсь — завернутая в одеяло, как в кокон. Стучу зубами.

Выключаюсь.

Включаюсь от голоса: «Света, у нее разрывы по живому, в больницу срочно!»

Выключаюсь.

Включаюсь от разноцветных вспышек перед глазами.

Голоса. Много голосов.

«Три укола — не берет ее, Геннадий Степанович...»

«Кровь на анализ...»

«Зафиксируйте факт...»

«Внутренние разрывы, два наружных шва...»

«Наркоз не берет, Геннадий Степанович!»

Я лежу в кресле и чувствую, как меня зашивают, словно порванного медвежонка.

Мама крепко держит за руку, целует костяшки пальцев, плачет.

Как ей сказать, что я не хочу и не буду жить? Она такая слабенькая, ей больно будет, она не поймет.

Я принимаю таблетки, уколы и капельницы, как в детстве, «с ложечки»: за маму, за папу, за бабушку, за дедушку.

Живу в тумане.

А они там, снаружи, думают, что мне не больно, потому что я почти все время сплю, а когда не сплю — не могу оторвать голову от подушки.

Но боль здесь, у меня под кожей, в крови, в плоти и костях. Ей даже некуда выйти, она разбухает, как рак, просачивается везде. Мне больно дышать, больно шевелиться, больно думать.

Мне слишком больно жить.

— Ты куда, солнышко? — Мама смотрит, как встаю с кровати. Кажется, впервые за... сколько? Я потеряла счет дням.

— Пить... хочу.

— Я принесу, — спохватывается она, но я за плечо усаживаю ее обратно.

Ей нельзя нервничать, снова давление поднимется.

А мне нужна только одна минута.

— Мам, все хорошо. Я сама могу.

— Правда? — У нее красные запухшие от долгих часов слез глаза.

Это моя вина. Моя боль, которая уже начала выплескиваться наружу.

— Правда, мам.

Дверь на кухню закрываю тихонькую, до приглушенного щелчка.

За окном — тихая июньская ночь и полное небо звезд, и луна размером с целый мир.

Улыбаюсь, распахивая окно настежь. Сколько раз сидела здесь на подоконнике, на маленьком матрасе: делала уроки, читала, мечтала.

Нужно помечтать еще раз, как в той, хорошей теплой жизни.

Нужно просто помечтать.

Перебрасываю ноги на обратную сторону. Прохладный ветерок щекочет кожу.

Стряхиваю домашние тапочки. Они падают куда-то в темноту.

Мне совсем не страшно. Мне легко, потому что сейчас все, наконец, закончится. В

другом мире больно уже не будет.

— Солнышко... Что ты...

Я закрываю глаза, подаюсь вперед.

— Йен, НЕТ!!! — Мама кричит так громко, что в окне дрожит двойной стеклопакет. — Нет! Нет! Я тебе запрещаю! Ты не имеешь права!

Глотаю слезы.

Боли слишком много. Я больше не могу с ней жить. У меня не получается. Я не знаю как.

— Слезь немедленно! — по-собачьи воет мама.

— Мамочка... — Хоть бы захлебнуться. — Мам... Мне так больно, мамочка... Мне очень больно, мамуля...

Она двумя руками хватает меня за запястье, шипит сквозь стиснутые зубы.

— Нет, я тебе запрещаю! Не разрешаю!

Этот скулеж — это я. Кусаю губы, чтобы кровь отрезвила, хоть мне это не нужно. Я впервые за много дней мыслю ясно, как никогда.

Пытаюсь выдернуть руку, но мама упорно пытается затянуть обратно.

— Мамочка, мне правда больно, понимаешь?! — теперь кричу уже я. — Мне так больно, мамочка... Отпусти меня, мамочка, пожалуйста!

— Нет, нет, нет... Я с тобой пойду, Йен! Слышишь? Сразу за тобой!

— Мамочка, отпусти... — Меня шатает из стороны в сторону. — Мамуля, пожалуйста, разреши мне... Очень больно, мамочка!

— Отец останется один! Он сам не сможет. Куда он без нас?!

— Мамочка...

— Я тебя не отпускаю! Не отпускаю!

Она втаскивает меня обратно.

Падаю с подоконника.

Бьет по лицу сразу несколько раз, ругает, кричит, обнимает и просит прощения.

Нервный тик судорогами проходит по ее телу.

Это — моя вина. Моя боль, которую не сумела приручить.

— Я люблю тебя, солнышко мое маленькое, так люблю...

Обнимаю ее в ответ.

Никто не заслуживает меня.

— Мамочка, все хорошо будет, — знаю, что вру.

Знаю, что придется учиться врать лучше.

Не знаю только одного.

Что делать, если не получится.

Глава пятьдесят седьмая: Антон

Мама Очкарика всхлипывает и нервно отхлебывает из стаканчика с кофе.

Я залпом пью свой.

Здесь, в больнице, даже кофе в автомате со вкусом медикаментов и запахом хлорки. Но реально по херу, потому что у меня впервые в жизни пиздец как сильно дрожат пальцы. Пытаюсь как-то справиться, но вместо этого сдавливаю стакан в кулаке. Остатки еще горячего кофе выливаются на ладонь.

Йени так и не пришла в себя.

Прямо из ресторана ее отвезли в медицинский центр.

Мне бы ничего не сказали, так что пришлось прыгнуть в машину и ехать следом.

— Я просила ее рассказать тебе... — Женщина спотыкается, мотает головой каким-то своим мысля. — Просила ее все вам рассказать, Антон. Чтобы вы понимали... Что она...

Она плачет и с благодарностью берет протянутый мной носовой платок.

Извиняюсь и выхожу на улицу. Здесь дышать нечем, башку сдавливает как тисками.

Пытаюсь вышвырнуть из головы ее испуганное: «Не прикасайся ко мне».

Словно вообще перестала меня узнавать. Словно на глазах из здоровой немного замороченной девчонки превратилась в инопланетянку.

А что если она больше никогда меня не узнает?

Что происходит в ее голове?

И что теперь делать мне?

В тяжелых ситуациях я всегда включал на максимум свою аналитический талант и пытался, опираясь на факты, смоделировать какую-то ситуацию. Что будет, если есть вот это и это? А если добавить вот это и то? А теперь убрать первое? Обычно самый приближенный к реальности вариант в итоге и получался. Самый жизнеспособный, но не самый лучший из возможных.

Я знал, что Очкарик замороченная. Я и выбрал ее потому что простых, понятных женщин с рефлексам уровня собак Павлова у меня было достаточно — и все они так или иначе оказались за бортом моей жизни. И выбрал не ради сравнения, и не потому, что собирался поставить галочку напротив строки «в моей жизни была чудачка», а потому что с ней, даже с тараканами, было лучше, чем с другими.

Но я не знал, что она — не_чудачка.

Что все настолько сложно.

Что в любой момент может случиться какая-то не зависящая от меня херня, и собственная жена перестанет меня узнавать, словно мы в голливудском триллере.

А если бы знал — что тогда?

Самый хуевый вопрос. Поэтому оставил его на потом.

Потому что ответа на него у меня нет. Даже если бы небеса разверзлись — и голос господень приказал ответить или не видать мне пропуск в Рай, я бы все равно не знал, что сказать.

Меня как будто... поимели. Показали кусок картинки и сказали: «Видишь, Антошка, эта хрень — совсем не то, чем кажется, а просто хрень». И я поверил. А оказалось, что хрень с самого начала была хренью, и об этом знали все, кроме меня.

— Антон? — кто-то трогает меня за плечо и я, вскинувшись, вижу маму Очкарика.

Если не услышал, как подошла, значит, сильно задумался.

— Йени... Она попросила вас позвать. — Женщина убирает прядь волос с проседью за ухо. Странно, что моя жена совсем на нее не похожа, хотя у них совершенно точно одинаковый разрез глаз и форма носа, и даже овал лица, хоть возраст все же скорректировал ее форму.

Жена.

Я теперь женатый хрен.

А раз жена обо мне помнит, то как минимум одной проблемой меньше.

— Как она? — Не уверен, что начинать нужно с этого, но в голове все равно только эта банальщина.

До сих пор не могу переварить услышанное. И не знаю, смогу ли в ближайшее время.

В голове не укладывается.

Не хочется верить.

Не хочется даже думать, что маленькая сопливая девчонка...

— Антон, я понимаю, что очень опоздала с этим разговором, — очень издалека начинает мама Очкарика, и становится понятно, что разговор, даже если он будет коротким, будет еще и дерьмовым. — И прежде чем начну... Хочу, чтобы вы знали — нам с Вовой очень жаль, что все случилось именно так. Муж... Он очень сложный человек, военные не бывают «бывшими», так, кажется, говорят?

Она смотрит на меня с грустной улыбкой, и я просто киваю, соглашаясь.

Как не бывает бывших ментов, следаков и всех остальных силовиков.

— Простите, что я одна говорю от нас обоих, и надеюсь это не уменьшит вес извинений, но мы просим у вас прощения за то, что... все так получилось. Я пыталась уговорить ее все вам рассказать, но для Йени это... очень... непросто.

Последние слова она как будто выдавливает из себя нечеловеческими усилиями.

— Светлана Алексеевна, все в порядке. — Ни хрена не в порядке, но не говорить же это женщине, которая только что рассказала мне, как ее единственную дочь... И как она в последний моменту спела поймать ее за руку.

— Муж считает, что неправильно лезть в жизнь детей. Даже если они не вполне здоровы и не понимают, что поступают как эгоисты. — Она вряд ли услышала мои последние слова. — И для него Йени... Вова хочет думать, что она такая же, как и девять лет назад. Ему так проще. Но я хочу, чтобы прежде, чем вы пойдете к ней, вы знали, что быть с ней будет очень... непросто.

Вот теперь она смотрит прямо мне в глаза.

Снова жутко не по себе.

— Я очень люблю свою дочь, Антон. У меня нет никого роднее. Она — все, что у меня есть. Единственное, ради чего я дышу. Я всегда буду ее защищать. От всего. От любого человека, любого взгляда, от ветра и солнца, и даже от вас, если потребуется. И если, конечно, — она на мгновение поджимает губы, — вы решите остаться с ней рядом.

— Вам бы этого не хотелось? — спрашиваю в лоб.

— Да, мне бы этого не хотелось. — Ей даже не нужна пауза, чтобы ответить.

— Спасибо за честность, — мрачно усмехаюсь я. Видимо, кто-то решил компенсировать умалчивание ударной дозой «истинного положения вещей».

— Я не желаю вам такой судьбы, Антон. Вы напрасно думаете, что не нравитесь мне или что у меня есть предубеждения против вас. — На этот раз она смягчается. Но смотрит

уже не на меня, а перед собой. — Вы мне понравились еще когда приехали на наши семейные посиделки, потому что моя девочка была счастливой рядом с вами. Я очень давно ее такой не видела. Целых девять лет.

Хочется сказать, что и я был счастливым рядом с ней, но слова почему-то застревают в горле и я отмалчиваюсь.

— Но я не желаю вам пережить то, что пережила я. И не пожелала бы этого ни одному мужчине, который был бы рядом с ней. Никогда. Потому что для нее прошлое не стало прошлым только потому, что случилось девять лет назад. Для нее это до сих пор настоящее. Хотя, вы же сами все видели.

Снова вспоминаю ужас на лице Очкарика и впервые в жизни жалею, что не курю.

Говорят, реально отпускает.

— Я каждый день благодарю бога, что оказалась рядом с ней. — Женщина потирает плечи, с шумом глубоко вдыхает и продолжает: — Дважды.

Дважды?

Глава пятьдесят восьмая: Антон

— Я бы не хотела сейчас... об этом, — пытается избежать болезненной темы мать Очкарика. — Это было давно. Пять лет назад. И она тогда сама очень испугалась, что все могло бы... получиться.

Дважды.

Я заикнулся на этом слове, словно крыса на кнопке, которая активирует удар тока в мозг. Только я не неправильная крыса, потому что нажимаю на педальку, которая причиняет боль, а не удовольствие^[15].

— Йени — она, возможно, никогда не будет здоровой. И это говорю вам я — женщина, которая выносила ее и родила. Никто сильнее меня не молит бога о том, чтобы она снова была как все. Чтобы когда ей больно — она плакала, а не улыбалась. Чтобы могла прийти ко мне, обнять и рассказать обо всем, что на душе. А не это ее бесконечное «Мам, у меня правда все хорошо», от которого у меня сердце разрывается. Я хочу, чтобы, когда она не берет трубку — это была просто шумная улица, или чтобы она проводила время с хорошим молодым человеком, или сидела с подружками в кино. Но обычно она просто садится с угол и плачет. Просто плачет, Антон. До сих пор. Потому что она — не здорова.

Я уже видел ее такой.

Когда Наташка ввалилась ко мне в дом тем утром, и Йени сбежала наверх, я нашел ее там в углу. Буквально. В наушниках и позе маленького ребенка, который боится темноты и остался один в комнате даже без ночника. Тогда казалось нормальным, что она испугалась — Наташка умеет появиться «эффектно», и даже мою маму с ее безграничным терпением пару раз доводила до белого каления.

И даже не насторожило то, что до нее я не видел, чтобы женщины вот так решали свои проблемы. Очкарик была просто замороченная — я списал все на это.

Поставил ей диагноз, который считал правильным — творческая личность.

— За девять лет, — снова прислушиваюсь к голосу Светланы Андреевны, — она так и не научилась справляться с плохими эмоциями. Но очень пыталась с вами — вы тоже должны это знать. Возможно, сейчас вам уже будет трудно поверить кому-то из нашей семьи, но я говорю искренне — она очень хотела стать... другой ради вас.

Мне почему-то больно это слышать.

— И если вы решите остаться вместе — она будет пытаться и дальше. Ради вас. Для вас. Будет делать то, что она делает ради меня и отца — притворяться. Потому что это оказалось легче, чем научиться кричать и плакать, и отстаивать свою точку зрения. Она будет удобной для вас. Потому что вы для нее... особенный человек. И я даже не буду пытаться понять, как вам удалось стать им за три недели.

— Я просто был рядом. — Другого ответа у меня нет.

Она кивает, соглашается и снова берет паузу, а интуиция снова подсказывает, что это — то самое затишье перед бурей.

— Антон, моя дочь сделает все, чтобы защитить вас от ее «ненормальности». Будет притворяться каждый день, каждый час и каждую минуту. Она думает, что мы с отцом ничего не видим и не понимаем, но мы тоже научились бы отличать фальшивую улыбку от настоящей, если бы могли сравнить. Почти десять лет я не видела ее улыбающуюся искренне. Но рядом с вами... это было. Я знаю разницу. И, прошу, поверьте, я больше всех

на свете хочу, чтобы Йени была счастливой рядом с человеком, ради которого она хотя бы начала пытаться...

— Но?..

Я откровенно зло иронизирую. Ничего не обходится без этого сраного «но».

— Я хочу, чтобы вы понимали, что у вас может ничего не получиться. Вы можете быть внимательным, делать все, что нужно и как нужно, оберегать ее от всего, пылинки сдувать, но что-то со стороны, как сегодня, разрушит месяцы вашего труда. Просто потому, что она увидит кого-то похожего на того человека. Хоть не может его видеть, потому что его уже давно нет в живых.

Я помню слова Вики. Хоть и несла херню, но по факту же оказалась во всем права.

Собакам — собачья смерть.

Надеюсь, тварь мучилась очень долго. Надеюсь, в том лесочке его закопали живым.

— Прежде чем пойти к ней, Антон, я хочу, чтобы вы понимали... все. Потому что не желаю вам видеть то, что видела я. И не желаю вам однажды... не успеть. И всю жизнь жить с мыслью, что вы могли бы что-то изменить, но не оказались рядом только потому, что забыли ключи в машине и задержались на ту единственную минуту, которая решила все.

Я понимаю, о чем она.

Только понятия не имею, что ответить.

— Я желаю своей дочери счастья, как никто другой. Но не ценой вашей жизни, Антон. Делайте выбор правильно.

Мне кажется, разговоры о выборе опоздали на целую жизнь.

Почему в этих больницах такие короткие коридоры?

Я нарочно иду медленно, чтобы хотя бы попытаться подготовиться к тому, что увижу. Взрослый мужик, а реально страшно до неприятного холодка вдоль затылка. Хочется поднять ворот рубашки, чтобы не сквозило, но ведь вся эта херня не снаружи, а внутри.

Я не верю в сказки о превращении лягушки в принцессу, но вполне верю в сказки наоборот. Миллион раз видел, как мои приятели, которые женились на милых девушках или вполне адекватных взрослых женщинах, становились заложниками монстров, с которыми было просто невозможно находиться рядом больше пяти минут. Я просто не выдерживал. Только потом мысленно благодарил мужиков за то, что, благодаря им, мысль о браке стала таким стоп-сигналом: сказка с красоткой подходит к концу.

В моей жизни не было женщин, которые бы оставались милыми и хорошими всегда. Через пару месяцев встреч вся «красота» рассеивалась, а богатый внутренний мир так и не появлялся. Хотя у меня были и умные, и даже очень умные женщины, но с ними была та же петрушка — в конечном итоге не было за что зацепиться, не было ради чего напрягаться и стараться. Как там любят говорить всякие гуру женского духовного развития? Не совпадали, блядь, глубокие энергетические потоки и вся эта хуерга.

Мне казалось, что Очкарик, которая на «красавицу» тянула с трудом, изначально была не такая, как остальные. Что мы как-то сразу совпали и как-то сразу везде: любили читать одни и те же книги, любили покой и уют, любили смотреть на дождь, любили просто кататься на машине без всякой цели и слушать музыку. Даже мультики про джедаев смотрели с одинаковым удовольствием и потом долго их обсуждали, валясь в кровати.

Мне казалось... Нет, я был уверен, что сделал правильный выбор. Потому что сделал его осознанно, без принуждения, не потому что надо, ведь уже «прошло так много времени и подружки спрашивают, почему я еще без кольца?» Я выбрал женщину для себя, не

идеальную для кого-то, но такую, как нужно мне.

И даже сейчас, когда она, как и остальные, снова стремительно превращается из принцессы в лягушку, не могу избавиться от навязчивой картинке в голове: счастливой испуганной улыбки и огромных заплаканных глаз, когда дарю ей кольцо. Тупо хочется улыбаться в ответ. Хрен знает почему. Прямо сейчас.

Я кладу ладонь на ручку двери и... все равно туплю.

Конечно, моя жена не превратилась в каракатицу, не окривела и вряд ли стала овощем, но до сих пор ли она — та самая девушка, на которой я женился всего пару часов назад?

И самое поганое — я до сих пор не знаю, что делать.

Меня поймали — будем называть вещи своими именами. Где-то подсознательно понимаю, почему она промолчала, хоть надеюсь, что сейчас Йени уже достаточно в себе, чтобы все рассказать сама. И сам я молодец — этого тоже нельзя отрицать. Если бы не поспешил, наверняка все это «тайное» стало бы явным в ближайшие месяцы.

Но.

Из головы не выходят слова ее матери.

Готов ли я к тому, что будет дальше?

Осторожно нажимаю на ручку, приоткрываю дверь и вхожу в палату.

Почему-то сразу бросаются в глаза идеально белые стены, окна, подоконники и даже мебель. Места здесь — хоть конем скачи. Хватает даже на маленький зеленый садик к углу, между столиком и креслом. Единственные темные мазки на всей этой невинности — картины на стене в геометрически ровных черных рамах.

На часах под «плазмой» — почти одиннадцать. Сюда мы приехали около шести.

Я нарочно не смотрю на кровать, которая, совсем как в американских фильмах, стоит посреди палаты, «головой» к стене.

— Дежавю, да? — слышу тихий голос. — Принцесса снова в башне, принц снова примчался ее спасать.

Поворачиваюсь.

И почему-то бьет в голову, как хук, к которому не успел подготовиться — она очень бледная. Какая-то почти серая. Наверное, поэтому покрасневшие веки кажутся такими... уродливо-ненастоящими. Словно неумеха-гример переборщил с драмой, и в итоге легкая милая припухлость превратилась в плохую попытку инопланетянина замаскироваться под нормального человека.

— Только на этот раз вместо принцессы — Баба Яга, — продолжает Очкарик.

Она пытается улыбнуться, пытается подбодрить сама себя.

Раньше я бы подумал: «Молодец, какой отважный карапуз, из последних сил барахтается». А сейчас у меня в голове торчат слова ее матери: «Она научилась хорошо притворяться... Она будет притворяться для вас...»

— Ну, давай все же будем честны. — Собственный голос звучит глухо и неприятно скрипит. — На Бабу Ягу ты не тянешь. Маленькая еще.

Ее руки лежат поверх одеяла.

Как-то очень бережно перебирает пальцами лепестки орхидеи. Наверное, одной из тех, что были у нее в волосах.

— Ты все знаешь, да? — На меня не смотрит, только как будто вздыхает и задерживает дыхание с приподнятыми плечами.

— Твоя мама рассказала.

Несколько раз качает головой и выдыхает.

Тихо, почти беззвучно.

Но это как серпом по яйцам.

Глава пятьдесят девятая: Йен

Akira Yamaoka — Please Love Me ... Once More

Мне так страшно поднять взгляд.

Так сильно страшно, как не было уже очень-очень давно.

Потому что пока я не смотрю на него — остается иллюзия волшебства. Остается маленькая надежда с оборванными крыльями, что все будет хорошо, что счастье, на которое я после этого ужасного вранья просто не заслуживаю, все-таки случится.

Бывает же в фильмах, что героиня прикидывается кем-то другим, герой сначала просто увивается за ней, потом влюбляется в ее душу, а потом, когда вскрывается правда, они расходятся, чтобы на следующий день понять, что любят друг друга не за имена и статусы.

— Как ты? — слышу его голос и с огромным трудом подавляю желание закрыть уши.

Это жалость.

Я научилась чувствовать ее даже по миллиграммам. Как парфюмер — слышу фальшивую ноту, портящую весь «букет».

— Хуже, чем утром, но лучше, чем несколько часов назад.

Хорошо, что мама забрала из палаты и испорченное платье, и туфли.

Хотела и орхидею забрать, но ее я оставила для себя.

Лежала и представляла, каким был бы вечер: как Антон срезал бы все пуговицы, потому что ему явно не хватило бы терпения расстегнуть их всех. Как платье упало бы на пол. Как я осталась бы в белых полупрозрачных кружевах, чулках, Джимми Чу и с цветами в волосах. А потом только в чулках, туфлях и цветах.

Перед глазами красные брызги прошлого.

Прикусываю губу, чтобы не закричать от боли, которая сдавливает колени, проходит спазмом вверх по бедрам до живота.

— Ты был таким... настоящим в моей ненастоящей жизни, — нахожу в себе силы начать исповедь. — Я... забылась.

Признаваться уже поздно.

Каяться — бессмысленно.

Просить прощения — смешно.

Есть только правда, которую я должна рассказать. Для нас обоих. Мне тоже нужно послушать историю маленькой балерины, которую сквозняком унесло в камин. Как говорил мой психолог: записывай все, что чувствуешь, а потом перечитывай, чтобы услышать и понять себя. А я, стоило взять ручку и блокнот, сразу начинала писать книги.

Сбегала от реальности в миры, где на помощь девушке в беде всегда приходит рыцарь без страха и упрека, где зло немного гротескное и корявое, но не очень страшное и слабое.

Последние девять лет жила, глядя на мир через кривые зеркала моих фантазий.

И в итоге... сама стала злой ведьмой, заманившей в сети единственного, возможно, человека, которому была хоть чуть-чуть небезразлична.

— Ты не был человеком из окружения. Ты видел меня впервые, ничего обо мне не знал, не общался с людьми, которые могли бы сочувствующе кивать и намекать: «Ну ты же в курсе, да, что она с приветом?» Ты был таким настоящим и обыкновенным. И немножко необыкновенным, потому что без костюма, галстука и модных туфель. А еще с коктейлем из безалкогольного шампанского и мартини. Я в жизни столько не пила, как тогда с тобой.

Всегда боялась расслабиться. Боялась, что как только поверю, сниму палец с курка — все повторится.

Я чувствую, как начинают стучать зубы.

Нужно сделать паузу, дать себе передышку и на натягивать нервы как струны, потому что если лопнет — я снова потеряюсь в прошлом. Может быть навсегда на этот раз, хоть мой врач уверена, что на самом деле все не так страшно.

Но нужно закончить сейчас. Пока я накачана успокоительными и эмоции валяются в нокауте. Если они снова выберутся на передовую, это снова буду не я.

— Пять лет назад мне написал один парень. Просто написал сообщение, адресованное не мне, а когда я ответила, что ошибся номером, извинился. И пошутил. Я пошутила в ответ. Он снова что-то написал, я снова ответила. Мы переписывались пару дней даже не зная имен друг друга. Это было... так необычно. Кто-то просто спрашивал, как у меня дела, присылал забавные картинки. Кто-то, кто не разговаривал со мной, чтобы в итоге спросить: «Ну ты как — уже получше, уже не орешь во сне, с окон уже сняли заглушки?»

— Малыш, если не хочешь... — пытается остановить Антон.

— Я очень не хочу, — горько усмехаюсь в ответ. — Ты не представляешь, как сильно не хочу снова ковырять все это... Но иначе...

«Иначе ты не сможешь меня простить».

Он и так не простит. Это очевидно. Можно уже не бороться, бросать знамена и командовать собственным расстрелом.

Но я все равно попытаюсь.

— Мы общались так пару недель. Конечно, уже познакомившись и рассказав друг другу, кто мы. Обменивались фотографиями. Все было хорошо. Я была просто девушкой со странным именем и без грязного прошлого. А он был парнем. Потом решили встретиться. Он мне, если честно, не очень понравился, а я совсем не понравилась ему. Но нам было весело и неплохо друг с другом.

Тогда я не знала, что купаюсь в самообмане, пытаюсь нафаршировать свою пресную симпатию эмоциями, с которыми не справлялись даже лошадиные дозы транквилизаторов. Чтобы и у меня тоже были настоящие теплые чувства к мужчине, чтобы и я была нормальной девушкой, которая пережила и смело шагнула в будущее, где у нее не случается приступ, если мужчина, чтобы спросить, который час, подходит ближе, чем на три метра.

— Однажды мы сидели в кафе, кажется, перед самым Новым годом. Он спросил, не хочу ли я пригласить его в гости и познакомить с родителями. Я сама об этом думала, но планировала немного подождать. Просто тянула время. Не знаю зачем. Видимо, подсознательно чувствовала подвох. В общем, мы немного поболтали, я пообещала узнать, не будут ли мама и папа против, если я приведу на семейный праздник одного человека. Потом он отошел и забыл телефон на столе. Телефон начал звонить. Это была Вика — я узнала ее по фотографии, потому что это была моя фотография. Чтобы ты понимал — никто не знал, что мы общаемся. То есть, Вика, конечно, выспрашивала, с кем это я все время приписываюсь и иногда провожу вечера, но я их не знакомила. Ему я ничего не сказала. Просто спросила Вику в лоб. Она пыталась отвертеться, но потом сдалась и призналась. Это был брат ее тогдашнего парня. И это она попросила его «случайно со мной познакомиться». Чтобы я не была такой несчастной. Хотела сделать мне подарок под елку. Из самых лучших побуждений.

Я не хочу рассказывать о том, что после этого у меня случился второй срыв.

Было так больно и плохо, что я прибежала домой и выпила свои «чудесные таблеточки». Которые меня не взяли. Поэтому я выпила их все. Просто чтобы заснуть и больше ничего не чувствовать.

Мама не дала мне «уйти» во второй раз. Сорвалась какая-то важная встреча и поэтому она вернулась домой раньше.

— Какая хорошая подружка, — слышу сухую ремарку Антона.

— Она хотела как лучше. — Я никогда не злилась на нее за тот поступок. Даже слова не сказала. А когда пришла в себя, увидела, как она рыдает и просит прощения. У меня не было другой подруги, и я не знала, что буду делать и как жить, если потеряю еще и эту. Так что мы сошлись на том, что я никогда не буду вспоминать о том случае, а она больше не будет ни с кем меня знакомить.

Кажется, Вика решила, что я «увела» Вадика в отместку за ее «заботу».

А ведь я почти забыла. И действительно простила. Даже ни разу не вспомнила и не упрекнула.

— А потом все стали говорить, что Саша — хороший вариант. Он знал, что я «не такая», перед ним не нужно было бы притворяться, он не стал бы тащить меня в кровать на третьем свидании. Был намного старше, да и так почти уже член семьи. Так что... Я начала встречаться с Сашей. Он был моим «папочкой», а я — его «не такой» девочкой. Он играл мускулами, забрасывал подарками, а я не умела радоваться в ответ. Он пытался меня раскрепостить, а мне было больно. Он был благородным и правильным Прометеем на скале, а я — фригидной недоженщиной, которая не могла чуть-чуть притвориться хотя бы из уважения. Представляю, с какой радостью он окунулся в мир настоящей раскрепощенной женщины.

Эту иронию я не глотаю намеренно.

Пусть будет как соль и перец на столе.

— Малыш, ты — не фригидная.

— Но я не знала этого до тебя!

Я сжимаю орхидею в кулаке. Цветок ужасно жаль, но иначе я просто снова начну царапать себе руки.

— Прости, я не хотел.

Мне противно от себя самой.

Потому что «прости» нужно говорить мне. Много миллионов раз.

— А потом появился ты. — Зубы снова стучат и меня начинает потряхивать, но даже в резерве не осталось сил. Либо я буду справляться с нервами, но заткнусь, либо закончу, но буду в хлам. Первый вариант я выбирала последние десять лет. Нужно, наконец, выбрать второй. — Такой... как будто специально для меня. Ты не смотрел свысока, не смотрел как на полоумную. Был «не из клана Сергеевых-Воскресенских и его приближенных». Ты был мужчиной, который смотрел на меня как на не очень симпатичную, но все-таки женщину.

Самое тяжелое — посмотреть на него сейчас.

Заставить себя принять новый взгляд. Увидеть, как человек, ради искренней улыбки которого я готова была попытаться жить заново, начнет улыбаться как остальные. Как он тоже станет понимающим, сочувствующим, принимающим. Как и на нем появится значок «Я знаю, что ты не-такая, я почитал в интернете о жертвах насилия и о неудавшихся суицидниках, и буду нужно-правильным!»

Мой Антон стоит около тумбы у противоположной стены. Опирается на нее бедрами и

держит руки в карманах брюк. Ему очень идет костюм. Запонки сводят с ума. И еще ремешок часов.

Я не могу сдерживаться.

Плачу и скулю, потому что и это — не сон и не кошмар, от которого невозможно проснуться.

Моего уставшего майора здесь уже нет. Я его уже потеряла.

— Нет пожалуйста! — криком останавливаю его попытку подойти. — Не надо. Не нужно... ближе.

Он понимающе кивает.

Я просто не выдержу, если будет ближе. Снова включу самообман, представлю, что это намек на прощение, тонкий мостик на ту сторону к нему.

Хотя бы раз в жизни.

Я должна сказать правду.

— Понимаешь... — Проглатываю вязкий и горький ком в горле. — Мне было хорошо с тобой. Просто хорошо без всяких «если» и «но». Просто быть рядом, знать, что ты где-то тут, что мы можем просто разговаривать о миллиардах разных вещей и понимать друг друга. А можем просто молчать и все равно будем на одной волне. Ты был единственным, для кого я не была амебой под микроскопом. Каким-то... как будто с другой планеты. И я... Я задышала рядом с тобой.

Это так больно.

Сжимаю руки в кулаки, потому что костяшки сводит судорогой.

Я должна закончить.

Легче не станет.

Но эта правда — она для него.

— Десять лет я была в анабиозе. Мне ничего не хотелось, мне было либо больно и тошно, либо никак. Я не строила планы на будущее, не искала новых эмоций и впечатлений. Я существовала как бабочка-капустница — один день. Чтобы утром проснуться, выполнить все обязательства, подышать, поесть и умереть во сне. И так — снова и снова, и снова. А ты... Изменил все. Мне захотелось жить рядом с тобой. Жить для тебя. Жить просто так, потому что в мире вдруг оказалось так много классных вещей, которые я хотела сделать вместе с тобой! Есть мороженное, читать вслух книги, разбить клумбу возле дома, сшить одеяло из старых футболок и валяться на нем вдвоем на полу, когда будем смотреть новую серию Звездных войн. Мне плевать, что это случилось слишком сразу и слишком сильно. Мне плевать, что так нельзя, что это безумие. Я, блин, и так уже не здорова! Но мне было... впервые в жизни... впервые во всем этом сером кошмаре... по-настоящему... просто хорошо. Потому что... знаешь... я ведь влюбилась. Какой-то своей больной нездоровой любовью, но на самом деле.

«Я люблю тебя просто так, мой колючий кактус Антошка, даже если ты совсем не любишь меня. И мне все равно. Я люблю тебя так сильно, что сумею любить за двоих. Только тебе это больше не нужно, да?».

— И я просто не смогла сказать тебе правду. Я испугалась. Я не хотела снова туда, в анабиоз, в страшные сны. Я просто хотела украсть у жизни еще немного времени. Я врала из-за этого чертового времени, которого у меня не было! Если бы сказала правду — ты бы ушел. Все уходили. Все оставались рядом, но уходили. Понимай как хочешь, но рядом со мной уже давно нет живых людей. Только бесконечные правильные_реакции с руками и ногами,

улыбки, на которые я так же фальшиво улыбаюсь в ответ. Я сама создала этот обман. Сама виновата. Но я... клянусь... я не хотела обманывать тебя. Просто сделала... как всегда, неправильный выбор.

— Ты не можешь знать, ушел бы я или нет, Очкарик. И теперь мы оба никогда этого не узнаем. Ты не дала мне выбрать, понимаешь? Ты решила за нас обоих.

Я киваю.

Я согласна.

Я понимаю.

Ты прав. Ты всегда оказываешься прав, даже если иногда мне кажется, что ошибаешься.

— Но, знаешь... — Мне уже все равно. Он ушел. Я вижу. Я знаю. Я чувствую, что ушел. И что теперь я должна сказать все это хотя бы просто ему вслед. Уже ни на что не надеюсь. — Эти три недели... Если бы у меня была возможность вернуться и все изменить, променять правду на эти три недели рядом с тобой... Я бы выбрала ложь. Снова. Каждый раз я бы выбирала ложь. Это моя некрасивая и неудобная правда. Но другой нет. Потому что я никогда... ни с кем... эти три недели... как с тобой. Прости, что я дрянь и обманщица. Но я... ни о чем не жалею.

Антон молчит.

Я не знаю, что он хотел услышать и что в итоге услышал.

Мне не стало легче. Я и не ждала, что вдруг станет хорошо.

Это просто правильный поступок, который все равно уже ничего не решит и не изменит.

— Я думаю... Нам нужно... Побывать врозь... Какое-то время.

Где-то здесь я чувствую, что снова умираю.

На этот раз естественный закон природы дал сбой, и бабочка-капустница прожила целых двадцать один день. Пора, дурочка. В этот раз — на шпильку. Для разнообразия.

— Так будет лучше, — соглашается Антон. — Прости. Я реально... в хлам.

— Уходи, пожалуйста. — «Или я брошусь тебе на шею... Мне не хватит сил доиграть спектакль до конца». — Просто уходи.

Я снова прячусь за ложью, потому что не хочу, чтобы он уходил.

Я снова прячусь за самообманом и отворачиваюсь, чтобы не видеть, как он уходит.

Закрываю уши руками, чтобы не слышать, как откроется и закроется дверь.

Сворачиваюсь на кровати клубком.

Я — бабочка-капустница.

Мой длинный-длинный день подошел к концу.

Глава шестидесятая: Антон

BrainStorm — Ветер

Возвращаться в дом не хочу.

Катаюсь по городу без цели, без смысла, практически наугад выбирая повороты и перекрестки.

До утра от чего-то не то убегаю, не то вдогонку.

Я столько раз просил не решать за меня, что, кажется, чуть ли не благим матом орал: «Не делай того, что касается меня, у меня за спиной!»

Но она все равно сделала.

И до того, как услышал весь тот монолог, в моей голове особо и не было вариантов разночтения. Я просил. Я несколько раз давал понять, как нельзя. Что последствия обязательно будут, и они ей не понравятся. Но она все равно сделала по-своему. А, значит, хотя бы немного, хотя бы на один процент, но должна была понимать, что, когда правда вскроется — самый первый и самый сильный удар будет именно по ней.

Но в голове, как отравленный гвоздь, торчат ее слова.

Я пытаюсь на максимум врубить циника, скептика, мудака. Вытаскиваю из подземелья свои самые херовые качества, вешаю на сердце здоровенный амбарный замок без намека на замочную скважину.

Это же просто манипуляция, Антон.

Еще один грамотный развод.

Даже если непонятно, зачем этой «золотой девочке» сдался, по сути, простой офицер. Скорее уж, меня бы упрекнули в попытке хорошо пригреться, а не наоборот.

Я честно снова и снова вышвыриваю из памяти заплаканные и какие-то совсем не живые глаза, но, когда на светофоре промахиваюсь и пролетаю на красный, чудом разминувшись с какой-то легковушкой, в зеркале бокового вида снова зарёванное лицо Очкарика.

На женщин я не могу обижаться в принципе. Это как-то сопливо и не по-мужски.

Но злюсь на них часто, особенно когда делают то, о чем в лоб прошу: «Не надо так!»

На Очкарика даже злиться не могу.

Не получается.

Зачем ты сказала, что влюбилась? Кто тебя просил все портить, писательница? Нам же было просто хорошо вдвоем, мы же вроде вместе строили эту жизнь по заданному и понятному плану. Зачем ты вывалила на наши отношения горку кубиков своих чертовых розовых пони? Что мне теперь делать с этим зоопарком? Я не могу их под нож, понимаешь? Я не настолько...

Я резко сворачиваю в какую-то подворотню.

Стоп, Антон. Считай, что чуть не влетел под «кирпич».

Я не нянька, Очкарик, прости. И теперь уже никто из нас не узнает, готов ли был стать большим, чем почти деловым партнером.

В голове медленно проясняется.

Нам правда нужно побыть врозь. Я не знаю, сколько. Пару дней? Пару недель?

Нужно все-таки вернуться домой и выспаться. У меня целое одинокое воскресенье сегодня, которое я мечтал провести совсем по-другому: не один, не в машине, не под

дождем, который люблю.

В доме тихо. Слышу, как на втором этаже тикают часы.

Мне всегда было хорошо здесь, даже когда не было еще ничего, кроме стен и дырок под окна. Уже тогда дал себе обещание, что что бы ни случилось — это будет моя крепость, моя избушка. Через порог не попадет ничего, никакая херня.

Но что-то не так.

Я стою на пороге гостиной, смотрю на диван, телик, шкафы, полки. Все на тех же местах, ничего не изменилось, ничего не пропало, ничего не добавилось.

Наташка, которой здесь почти не было, как-то ухитрилась навезти целую кучу барахла, которое валялось на каждом шагу.

Женщина, на которой я женился, не оставила ничего. Как будто ее и не было совсем. Даже устраиваю маленький квест: хожу по дому, заглядываю в каждый угол, чтобы найти хотя бы напоминание. Не сошел же я с ума, в самом деле.

У меня есть кольцо. Штамп в паспорте.

У меня есть жена с именем, которое подошло бы героине ее книги: Йеннифэр Воскресенская-Сталь. Но ее как будто никогда не было.

Только в ванной в держателе — розовая в белый горох зубная щетка и такого же цвета маленькое полотенце для лица. Прячу все в ящик.

Я не уверен, что хозяйка за ними вернется.

Я не уверен, что ей это нужно.

И не уверен, что что-то из двух предыдущих вариантов мне интересно.

Я никого не люблю. Запретил себе это лет сто назад. Сказал — и сделал. Когда ни по кому не болит душа и как-то плевать, рядом человек или с кем-то другим, — все просто и понятно.

Возможно, в нашей паре не только Очкарик не-здорова. Скорее всего я тоже далек от нормы.

На хуй все.

Просто еще одна ошибка.

Я сплю все воскресенье. Выпиваю лошадиную дозу снотворного и заваливаюсь в кровать. Встаю уже ночью, чтобы принять душ, что-то съесть и снова уснуть.

В понедельник еду на работу. С кислой улыбкой принимаю поздравления от коллег.

Выставляюсь паре своих приятелей, не уточняя, что я — как чертов граф де Ла Фер из «Трех мушкетеров»: не муж и не вдовец.

От «Хеннесси» немного кружится голова, но алкоголь не берет.

Домой приезжаю часа в три ночи. Мысленно ругаюсь, потому что днем тут какие-то ремонтные работы с подстанцией, выключают свет, а когда снова дают электричество — у меня в спальне включается подсветка.

В окнах второго этажа тусклый серебристый свет.

Кажется, там тонкий силуэт. Моргаю. Полоска тени за дымным облаком занавески: вскинутые руки, знакомый взмах головой.

Я не помню, чтобы давал Очкарику ключи.

Я знаю, что это просто мое не вовремя проснувшееся воображение, но все равно как-то слишком быстро иду до двери.

По ступенькам.

В комнату.

Толкаю дверь.

Никого. Только кровать, которую я оставил в полном беспорядке.

Не думать, хотел бы я, чтобы Йени каким-то образом оказалась здесь или был бы зол, что она первой нарушила наше «побыть врозь».

В телефоне от нее ни единого сообщения.

Я не понимаю, женат я или не женат.

Половина второго ночи.

Писать ей уже поздно, но... но...

«Как ты?»

Жду, что ответит сразу. Она всегда отвечает мгновенно, как будто в ее голове со странной прической и съехавшей набок заколкой есть особенный датчик, подающий сигналы только в ответ на мои звонки и сообщения.

Не отвечает.

Засыпаю около трех.

По будильнику снова подъем, на автомате.

Ответа нет.

В голове начинают роиться слова ее матери о том, что она «особенная». Что с ней нельзя, как с остальными, что она умеет притворяться как никто.

Что, если она не хотела, чтобы уходил? Что, если нужно было остаться? Не думать, что мы будем делать, а просто остаться. Обнять, сказать ванильную хрень, от которой всегда таяла, словно мороженое. Молчать, не разговаривать друг с другом, но просто быть рядом.

Странно, но я болезненно остро жду хотя бы точку в ответ. Но лучше бы позвонила.

«Пожалуйста, напиши, что у тебя все в порядке».

Это сообщение отправляю утром в среду.

И снова тишина.

Только голос ее матери в голове: «Но обычно она просто садится с угол и плачет. Просто плачет, Антон. До сих пор. Потому что она — нездорова».

«Очкарик, выбирайся из своего угла. Не молчи! Поговори со мной!» — в четверг вечером.

Если бы что-то случилось, мне бы сообщили?

Почему-то не могу ей позвонить. Смотрю на номер и не могу себя заставить ткнуть на одну единственную «кнопку».

Но моя писательница все-таки отвечает.

В пятницу, точнее, в ночь на субботу.

В три часа ночи я не сплю, просто лежу в темноте и, когда экран загорает входящим сообщением, знаю, что это — она.

Жена: *«Я ♥ тебя, Антон. Но, может быть, мы разведемся?»*

Она у меня «жена», а я у нее — «разведемся».

«Ок, малыш, давай разведемся».

Конец!

Речь идет об аромате «Black Afgano» от парфюмерного дома Nasomatto.

Здесь и дальше — строчки из песни «18+» группы «Каспийский груз».

Речь идет о серии компьютерных хоррор-игр «Silent Hill».

Здесь и ниже использованы строчки из песни «Видишь какая я» певицы Мари Краймбрери.

ПП — правильное питание.

Отсылка к стодолларовой купюре, на которой изображен портрет Бенджамина Франклина — американского политического деятеля и военного лидера.

Отсылка к цитате из «Кода да Винчи».

Отсылка к циклу «Ведьмак». Геральт — имя главного героя, ведьмака, который носит медальон в виде волчьей головы.

Отсылка к серии фильмов «Терминатор».

Имеется ввиду мультсериал «Звёздные войны: Войны клонов».

Песня: «Ведь сегодня я нашел тебя» исполнителя Jah Khalib.

Эпидерсия — загадочная, непонятная, часто неприятная, нежелательная ситуация.

Лопе де Вега — испанский драматург, поэт и прозаик (советский телефильм «Собака на сене» снят как раз по одной из его пьес).

Чувство собственного величия.

Имеется ввиду эксперимент Олдсона и Милнера. Эксперимент был построен следующим образом: электрический ток включался, когда крысы заходили в определённый угол клетки. Согласно теории, они должны были бы сторониться угла, если бы эффектом был дискомфорт. Вместо этого они очень быстро возвращались обратно после первой стимуляции, и ещё быстрее после второй. В более поздних экспериментах учёные позволили крысам нажимать на рычаг стимуляции самостоятельно, в результате чего они начали стимулировать себя до семисот раз в час. Этот участок мозга вскоре стал известен как «центр удовольствия». Крысы с имплантированными в прилежащее ядро металлическими электродами начинали повторно нажимать на рычаг, который активировал эту зону, забывая впоследствии о принятии пищи и воды, и, в конечном счёте, умирали от истощения.